
Хамид Алимджан

Воображение
ПЕВЦА

Стихотворения
Баллады
Пэзмы

ТАШКЕНТ
Издательство литературы и искусства
имени Гафура Гуляма
1985

Уз2
А50

Составитель —
ХУЛЬКАР АЛИМДЖАНОВА

Алимджан Хамид.

Воображение певца: Стихотворения. Баллады. Поэмы/[Сост. Х. Алимджанова]. — Т.: Изд-во лит. и искусства, 1985. — 256 с.

В книгу включены лучшие произведения выдающегося узбекского советского поэта Хамида Алимджана, пользующиеся неизменным читательским интересом и любовью вот уже несколько десятилетий.

А $\frac{4702570200-167}{M352(04)-85}$ 85—85

Уз2

© Издательство литературы и искусства
имени Гафура Гуляма, 1985 г. (оформление,
составление).

Стихотворения

*Может быть, песню сердца мою
Вихрь не развеет в песках без ответа,
И люди, как влаги чистой струю,
Встретят ее улыбкой привета.*

ГОРНАЯ ГАЗЕЛЬ

О, как нужна мне горная газель!
Ее я видел издали однажды,
И с той поры ищу ее и стражду,
Изнемогая от тоски и жажды...
О, как нужна мне горная газель.

В реке мелькнет косое отраженье,
Нагнусь туда — и только волн движенье.
И вот уже над высями гранита
Стучат ее янтарные копыта.
О, как нужна мне звонкая газель!

Я травы рвал, я вспоминал преданья
У родника в час лунного сиянья,
Она ж! Она за облаком летала,
По склонам гор, как молния, скакала
О, как нужна мне дикая газель!

Я знаю, что ее зовут весною,
Что шелковистой юною травкою,
Цветами пышными колышутся луга,

Где только проскользнет ее нога.

О, где же ты, весна моя — газель?

Я знаю, что ее зовут любовью,
Что чашу, полную кипящей кровью,
Весеннего веселого вина

Подносит ночью девушкам она.

О, где же ты, любовь моя — газель?

В каких снегах на мраморных вершинах
Сверкает пламень взглядов ястребиных?

К какому озеру арчовою тропою

Идет она под утро к водопою?

О, где же ты, мечта моя — газель?

Пусть проищу всю жизнь, пускай погибну,

Но я свою крылатую настигну.

Открою ей заветное страданье,

Ей на ушко шепну свое желанье —

И станет песней горная газель!

1936

РЕКА МИЗИМТА

С рекой Мизимтой мы попутчики были

Дорога в горах нелегка, далека.

И жажду, что сердце мое истомила,

Напевом своим утолила река.

Долин украшеньем ее назову я.

Ущельям — она подарила красу,
То жемчугом блещут прозрачные струи,
То вдруг растворяют небес бирюзу,
То мрамор текучий увижу в ней только,
То — ртути сверканье вода принесет,
Иль солнце, разбившись на сотни осколков,
Упало в ту речку с небесных высот?
Бурливая, вечно покоя не знает, —
И плещет, и блещет лазурью воды,
И кажется, будто навеки изваян
В ее хрустале — образец чистоты.
...На гранях вершин — снеговые узоры,
У них облака белизну обрели...
Река Мизимта вдаль стремится, упорно
Храня непорочность — для милой земли...

1936

НОВОГОДНИЕ ПОЖЕЛАНИЯ

Со звоном бокалов, в сиянии света
Берет новогодье в объятия свои.
Бывает ли ночь веселее, чем эта?
Сильней разгорается пламя любви.

Пускай нам на лица морщины не лягут
И волосы не запылит седина.
Пускай не изменим мы юной отваге —
И век поражений не знает она!

Любимым — великой любви обретенье,
В чей сад не ворвется ни ветер, ни снег,
А юным и нежным, в начале цветения,—
Печали, тоски не изведать вовек!

Стареть не умеем, такие мы люди,
И рано о тяжести лет говорить:
Еще и полвека эпохе не будет,
Которую молодость наша творит.

Эй, кравчий, сюда! Пиалы нам наполни!
Пусть к юности нашей прибавится год —
Опять новогодье с улыбкой напомнит:
Течение лет умножает народ!

С весельем приди, Новый год, и с задором,
И счастье грядущее нам покажи!
Просторы вселенной открой нашим взорам:
Великие ждут впереди рубежи!

1940

СМЕРТЬ ОФЕЛИИ

1

Хочешь петь ты, но вместо слов
Стынет стон на сухих губах.
Ворох белых лесных цветов
В распростертых твоих руках.

7

Столько муки в твоей крови.
Так сгорающий взор глубок,
Что плывешь ты в слезах любви,
Как размытый волной цветок.

Что ж, плыви... небосвод угрюм,
И пучина реки жадна.
Сколько жалоб, и слез, и дум
Похоронено в тине дна..

Будь ты чище хоть во сто крат,
Будь альпийских снегов белей —
Панихиды слова звучат
Над погибшей мечтой твоей,

Только странно, к чему тогда
Столько света в глазах твоих,
Что царица ночей — звезда —
Подражает силению их?

Почему тогда, для чего
Грудь бела, как снега вершин,
И у влажного рта твоего
Взял окраску свою рубин?

Хочешь петь ты, но вместо слов
Стынет стон на сухих губах.
Ворох белых лесных цветов
В расprostертых твоих руках.

2

Может, будь некрасива ты,
Меньшим было б горе мое,—
Беспричинна скорбь красоты,
И бессмысленна смерть ее.

8

Старый мастер цветов и трав,
О природа, где разум твой?
Ты зачем, красоту создав,
Оскорбляешь ее бедой?

И для этого ль в тишине
Дочку нежно растила мать?
Цвет мой розовый! Трудно мне
О любви без тебя писать.

...Как печально и тихо, как
Над пучиной плывут цветы...
Черным пламенем вьется мрак
Над могилою красоты.

3

Датский принц был уже угрюм;
Свой бессвязный вели рассказ.
Окруженные тенью дум
Два пылающих угля глаз.

Он любил тебя, как глухой
Любит звон ключевой воды,
Он любил тебя, как слепой
Любит свет золотой звезды.

Только даже такой любви
Не разрушить безумья плен...
Милым Гамлета не зови,
Не склоняй перед ним колен.

В склепе скорби душа его,
Взор его омрачен и пуст,
И ни возгласа, ничего
Не сорвется с холодных уст.

Страшный дух, что пред ним предстал,
Опаливши дыханьем грудь,
Ночью сказку ему рассказал
И в далекий отправил путь.

Небосвод над тобой суров,
Он — темница для соловья.
...Меж размытых водой цветов,
В темном иле коса твоя...

4

Чуть увяли цветы твои —
Старый мир мечты растерял
И, терзаясь жаждой любви,
Безнадежно пустынным стал,

С той поры по путям веков
Гамлет бродит, упрям и груб,
И цветут у его следов
Лепестки твоих алых губ.

1936

РЕКА ПРОЗРАЧНА, ДАЛЬ ЯСНА

Я счастлив, а когда ликую —
Все по душе мне. Солнце льет
На доли краску золотую—
Она в словах моих поет.

От памяти я отсекаю
Влачащих мрачно жребий свой.
Здесь радости я присягаю,
Любуясь неба синевой.

Белейший снег венчает скалы,
Река прозрачна, даль ясна.
Здесь мой исток, мое начало,
Мое жилье, моя страна.

Здесь каждый, кто добру причастен,
С друзьями делит дни свои;
Здесь человеческое счастье
Поют цветы и соловьи.

1937

ЮЖНОЙ НОЧЬЮ

Когда б не ты, я б этих волн свеченье
Не замечал, рассудка не терял.
Когда б не ты, я б этих слов значенье
С биеньем сердца не соразмерял.

И месяцем, плывущим величаво,
Не любовался бы, когда б не ты;
И луч звезды, мигающей лукаво,
Мне в душу не проник бы с высоты.

Нам стоило лишь встретиться глазами —
И словно в бурю — мне стеснило грудь,

И я тогда узнал, какое пламя
Внезапно может в сердце полыхнуть.

Скажи, кто из людей, любивших прежде,
Как я, хмелел от счастья вновь и вновь?
Могла ли раньше девичья любовь
Так безоглядно ввериться надежде?

1936

В ЧИМГАНЕ

По искристому срезу кремня
Пробежала газель над рекой.
Небо близко совсем от меня,
Облака задеваю рукой.

Горы с проседью белых снегов,
Все обширней они, все темней.
Вдоль окованных льдом валунов
Я иду по тропинке своей.

А долина внизу убрана
В шелк тюльпановый, в теплую тень.
Года круглого все времена
Видел я за сегодняшней день.

По ущельям — зима (потому ль
И под солнцем так холодно тут?),
У подножья — палящий июль,
А на склонах фиалки цветут.

Водопадов безудержный лет,
Белым кружевом машет волна.
С горы на гору тихо идет
С красной чашей тюльпана весна.

То зеленый, то розовый луг,
Голубые лежат зеркала,
И в зеркального озера круг
Загляделась седая скала.

Лишь увидев все эти места,
Заблудившись среди сумрачных гор.
Я узнал, где живет красота,
Как спокоен и дик ее взор.

И когда вслед вечерней звезде
Ветер горный поток уносил,
Я горстями в зеленой воде
Отраженные звезды ловил.

1936

ЛЕНТЫ ДОРОГ

Как острый кинжал, прорезая пространство,
Наш поезд торопится — грудью вперед,
И ветер, врываясь в зеленое царство,
Траву то запутает, то разберет,

Холмы и лощины, ущелья и горы...
Окутанный дымом, стремления полн,

Летит наш состав, сотрясая просторы,
Качаясь, как лодка, средь каменных волн.

Вот птица — в небесном раздолье мелькнула...
За поездом мчится крылатой стрелой.
Устав, к проводам телеграфа прильнула
И голову прячет себе под крыло.

И нас ожидают в дороге становья,
Когда подъезжаем — волнуясь, кипят,
Вслед машут цветами, и долго мы ловим
Прощальный, в дали угасающий взгляд.

День с нами простился закатом узорным,
И зной отступил, и темнеет уже...
Укрывшись атласом волос своих черных,
Ночь тихую песню рождает в душе.

На мраморе неба — как пуговики, звезды
Горят угольками — взгляни и сочти!
Стальной богатырь, раздвигающий воздух,
В песчаных холмах утопает почти...

Из окон струится сиянье такое,
Что куст тамариска — как будто в огне,
Текут, утекают зеленой рекою
Бескрайние степи, — так чудится мне.

В лесах затаясь, соловьи распевают.
Невидимы глазу — ведут свой рассказ
Так страстно, так нежно, как будто взывают:
— Хоть ночку одну — погостите у нас!

Широкие реки проносятся мимо...
Мельканье лодок, мерцанье лучей...

Как звон колокольчиков нечислимых —
Журчанье игривых, кипучих ключей...

1929

У ЧЕРНОГО МОРЯ

Чудесный будет день: деревья на горе
Зарделись, заасветились,
И, говорят, звезда видала на заре,
Как солнце к нам катилось.

Чудесный будет день: едва дрожит самшит
Под ветерком с побережья.
Чудесный будет день: ночным дождем промыт,
Прозрачен воздух свежий.

Чудесный будет день: где за волной волна
Бессонная несется,
Гляжу я вдаль — она, как я, напряжена:
Мы ждем явленья солнца.

Люблю его сильней, чем любит пламень свой
Огнепоклонник истый!
День беломраморный, оправлен синевой,
Пришел тропой лучистой.

1936

* * *

Красавица! За то, что в немоту
Перед тобой впадаю — ты прости мне.
Кто дал тебе такую красоту?
Скажи — ему слагать я буду гимны!

1937

ЮНОСТЬ

Юность легкой ласточкой умчалась,
Улетела, словно не была.
И в руках протянутых осталось
Лишь перо из синего крыла.

Я стою над пасмурным простором,
Дует ветер на море с земли.
Море, всюду море... А над морем—
Облаков косматых корабли.

Улетела, прошумев крылами...
Разве я успел сдружиться с ней,
Насладился яркими цветами,
Надышался юностью моей?

Разве я... Но ласточкой умчалась,
Улетела, словно не была,
И в руках протянутых осталось
Лишь перо из синего крыла.

Ну, прощай! Прощай, моя отрада,
Золотая ласточка, прощай!
Между нами — снежных гор преграда
И степной необозримый край.

Окружен я ветром и простором.
Междубурье. Дождевая мгла.
Море, всюду море... А над морем—
Свежий след от синего крыла.

1932

* * *

*Любовь — это старая-старая вещь,
Но каждое сердце ее обновляет.*

Хади Такташ

У каждого сердца есть время расцвета,
Когда в нем гостят и любовь, и весна,
У каждого сердца — цветение лета,
И страсть, что плодами, как осень, полна.

Но вот что нам чуждо — минувшего были,
Те черные дни, что сгубили Лейли!

Те ночи беззвездные мы позабыли,
Что счастье Ширин растоптать помогли...

1936

ДЕТСТВО

Да, жизнь обычно такова:
Впивая жадно солнца свет,
Резвишься в цветниках сперва,
В песках, в лугах свой множишь след...
Поздней, влюбившийся в мечту,
Которой утоленья нет,
Пути к которой не сыскал,
Карабкаешься по хребту,
Штурмуешь перевал...

Детьми мы были... Сил запас
Накапливался, что ни миг;
Был зорким и пытливым глаз,
А сердце чище, чем родник.
Была еще нежна душа
Той первой, раннею порой;
Мы жили, радостью дыша,
Пленяясь каждою игрой.
Кишлачных узких улиц стук,
Домишки по холмам вразброс.
Сады... В садах цветенье роз,
Журчащий день и ночь арык.
Тропинки вьются — далеки,
Горят светилен огоньки,

А мы шумливую гурьбой
Спешим к воде — и ну нырять,
Плещась друг дружке вперебой,
Рыбешкам вспугнутым под статы..
Пройдут ли девушки, — вдогон
Летел, бывало, яблоч град;
Восход луны на небосклон
Служил сигналом для ребят:
Как воробьи, со всех сторон
Слетались мы, тот час избрав
Для прятков и других забав...
Как нам зато спалось потом
Ягнячьим безмятежным сном!

Давно те промелькнули дни,
И жизнь предстала нам иной:
Вперяя вдаль глаза-огни,
Помчал нас в город конь стальной.
Крутились по бокам сперва
Уступы гор...

Потом, гляди:

Все, все осталось позади.
Конь ржаньем оглашал простор.
Щемило сердце: в нем печаль
Вела с восторгом долгий спор;
Но путь был нов, манила даль,
И в споре победил восторг.

Немало отшумело зим,
Немало весен пронеслось
Полетом радостным своим,
И многое из снов сбылось...
Мужали души и умы,
И с маршем жизни городским
Сроднились мы.
Конечно, не всегда гладка

Дорога жизни... Вперевз
Порою бурная река
Рванется... Кажется — исчез
И свет дневной. Но миг, другой —
Вновь блещет солнце над рекой,
Тебе и ей вернув покой.
Придет на память иногда
Минувшей юности пора
Иль детства... Кажется, вчера
Все это было... О, тогда,
Перебирая те года,
Их воскрешая, сам не свой
Я молча никну головой.
Но не властна над сердцем грусть:
Промчались, промелькнули... Пусть!
Как море — жизнь передо мной
Шумит и пенится волной,
Вновь увлекая и маня
Помолодевшего меня
В ее вскипающий прибой...

1928

НА БЕРЕГУ БАЛТИЙСКОГО МОРЯ

Морская ширь! О, как прекрасна ты!
Себя с волной в одно соединяя,
Хотел бы плыть я, ветер обгоняя,
С тобой сливая песни и мечты.

Как мать ребенка, ты мой легкий челн
Ласкаешь и укачиваешь нежно.

Поэта вдохновляя дух мятежный
Игрой своих неукротимых волн.

А в бурный час счастливей нет тебя:
Могучий ветер воды ввѣрх взметает,
И вал то опадает, то взлетает,
Как жемчуг, брызги в воздухе дробя!

Объятье моря, как прекрасно ты!
Себя с волной в одно соединяя,
Хотел бы плыть я, ветер обгоняя,
С тобой сливая песни и мечты.

1928

НАСТРОЕНИЕ

Откуда пришло ты и вторглось в сознание,
Смутило мне душу тревогою темной?
Зачем дружелюбья разрушило зданье
И сделало думы толпою бездомной?

Страну мою мысли мои облетали,
В них были горенье, порыв, откровенье.
А в чувствах моих — в их строю, в их накале,—
Чудесно господствовало вдохновенье.

Струна только дрогнет — и звука довольно,
Чтоб душу мелодия заморозила.
Воробушек малый чирикает вольно
О том лишь, чему его мать научила.

Слух сердца я чутко настроил сначала,
Дал разуму волю — все было на страже
И напряжено, и мешала мне даже
Случайная муха, что вдруг прожужжала.

Постой, дай продлиться волшебному свету,
Пускай завершится картина цветная!
Постой, допишу я последнюю эту
Страницу, в кровь сердца перо окуная.

1937

КОГДА ТОСКУЕШЬ ПО ВЕСНЕ...

Ветер... Зима на дутарах играет.
В танце кружится серебряный снег.
Сердце ж дыхание весны ощущает,—
Песней пробился в нем юный побег!

Смейся, весна, молодыми устами
Землю целуй, опьяняющий день,
Рощи, холмы разукрасив цветами,
Щедро природу в шелка разодень!

Ты закипи и прорвись сквозь бураны,
Чтобы прийти к нам неожиданной, желанной!
Радостью каждый росток напои,
Как напоила ты песни мои.

Я по горам, как пастух, как влюбленный,
Буду бродить, обнимая весну,

А ввечеру у ключа, утомленный,
Сном животворным усну...

1928

ВОСПОМИНАНИЕ О НЕВЕ

Ты плавно движешься и, как девичий
Дневник, твои глубины тайн полны.
В твой облик жизнелюбцы влюблены,
Воспевшие в веках твое величье.

Позволь и мне, певцу иного края,
Отдать частицу своего огня
Тебе, прекрасной! Выслушай меня,
О, помолчи, не отвергай, вскипая.

Пусть голосом моей свирели вольной
Душа дарит тебе свой тайный свет,
И, хоть мгновенный, но оставит след,
А там — пускай уносят песню волны!

Да ты сама поэт! Судьба столетий
Воспета звучным ладом вод твоих;
Ты в сердце вобрала огонь былых
Сражений, бушевавших на планете.

Когда-то здесь царили скорбь и гленье
И солнце стыло. Зеленью листвы
Твои покрылись губы, но, увы,
Те листья не давали людям тени.

Повеяли живительные грозы.
Ты поднялась могучею волной,
И на щеках твоих, горя зарей,
Заполыхали огненные розы.

Гремели бури грозно и сурово,
Когда ж «Аврора» яркий луч зажгла,
Ты вновь свои расправила крыла,
В ожившем сердце кровь забилась снова.

Природа — гений. Кисть ее живая
Твой облик украшает каждый миг.
С тобой играет ветер-озорник,
Чадру, что солнце ткало, развевая.

Прощай же, неподвластная покою!
Я расстаюсь с желанием святым
Бродить по славным берегам твоим,
Любуясь величавой красотой!..

1928

* * *

Зульфийи

В года цветущей юности моей
В душе моей ты тихо расцвела.
Тогда весна открылась для очей,
И в жизнь впервые милая вошла

Сверкали в солнце склоны снежных гор,
Цвели в тюльпанах красно-золотых,

И я ушел в тюльпановый простор,
Весь день бродил меж зарослями их.

Как я собирал охапками цветы,
Как мы потом не спали до утра,
Все помню до мельчайшей я черты,
Как будто это было лишь вчера.

С тех пор со мной огонь твоих очей
И черных кос струящаяся мгла...
В года цветущей юности моей
В душе моей ты тихо расцвела.

1937.

* * *

Играет молодой травкою
Бродяга-ветер. Пахнет мятою.
Умолкнет вскоре все живое —
Щебечущее и крылатое.

И все заснет в мгновенье это.
Один, со сном единоборствуя,
Я встречу ночь и до рассвета
Глаз не сомкну, упрямо бодрствуя.

Ночь станет мне давать огненные
Уроки сна тишайшим шепотом.
Ты ночевал один в пустыне?
Я поделюсь с тобою опытом...

1937

УЗБЕКИСТАН

Когда брожу по стране родной,
Странное чувство владеет мной:
Землю ее цветущих садов —
Что ни миг — целовать я готов.
Расскажам людей внимать люблю —
Мысли и песни в душе коплю.
С песней вдоль рек родных прохожу,
С песнями я по долинам брожу.
Но краше всех легенд старины
Нынешний облик моей страны.
Вот он вновь предо мною возник,
Край мой родной, мой пышный цветник.
Солнцем и синевой осиян,
Звонко названный — Узбекистан!
О родина-мать, как ты хороша!
Тобой через край полна душа.
Словно невеста, счастливая ты —
У ног твоих пестреют цветы.
Это долина, радуя взор,

Свой живой расстилает ковер,
Как мириады алых пиал,
Тюльпаны в горах красней, чем лал,
Чело твое венчает убор
Снежных серебряно-белых гор,
И полноводны, и широки,
Тебя омывают две реки,
Их живой водой побежден.
С глаз людских убегает сон.
Радостный тут закипает труд,
Без песни не работают тут.
Щедро за труд человеку воздав,
Хлопок растет, высок и курчав,
Яблони, цвет осыпав с ветвей,
Никнут под сладкой ношей своей.
Гнется колос под грузом зерна...
Богата моя родная страна!
В поле — работа. Войдешь в города—
И здесь не смолкает песня труда,
Люди на фабриках ткут, прядут,
Радостен в стране моей труд.
Нет, страной скорпионов и змей
Мой край теперь называть не смей!
Эта экзотика нам смешна:
Она не такая, наша страна!
Свободен и счастлив наш народ—
Тутовый червь нам шелк дает.
Пчелы рады свой мед нам дать,
Птицы не любят от нас улетать.
Солнце здесь светит целый день.
Чтобы, довольства и счастья полна,
Была прекрасна наша страна,
Верен по-прежнему розе своей,
Теперь не стонет над ней соловей.
Новой ее красотой восхищен,
Счастлив в моей стране и он.

Поэты газели поют, но стих
Теперь не отравлен слезами их.
Матери над колыбелью поют—
Судьбу своих детей не клянут.
Счастливая на все времена—
Вот такая моя страна!
Каких героев мой край воспитал!
Взгляни на Большой Ферганский канал!
Кем же тебе эта мощь дана,
Любимая, родная страна?
Кто тебе вырасти так помог?
В чем твоей громкой славы залог?
Это партия, это Москва—
Вечно святые для нас слова.

1939

МОЛОДАЯ СИЛА

Ты в стране своей высишься, точно скала,
Что создать на свободе природа могла,
Даже в самые темные ночи светла,
Ты в сердца угнетенные свет пролила.

Ты в борьбе родилась, и удел твой высок:
В бурном море ты путь свой нашла, и, полна
Вдохновенья и страсти, ты, верой сильна,
В героические расцвела времена...
На груди твоей алый пылает значок.

В красном зареве битв, пламенея стократ,
Он с тобою сквозь бури и грозы прошел,

И, как молнии, нет и не будет преград
Светлой силе, что в сердце взрастил комсомол!

1928

СИЯБ

1

В полдень — с неба каскад
Золотистых огней.
Мощных гулов раскат
Рвет безмолвье ночей.
Задышали поля,
Молодеет земля,
Стаял дочиста снег,
Счастлив каждый побег
На ветру, на свету
Колыхнуться в цвету...
Жадно пьет человек
Бодрых дней красоту;
То хмельна и вольна,
Бархат трав
Разостлав,
Мир будя ото сна,
В путь рванулась весна!

2

Путь к Сябю ведет,
Радость пенится в нас,

Что вокруг ни мелькнет,—
Все приметит наш глаз:
Вот в одной стороне
Овцы лугом трусят,
С ними сотни ягнят
В белоснежном руне,
К их веселой возне
Каждый тянется взгляд,
А в другой стороне —
Ни лугов, ни отар,
Там лишь в тягостном сне
Распростертый мазар...
Нелюдим, не храним,
Он в руинах лежит,
Он людьми позабыт,
Навсегда одиноко...
Мы ж к Сябу спешим,
Как потоки весной.
И в сердцах золотой
Зацветает цветок.

3

Наконец-то Сяб!
Словно взмахи ресниц,
Волны—вверх, волны—ниц..
Вышивает он вмиг —
Ловок, весел и скор,—
Словно тысячью игл,
За узором узор.
Мчится, мчится волна
Дальним сестрам вослед:
Поглядит ли луна
Иль подсмотрит рассвет,
Как до первых она

Наконец доплеснёт
Или там, вдалеке,
Затеряться в песке
Подойдет ей черед...
А пока об устоѣ
Небольшого моста,
Что повис над рексѣ,
Бьется волн мелкота,
А из их гребешков
Расцветают потом
Сотни белых цветов
Под мостом.
Мост и впрямь невелик,
Но крепыш хоть куда:
Доставлять он привык
Тех — сюда, тех — туда.
Никаких никому
Не чинит он преград:
Груз не в тягость ему,
Он прохожему рад,
Будь тот молод иль стар,
Ночью ль будь то иль днем...
Вечерами ж на нем
Много топчется пар.
Нынче праздник-гульба:
Играм-пляскам — почет...
За гурьбою гурьба
Над потоком течет,
И Сяб, словно сам
Привечая народ,
Молодым голосам
Вторит рокотом вод
Топот, говор и гул,
Звонких кликов не счесть..
Не по пройскам мулл,
Не в аллахову честь

Праздник нынешний дан;
То совсем не курбан...
На подъеме крутом
Наших огненных дней
Места нет для ханжей,
Чей придуманный бой
Был отменно жесток...
Дует ветер с холмов,
Развевает платки,
И к прохладе реки
Клонят зелень голов
Тростники...
Радость сблизила всех:
Каждый весел и юн;
Топот, говор и смех,
Рокот вкрадчивых струн.
Вот он ширится, круг,—
Пляске нужен простор,
Тише струн перебор.
И красавица вдруг,
Каждый радуя взор,
Вскинув брови-серпы,
Чуть прищурив глаза,
Понеслась из толпы
Стан ее — что лоза!
Дробен каждый шагок
Дружных с песнею ног.
Весела молодежь,
Разгулялся народ...
Здесь лица не найдешь
Со следами забот.
Каждый празднично юн!
Только где ж ты, Ильхам?
Где ты сгинул, Уйгун?
День ушел со двора.

Не пора ли и нам
По домам?!

1929

ШАРАФАТ

Шарафат в саду в лучах зари
Персики рвала с тугих ветвей,
И от тяжких вздохов все сильней
Часто сотрясалось ичкари.

Если с красной щечкою
Из рук
Перезрелый персик выпадал,
Милое лицо бледнело вдруг,
Будто его камень целовал.

Увядала девушка в тоске,
В паранджу завернута до пят.
Словно палый персик на песке,
Источала слезы Шарафат.

Пламя занялось во всем краю —
Шарафат сжигает свой чачван,
И потом, решив судьбу свою,
Горе сбросив, выпрямляет стан.

С книгой вижу я ее сейчас
На дороге ясной и прямой,

И открылось, на лице светясь,
Счастье, что закрыто было тьмой.

1927

ОБНОВЛЕНЬЕ

На белогрудых облаках заря
Развесила пурпурные тюльпаны,
И вот уж солнца луч, животворя,
Льет золото на вешние поляны.

Вот бабочка слетела на цветок,
Бесплотная, на венчик села зыбкий,
Встречая гостью, каждый лепесток
Весенний озаряется улыбкой.

Кусты от роз, как зарево, красны.
Красны... Опять в тени поют дугары.
Поют... В великолепии весны
Все чаще сердца звонкие удары.

Подходит звездный вечер Горы спят.
Покровом мягким зелени укрыты.
Приволье здесь для тонкорунных стад —
Травы обилье и воды избыток.

Весна! Чуть рог пастуший приумолк,
Звонит на пашне песня утром ранним,
И сердца твоего цветистый шелк
От маков вновь становится багряным.

Вглядитесь — травы дышат. Что ни час,
Жизнь обновляется на мирных этих склонах,
И я весной надеюсь каждый раз
Вновь молодость свою найти в бутонах

1928

ПРИДИ

(Из дневника)

Поэт, приходи к нам с живогворным словом,
Приди, дай радость людям в мире новом,
Будь летописцем красного пути:
Приблизься к нам, всегда к борьбе готовым,
Стихи сердцам горячим посвяти.

Мы грозный жар, клокочущий в вулкане,
Порыв наш юный — истины исканье.
Нам дали жизнь борьба, огонь и кровь;
Мы свет звезды, и месяца сиянье,
И златокрылого рассвета новья.

Взрастили солнце нас и труд кипучий,
Сердца зажег в нас неба пламень жгучий,
Подобно искрам, разлетелись мы.
Мы тучи разогнали, взяли кручи,
Мы тем сильны, что бьемся против тьмы.

Да, мы — весна. Но ведь придут и зимы.
Мы — пламя. Но вода неумолима.

О, многие хотели б нас смести!
Средь нас и те встречались, кто пустыми
Мечтами усыплял себя в пути.

В жестоких схватках мы преображались,
Мы возбуждаем гордость, а не жалость!
Нас не могли сломить враги страны.
Нас ненавидели, но мы сражались,
Пылающему времени верны

Конец борьбе придет еще нескоро...
Сплотимся, чтоб друг другу быть опорой,
Поможем укрепиться новизне!
Мы молоды, — страшнее нет позора,
Чем в эти дни остаться в стороне.

Друзья, придите строить с юным жаром!
Пусть уходящий внемлет песням старым,
Еще нам биться с многими не раз.
Но счастье улыбнется нам — недаром
Есть партия великая у нас!

1929

ДОЧЬ АЗЕРБАЙДЖАНА

Ветер ласковый с Каспия дул,
Возвещая рождение весны.
И услышал я радостный гул.
Тайный голос далекой страны.

Облака, и черны и грозны,
Крылья властно простерли в те дни;
Как поблекшие листья бледны,
Звезд небесных мерцали огни.

Лица девушек — спелый гранат—
Укрывала чадра с юных лет,
И лишь взоры, не зная преград,
Нарушали суровый запрет.

Сердце юное мертвый закон,
Словно пленную птицу, держал.
Грудь страданьем напивывал он,
Как отравленный ядом кинжал.

Ветер ласковый с Каспия дул,
Ветер светлой весенней поры,
И услышал я радостный гул, —
Это женщины сняли чадры!

Лица девушек — спелый гранат —
Мыслью смелою окрылены,
То глаза молодые горят—
В них свободы огни зажжены.

Над потоками нефти в ночи
Звезды светлой выходят толпой.
Нескончаем могучий прибой,
И ключи под землей горячи.

Дочерей своих Азербайджан
Посылает на стройку страны,
Новым счастьем сердца их полны—
Жребий солнечный женщинам дан!

Мне их песни узнать довелось,
И, придя к ним на праздничный той,

Я им сноп наших пламенных роз
От узбечки принес молодой.

1928

ВОСТОК

В горе, дервишей бедней,
Дни брели, понунив очи;
С минаретов, с тополей,
Не спеша, стекали ночи.

Под покровом снеговым
Великаны-горы спали.
И века к богам глухим
Тщетно смертные зывали.

Угнетала гишина
Улиц, жаждущих, как чуда,
Громкой речи, хоть спяна,
И шагов беспечных люда.

Звук тамбура уплывал,
Словно стон, в немые дали,
Голос сердца обнимал
Целый мир волной печали,

На ходу твердя Коран,
Четок нить перебирая,
Вереницы мусульман
Шли, тюбанами качая.

Без конца песок, песок...
Раскаленный вихрь кружится...
Боль в глазах, а путь далек, —
Караван без сил ложится.

Встав с рассветною звездой,
В паранджах, походкой сонной,
Выходили за водой
Молча девушки и жены.

Иногда, как боль, назрев,
Песнь из хижин доносилась, —
Да не радовал напев,
Где о боге лишь твердилось.

Так, отвержен, слеп от слез,
Влек Восток ярмо неволи,
А поэт средь вин и роз
Для тиранов музу холил.

Жизнь была как дикий лес,
Полный чудищ многоглавых, —
Всюду глаз их страшный блеск,
Всюду стук когтей кровавых.

Радость кто тогда обрел?
Кто с бедою злой не знался?
Счастья бархатный подол
В руки бедным не давался.

Гнева огненным мечом
Труд рассек оковы плена, —
Октября весенний гром
Прогремел по всей вселенной.

И Востока тяжкий сон
Был развеян тем порывом,

Солнцем дружбы озарен.
День настал в краю счастливом.

Сердцу кажется милей
И луны, и звезд сиянье:
В глубине родных степей
Слышно трактора урчанье.

Став свободным навсегда,
Человек в борьбе суровой
Мудрой силою труда
Мир творит большой и новый.

Ныне блещут в небесах
Ночью зори золотые,
В электрических лучах
Горы, рощи молодые.

Ветры вольные поют:
«Будь в одном ряду с бойцами,
Славь упорство, смелость, труд.
Зажигай сердца стихами».

Счастья молодость не ждет
От аллаха иль пророка,
А сама его кует
На своей земле широкой.

Но восстаний алый стяг
Полыхает нам все чаще,
И дворцы колеблет страх
Перед силой той бурлящей.

Нашей жизни яркий свет
Беднякам и всем бездельным,
Всем рабам — прямой ответ,
Как пробиться к высям вольным.

Этот день уже встает,
День всемирный, всемогущий,
И планету обоймет
Коммунизма сад цветущий.

1928

СОРВАННЫЙ ЛИСТ

(В день гибели Турсуной)

От стенанья далекого мрак задрожал,
Отзыв горестный дрогнул в душе моей юной:
В чистом сердце навеки оборваны струны,
И смеется блистающий дикий кинжал.

Говорят, будто лист сорван с древа весны...
О, разорвано сердце, что радостью жило!
Горе, страшное горе людей сокрушило,
Бьет их дрожь, словно током, они пронзены...

До полуночи тешилась звездной игрой,
А с рассветом на солнце взглянуть не успела:
Хладнокровный убийца свершил свое дело,
И колодец тебя поглотил, Турсуной.

Стяги траура, гневом сердца опая,
Словно ветви, под ветром склонились в печали,
В цветнике, не раскрывшись, бутоны опали,

С тяжким вздохом раскрыла объятия земля,
Говорят, будто лист сорван с древа весны...

1928

В ОГНЕ ВОЗМЕЗДИЯ

В стране труда свободный человек
В грядущий день прокладывает путь,
А за границей — край рабов, Восток.
Там пламенной местью дышит грудь,
Там лавы разливается поток.

Восток на угнетателей встает.
Небесный свод задымлен и багрян
Куда ни глянь — восстания вулкан.
От спячки пробудился великан
И мстит врагам за вековечный гнет...

Вся грудь в крови... страдание в глазах...
Но в гневном сердце полыхает месть —
То встал на бой истерзанный Китай.
Пока биенье в смелом сердце есть,
Далекий брат, надежды не теряй!

Москва в своих известях говорит:
«Восток в огне возмездья,—говорит,—
Гудят костры на стонущей земле,
Престолы притеснителей горят —
На бой поднялся наш далекий брат».

Но снова коршун с запада летит —
Над Индией холодный снег кружит,
Над знойной Индией — страданий снег,
И снова выстрелы... и кровь... и стон...
А в Лондоне — бутылочный пьяный звон...

Вулканы заревом встают из мглы.
Ни коршуны, ни молнии — ничто
Не сдержит их Из пепла и золы
Иная, вольная, возникнет жизнь—
Как солнце, будут дни ее светлы!

1928

СТЕПИ

Эти безводные степи, пески
В солончаковом плену камней,
Взором горящим, полным тоски,
Тысячи лет на людей глядели.

И тысячи лет дети гряда
На этих землях, лишенных влаги,
Не знали отдыха никогда
И умирали, сиры и наги.

Словно рыданье, протершись в веках,
Здесь караванов горбы качались,
Слезы кровавые в жгучих песках,
Павши едва, в рубины скипались.

Мертвым царством казались порой
Наши селенья — все в них молчало.
Женщина, вставшая вместе с зарей,
Вымолвив: «Бог мой!» — тяжело вздыхала.

Нынче же в нашем краю поезда
Степь потрясают радостным гулом,
Дышит прохладой в каналах вода,
Радио вести несет по аулам.

Нынче всем своим существом
Я наслаждаюсь счастьем народа,
Гордо пою на просторе степном
Лучшую песню — песню восхода.

Завтрашний день показал свой лик —
Сколько надежд в степи пробудилось!
В каждом сердце весенний родник,
Вечное горе навеки сокрылось.

Может быть, песню сердца мою
Вихрь не развеет в песках без ответа,
И люди, как влаги чистой струю,
Встретят ее улыбкой привета.

1929

В УЗБЕКИСТАНЕ

1

Солнце в невод свой золотой
Ловит тучек скользящих тень,

Нарастает шумов прибой...
Так родится в городе день!
Вот, прохладой ранней дыша,
Пионерка в школу спешит.
Рдеют щечки, и вся — свежа,
Словно лист, что дождем омыт.
Шаловливости огонек
Брезжит в светлой просини глаз:
Время есть, и пугь — недалек,
Да вбежать не терпится в класс!
Там подружек шумливый рой,
В переменах игры и смех...
А учительница для всех
Стать сумела старшей сестрой.

2

Песня льется звучней, звучней,
Песня будит и тормошит.
С нею город встает и с ней
Трудовой свой подвиг вершит.
Жизнь вскипает, бурлит в цехах,
У печей, машин и станков,
И, как шип, вонзается страх
В души злобствующих врагов.
Город радостью обуян,
И выходят толпы людей
Не верблюжий встречать караван,
А колонны стальных коней.
На трибуне старик седой,
От дехкан от дальних гонцев,
Он измучен долгой ездой,
Вытер лоб, тряхнул бородой
И сказал: «Кулачью — конец!
Власть Советов нам дорога.
Горше смерти то для врага!»

Зеравшан сегодня в плену:
 Покориться людям готов
 Он смиряет свою волну
 И не рвется из берегов
 А крутом сверлят и дробят:
 Доконать упорство камней
 Вышло племя богатырей.
 Каменерубов дружный отряд.
 Где лишь мертвый желтел песок,
 Там предвестьем кипучих дней,
 Рассыпая бусы оней,
 Электрический мчится ток.
 И наказ Зеравшану дан:
 «Всем напором буйной волны
 Потрудись теперь для страны,
 Людям стань слугой, Зеравшан!»

Словно мрамор — прохладная мгла,
 Спят поля, и песня молчит
 По тропе, прозрачней стекла,
 Над землею луна скользит.
 И Джура идет с кетменем:
 Надо струям открыть проток,
 Чтоб, измученный жарким днем,
 Хлопок вволю напиток мог.
 Как сегодня река щедрал!
 Воды хлынули и текут...
 Не нарадуется Джура:
 Гряды жадно и шумно пьют!

Лишь о том, что скрылась луна,
 Петухи во мгле прокричат,

За листвою, что так зелена,
В сад торопится Адалат.
Как проворны движенья рук,
Как сроднились они с трудом!
Радость вьется пташкой вокруг,
Провожая сборщицу в дом.
Шелкопрядам нужен уход.
Много трудной с ними возни!
Ишь набросились, точно с год
Не видали корма они!
Но хозяйка их — молодец,
И внимательна и зорка...
Побежит по станкам сырец.
Зашуршат по стране шелка!

6

Не улица — смерч пыли! Зной!
А мальчуган, уткнувши нос в халат,
Смеется: «Съел бы дыньку, брат,
Вон кстати их везут, постой!»
И впрямь — арба! Да, как назло,
Так тащится, что невтерпеж!
Столпились люди. Песню донесло...
Бежим навстречу... Толкогня, галдеж!
«Какую выбрать?» — «Эта хороша ль?» —
«Пить хочется!» — «Сбрось дыньку, что ль!» —
«Да с дорогой душой, изволь,
Режь, ешь. Мне разве жаль?»
А полосатая-то как сладка!
Всех лучше — чистый сахар, мед!
Да, знатно их выводит бахчевод
Ишмат-ака!

1929

ВЕЛИКИЙ ПОХОД

1

Узбекистан,
живи,
цвети
всегда!
Да не останется в душе
от прошлых бедствий
и след!

Путем звезды,—
Шаги тверды,
Победа впереди.
И в жилах
Бьющаяся кровь
Зовет:
«Вперед иди!»
Поток могучий!
Мой Восток,
Как жизнь, несущая стрела,
Летит в пустыни,
Где ничья
Душа
Доныне
Не была.

2

Пусть видят все,

48

Кто в сердце
завязал узлы
Сомнений и вражды,
Пусть видят все
Великий наш поход!
Идет народ
И рушит стены
Тысячелетнего
глухого плена,
Смывая плесень
рабства и нужды.
Разбросанные по степи
глухие
кишлаки
Сливаются,
как ручейки,
В русло
одной
реки.
Орлята одного гнезда
Слетятся вновь
и навсегда,
И видят
снеголикие
Хребты
сквозь облака:
Идут
бои
великие
За счастье
на века.
На огнекрылом
скакуне,
Разбрасывая
искры,
Летит батыр,

по крутизне,
Как сай, кипучий,
быстрый,
Спешит,
всю жизнь свою несет
Туда,
куда позвал народ.
Летит он,
как из чигирика
Смеющееся семя,
Куда зовут народ великий
Наш стяг
и наше время.

1930

ДОЛИНА СЧАСТЛИВЫХ

Из ферганских стихов

Зеленым-зелены...

Зеленым-зелены...

Зеленым-зелены...

От весеннего солнца

сады зелены и поля,

Свою мощную спину

натужившая земля—

зеленым-зелена!..

На заре холодком

пробужденные,

Наслаждаясь
 рассветной прохладой,
Кетмени на плечах —
 ловят солнца слепящие радуги.
Эта, с жарким румянцем —
 само совершенство —
 красавица,
Этот парень,
 что силою рук своих славится,
Композитор, чей марш
 пятилетки бойцов
 вдохновляет, —
К новым целям сопутники
 свой караван направляют!
Всей листвою в один миг
 так неслыханно зазеленевшая,
Все наряды весны
 в одночасье надевшая,
Солнца, света сиянья полна
 эта счастья долина
 зеленым-зелена!..
Эй, великая Фергана!
Эй, долина большевиков,
 хлопкороб и дехканин, творец небывалых побед,
В твоих жилах —
 кипящая, чистая,
 алая кровь.
Эй, герой из Кайнара,
 привет!
Край родной,
 словно глаза зрачок, сторожащий,
Его честью и славой,
 как жизнью своей,
 дорожащий,
Подаривший ему
 несравненный расцвет, —

Эй, Хайдар-капитан,
в Паласане рожденный, —
привет!
Зеленым-зелена...
Зеленым-зелена...
Зеленым-зелена...

Наша счастья долина —
трудом богатырским славна,
Вместе с листьями хлопка
она оживает,
И цветение хлопка
ее вдохновляет,
С ним — в душе у нее воцарилась весна,
зеленым-зелена...

По зеленым долинам
летят, грохоча, поезда.
Блещут рельсы стальные,
гудят на ветру
провода,
В электрических жилах
огонь животворный течет,
Весь наш край
он питает
и жажду его утоляет.
Весь наш край
в непрестанном движеньи,
в трудовом напряженьи,
со лба утирающий пот...

Эй, моя Фергана!
Эй, мой край богатырский,
свободный и гордый,
ты, покончивший разом
с черной нищенской торбой
и с невежества черной заразой!
Эй, по праву поднявшийся
вместе с эпохой новой,

Вековые порвавший оковы,
Мироедов
 стряхнувший с дехканской спины,
Возмужавший в широких объятьях страны,
Электричеством ты очарован,
Гулом тракторов и комбайнов
 поля твои нынче полны!
И на лоне твоем,
 изобильном и пышном,
 плодородье сулящем,
Зеленеют ростки
 и грядущего, и настоящего.
Хлопок,
 белый,
 пушистый,
Лелея, взрастит Фергана —
 зеленым-зелена.
Молодые сердца,
 жаром полные,
 трепетно бьются.
Лица,
 радость свою излучая,
 смеются!
И долина,
 на все стороны света открытая,
Теплым ветром весенним омытая,
Красотой — молодая луна,
Зеленым-зелена...
О мой край!
К свету нового дня
 ты свершений высоты вознес.
У подножия их старый мир
 издыхает, как пес.
Фергана!
 Ты детей своих в трудные дни

Сберегала,
 умывала,
 ласкала,
 порой на закорках таскала,
Успевала
 причесывать и поучать,
Эй, счастливицев возрастившая,
 великодушная мать!
Вон, на вольном просторе,
 в своем изобилии зрелом,
Распростерлась Кува,
 к новым дням устремленная смело,
Полной грудью дыша,
Сон отринув
 и спину расправить спеша.
Вся долина
 зеленым-зелена..
Кто же в скачке обгонит кувинцев,
 молодых, как весна?
Всему миру известно,
 как наша Кува хороша —
 зеленым-зелена..
Это в нашем походе
 деянье приметное,
Это штурма Октябрьского
 эхо победное!
Перевернуто прошлое,
 новый мир
 в наступленье идет,
Прозорливо и гордо,
 уверенно смотрит вперед!
Попирая былого руины,
 он к звездам стремится свой полет!
Зеленым-зелена..
Но какие еще перевалы
 нам взять суждено?

Как должны мы стеречь
наши славные берега,
Чтобы к ним не подкралась
эскадра врага!
На подъеме нелегком,
к заветным вершинам спеша,
Будем воздухом чистым
и полною грудью дышать.
Эй, долины счастливые большевики!
В электрических реках,
как дитя, край сумевшие искупать!
Эй, растящие детям рубашки,
товарищи-хлопковики!
Этот край — нам беречь,
как зрачки своих глаз,
охранять,
Чтоб пылинка листа не коснулась,
чтоб наша цвела Фергана
Зеленым-зелена!

1932

ВЕСНА

Что ни день — хорошеет весна,
Что ни день — то наряднее платья,
И для всех открывает объятия,
Обаянием юным полна.
Ветер, верный привычке своей,
За весенние взялся проказы:
Дуя в разные стороны сразу,
Цвет урюка сдувает с ветвей.

Воробьиный базар во дворе,
В цветниках — соловьиные трели,
Любо розам их слушать в апреле,
Вспоминая о зимней поре.

А весна — обольщение глаз! —
Все приданое — к празднику мая—
Из волшебных узлов вынимая...
Поразвесила нам напоказ.

Распестрелись цветы на лугах,
В поле — юные всходы пшеницы
Омывают росой ресницы,
Под землю наспавшись впотьмах.

И земля — словно обновлена
Коллективной силой единой.
Ходишь степью, холмами, долиной—
Видишь, как эта сила сильна.

Пастухи ль гонят в горы стада,
Кетменями ль колхозники машут,
Роя новый арык, или пашут,—
Всюду радость весны и труда.

И к труду приступая чуть свет,
Все в нем видят залог возрожденья,—
И весеннее стихотворенье
Пишет людям на радость поэт.

Трудового подъема пора,
Ты, весна, — символ юности жизни.
К нашей доблестной юной отчизне
Будь всегда и добра и щедр!

1935

БАХРИ

Вот оно, счастье, птицей весенней
В дом прилетело, машет крылом,—
Юной Бахри столица прислала
Платье из шелка с ярким платком

Сердце Бахри трепещет, ликуя —
Нет, усидеть не может она
Ходит по дому, поет, смеется,
Радостным светом жизни полна.

Нынче в колхозе пир небывалый.
Ночь напролет рокочет домбра,
Пляшет Бахри, ненасытная в пляске,
Кружится с бубном, поет до утра.

Люди довольны — вот молодчина,
Гляньте; достигла чести какой!
Старый и малый ее провожают
В город Ташкент на праздник большой.

«Ну что ж, Бахри, счастливой дороги!
В городе ты уж за всех погуляй,
Повеселись, свою душу порадуй
Да поскорее домой приезжай».

Солнце взошло — пора собираться.
Крышку откинув у сундука,
Быстро Бахри наряды сложила,
Словно утренний ветер, легка.

С гордостью скажет она в Ташкенте:
«Я тружусь, не стою в стороне,
Хлопок собрав, корову купила,
А этот платок — награда мне».

Тайна работы познана ею;
Сила людей в колхозном труде.
Страшно подумать, как разобщиено
Прежде тут жили, мучась в нужде.

Ходит Бахри по белому полю,
Зорко следит за каждым кустом!
Силу дает ей, на труд вдохновляет
Дружная жизнь в колхозе родном

День ее доверху полон трудами,
Долей секунды она дорожит,
Слава о ней, подобно легенде,
В самых далеких селеньях гремит.

Всем ее подвиг служил примером,
Новая страсть захватила людей—
Каждая женщина, каждый мужчина
В честном труде соревнуются с ней.

«Хлопок собрав, я шелк покупаю,
Нежный атлас, золотую парчу,
Бархат густой, как небо ночное,—
Всем, чем украсить себя захочу.

Хлопок собрав, я дом себе строю,
Белый, просторный, солнечный дом;
Добрых друзей на пир собираю,—
Знает пусть каждый о счастье моем.

Сила и воля моя в коллективе,
Всяческий труд здесь славен, высок,

Душу свою в него я вложила,
За то мне Москвой и прислан платок».

Новое платье Бахри надела,
Блещет платок, струясь по плечам.
В зеркало смотрит она, улыбаясь,
Смотрит, не веря своим очам.

Сердце Бахри трепещет, ликуя, —
Нет, усидеть не может она;
Ходит по дому, поет, смеется,
Радостным светом жизни полна.

Утром Бахри уезжает из дому
С сердцем, наполненным сладкой мечтой.
Старый и малый ее провожают
В город Ташкент на праздник большой.

1935

НОЧЬ У РЕКИ

Река шумит меж темных берегов.
Луна плывет над гребнем снежных гор.
Тень падает от светлых облаков,
Перебегая дремлющий простор.

Все тихо. Лишь бессонная река
Обломки скал вороочает волной,
В поля, сады закинув рукава,
На склонах гор покоясь головой.

Спит горной цепи снежный караван.
Окутанный серебряною мглой.
Прозрачный, еле видимый туман
Струится между небом и землей.

Течет, шумит без усталости река.
Чу, вспыхнул свет, и раскатился гром.
Багрово озарились облака,
На миг все стало видимо кругом.

Сверкая под луной, волна кипит,
Плывет, раскачивается паром.
И вновь, круша утесы, взрыв гремит.
И тишина на миг. И снова гром.

И поднимаются вершины гор
Из облаков, как из глубоких дум
Холмы смывает гидромонитор.
И слышен гальки бесконечный шум.

Ударя в барабан, уходит прочь.
Как море, ночь — светлеющей волной...
К утру завершено за эту ночь
Строительство плотины головной.

Реке, ревушей, дикой, навсегда
Мы указали новый верный путь.
В пустыню хлынет чистая вода,
Как воздух в задохнувшуюся грудь.

Там, где шуршали мертвые пески,
Подымутся поля, сады, леса.
Я вижу укротителей реки,
Их гордые улыбки и глаза.

Седых поэм по замыслу полней,
Уходит ночь, — ее не позабыть вовек.

Вода растет в плотине. И над ней
Преобразующий природу человек.

1935

ДРУГУ-СБОРЩИЦЕ

Ждет не дождется тебя весна,
Песней звеня в полевой дали.
Словно тебе говорит она:
«Друг, ты в долгу у родной земли».

Солнце насытило светом дни,
Сумрак ночей напоен луной.
Многого ждут от тебя они
Этой сияющею весной.

В поле, в горах занялся рассвет.
Родина сердце твое зажгла.
Пусть же родимых долин расцвет
Славой овеет твои дела!

В солнечном золоте вся земля,
Смысла великого дни полны.
Сборщица хлопка пришла в поля
Неувядаемой Ферганы.

1936

ВООБРАЖЕНИЕ ПЕВЦА

Народному поэту Фазылу Юлдашу

Безбрежно, как сияющая высь.
Воображенье старого певца.
Воображенье, щедрое, как жизнь:
Нет у него начала, нет конца!

Оно всегда в движении, как река,
В ночах разгадку вечных тайн ища,
То рушится в горах сквозь облака,
То степью вольно катится, плеща.

Вмиг оживая, рвутся с языка
Преданья, были, битвы древних сил,
Проходят поколения и века
Скопленьями блуждающих светил.

«Пока спит солнце под морской волной,
Влюбленному внимает мрак ночной!
Есть спутники у тех, кто слезы льет,
Я плачу — плачут и они со мной».

«В разлуке двое — слез двойной поток.
Она — в плену, его удел жесток.
Терпенья чаша трещину дала,
Лицо от скорби вянет, как цветок»¹.

Река вбегает на берег волной,
Земную ширь объемлют небеса.

¹ В кавычки взяты слова из стихов Ф. Юлдаша.

В степную даль цветущею весной
Глядят Барчин бессонные глаза.

Там стен не строят, кровель не кладут,
Лишь степь да синь, куда ни кинешь взор.
В горах от смерти путника спасут
Стада гусей, взлетающих с озер.

К оседлой жизни не привыкли там.
На берегу реки раскинут стан,
Где есть вода, где корм готов стадам,
И снова в путь уходит караван.

В путь — караван! Нагружены вьюки;
Бряцают мерно бубенцы в ночах.
Рабы сквозь тучи гонят косяки
За горный кряж со снегом на плечах.

Шумны, как море, табуны коней.
На белой юрте блещет аксамит.
Уж сорок полностью ночей и дней
Пир свадебный без умолку гремит.

Клубятся степи свежие у ног,
Круг чертит месяц между облаков,
С рабами изнуренными жесток
Надменный бай — владыка табунов.

Конь скачет — по ущелью гром гремит.
Лишь храбрый в битвах будет знаменит.
Дождется ли народ звезды своей
Иль дальний путь лучи ее затмит?

Как туча града, налетает враг,
Князья играют на лихих конях.
А стон народа потрясает мир,
Рабы восстали — топоры в руках!

Нет песням счета, горю — берегов.
Полны им были судьбы пастухов.
Рыдали в песнях скорбь и нищета,
И пас отары слушатель стихов.

Нет песням счета. Лебедей весны
Взлетает меньше с утренней волны.
Нет песням счета. Песни, мой отец,
Милыоны воль живых поднять вольны.

Заветные желания сердец
Находят в них опору и ответ,
Взмывает с песней из гнезда птенец,
И ветры с песней облетают свет.

Нет песням счета... Плачет в злую ночь
Поэта обесчещенная дочь.
И, окровавив седину певца,
Карательный отряд умчался прочь.

На виселице братья и сыны,
Рыдали песни, скорбны и больны...
Творец напевов, осенивших степь,
Седел, и были дни его темны.

Теперь свободны песни и сердца.
Стан распрямляет каждый человек,
И песен мир без края и конца
Родит страна, свободная навек.

Ликуют села, степи и поля...
Взлетает песня ярко в небеса.
Поет моя прекрасная земля,
И вторят песне горы и леса.

Для жизни мужественной, молодой
Слагает песнь крылатую певец.

Кто песен дар имеет золотой,
Придет к желанной цели, мой отец!

1936

Счастливы я, что сад возделал я в родной своей стране,
Что всегда с народом вместе шел навстречу я весне.
Если кто с пути сбивался, не делил я горя с ним,
Оттого, что ум и сердце солнцем наполнил живым,
Оттого, что ты, огчизна, дар взлелеяла певца,
Оттого, что гот чужой мне, кто не с нами до конца.

1937

Если выжмет слезу беда — не смирюсь.
Поблднею ли иногда — не смирюсь.
Если путь свой крутой с ошибки начну,
Я с самим собой и тогда не смирюсь!

В цветнике моем роз на кустах — не счесть.
И в саду соловьев на ветвях — не счесть.
Сколько в мире есть цветников — обойду.
Их на данных судьбой мне путях — не счесть.

1937

ПУШКИН

Мужал он, а мир, одряхлевший, седой,
Когтил его сердце живое,
Терзал его гяжкою долей людской —
Горчайшею мукой земною.

Стремление к счастью в нем душу зажгло,
И гневом великим палимый,
Бунтарь, обличал он насилье и зло,
Скитался, врагами гонимый.

Он взоры свои отвратил от дворцов,
От знати кичливой, холодной.
Пусть прозван был «вором» казак Пугачев,
Он видел в нем подвиг народный!

Подобно взволнованной бурной реке,
Со дна поднимающей тину,
Явил он Россию в слезах и тоске,
Рабов вековую кручину.

Но сам он себя не укрыл от беды,
Прямой, непокорный, кипучий,
Погиб, захлебнулся в потоке вражды,
В обиде и горести жгучей!

Как солнце, сиял над отчизною он,
Сердца пробуждая для жизни.
Жестокою ссылкой не покорен,
Был знаменем чести в отчизне.

Вершина Эльбруса в горниле лучей
Сверкала красой снеговою.
День юга! Дышал здесь изгнанник вольней
И песен дивил красотой!

Россия, Россия снегов и равнин,
Великая мощью народа,—
Без ласки, как пасынок, лучший твой сын
Стал пленником вечной невзгоды!

Под выстрелом подлым он наземь упал,
Как тополь, грозой сожженный.
В Россию под маской Дантеса стрелял
Ее притеснитель исконный!

И смерть, приближая конец роковой,
Объятья поэту раскрыла,
На алом снегу он поник головой...
Где ж русская эта могила?

Был тайно зарыт он. Чернее ночей
Дни общенародной печали,
И тысячи тысяч скорбящих людей
К могиле тот гроб провожали.

1937

ХУЛЬКАР

Моей дочери

Свободнее крылья свои разверни,
В краю лебедей проведи свои дни.

Подружкам своим, озорным, длинноносым,
Скажи: пусть охапки цветов нам принесят!

Пускай горизонты тебя помянут
И утром, и в час, когда гаснет закат,
И в час, когда месяц, ныряя сквозь тучи
Лучи проливает потоком певучим

Ковер за ковром расстилая для нас,
С тобою пускай расцветает весна
С тобою — пусть доброго в мире прибудет,
Пусть радость всегда тебе спутницей будет!

Пусть розы, завидев тебя, расцветут,
Пускай соловьи о тебе запоют,
Пусть мир оживляет — с тобою свиданье!
Земле, где ты ходишь, — не зная увяданья!

1937

КАЗАХСТАН

Казахстан — это край золотой,
О котором мой предок мечтал
И, придавлен к земле нищетой,
Сам мечту свою сказкой считал.

Казахстан — это счастья родник,
Край, где дышит свободно народ,
Где под каждой горою рудник
Нам богатство свое отдает.

Казахстан — это недра земли,
Что полны драгоценной руды,
Это нефть — солнце щедрой земли,
И Балхаш — чаша синей воды

Казахстан — это горы до туч,
Это горный целительный ключ,
Это трав изумруд на лугах,
Это солнца сияющий луч,
Это клекот орлов в облаках.

Казахстан — это светлая ширь,
Это — золото и серебро,
И пшеницей наполненный мир,
И садов плодоносных добро.

И земля, и уголья страны,
Что навечно дехканам даны,
И заоблачных пастбищ простор,
Где пасутся коней табуны.

Казахстан — это старый Джамбул,
Чьей домброю отчизна горда
Это угля немолкнувший гул,
Это славная Караганда.

Это — грамотный, вольный народ,
Это — смелых наук торжество,
Это — к знаниям высоким восход,
Это — песен и игр волшебство.

Это — с гнетом покончивший край,
Это — светлого счастья пора,
Это — Амангельды и Абай,
Это — наша плясунья Шара.

Это — синее небо весны,
Это — хлопок серебряный наш.

Это—сладкие звуки струны,
Это—шелковый голос Куляш...

Казахстан — это край золотой,
О котором мой предок мечтал
И, придавлен к земле нищетой,
Сам мечту свою сказкой считал.

Да живет Казахстан молодой,
Озаренный счастливой звездой,
Как под солнцем до самых высот
Озарен Алатау седой!..

1937

КОГДА ЦВЕТЕТ УРЮК...

Под окном моим за ночь вдруг
Белый-белый расцвел урюк.

Каждый цветик, на ветке дрожа,
Славу жизни страстно запел.
Теплый ветер, зарю сторожа,
Первый запах украть успел.

Что ни год, приходит в цветах,
Обольстит и уходит весна.
Что с бесстыдницей делать? Ах,
Ведь опять обманет она!

Но, забыв обиды свои,
На весенний глядя расцвет,

Я твержу: «О пора любви,
Будет счастье мне или нет?»

Нежно глядя щеки мои,
Ветер шепчет: «Счастье с тобой!»
И чирикают все воробьи:
«Пой, счастливцев, радуйся, пой!»

Выйду в сад, по дорожкам пройду,—
Лунной ночью, солнечным днем,—
Все мне радо в белом саду,
Все мне тайно поет об одном:

«Мир цветов пред тобой возник,
Унеси его в спальню весь,
Но обилен счастья цветник,
Не снесешь — оставайся здесь.

И за всех, ушедших давно,
Кто в слезах без цветов зачах,
Право счастья тебе дано
В белых-белых урючных садах...»

Под окном моим за ночь вдруг
Белый-белый расцвел урюк.

1937

* * *

Сколько в веках уничтожено было садов, цветников!
Сколько убито великих мечтателей и смельчаков!

Сколько сияющих солнц потухало в жестокий свой век!
Сколько песками проглочено щедрых, живительных рек!
Сколько отравы испил народ из чаши скорбей,
Тщетно зари ожидая в ночи беспросветной своей!

Сердце щемит до сих пор Физули одинокого стон—
В адской печи своей скорби он заживо был испечен,
Всю свою жизнь Навои, наш поэт гениальный, рыдал,
Он, как любимый Фархад его многострадальный,
страдал

Мрачная мудрость вещала из книг этих мрачных эпох:
«Скорбь—неотступный гвой спутник, чья песня—
отчаянья вздох!»

Грезили люди о счастье, не видя и светлого сна,
Бархатных мантий на плечи им не надевала весна.
Сколько искателей счастья печаль находили взамен,
Шедших путем жизнелюбия смерть уводила
в свой плен.

Сколько высоких призваний бесплодно сгорело дотла,
Сколько бесценных творений забвенью хула предала!

Век золотой наконец наступил для родной мне страны—
Где гиндукуши скорбей неизбежных с землей сровнены,
Где ни нужде, ни бесправью возврата не будет вовек,
Где на земле и на небе прославил себя человек,
Где и в полях, и в садах никогда не затмится весне.
Где все свободны и счастливы, как и не снится во сне!

1937

ГАЗЕЛЬ

Если б родинкой, хоть на миг,
на щеке молодой я был!
В лепестках твоих алых губ —
если б мед золотой я был!

Средь ветвей твоих соловьем
пел бы ночи и напролет,
Если б, твой горопя расцвет,
ветерок озорной я был!
Ароматом твоим весь мир
опьянил бы, очаровал, —
Изумленный самим собой,
бессловесный, немой я был...

И, с тобою наедине,
в этом мире молчанья, грез.
Потеряв, позабыв себя.
пусть бы тенью, мечтой я был...

Быть цветком у тебя в саду
горемыке не разрешишь?
Во дворце красоты твоей
пусть котя бы стеной я был!

Пусть упреков и клеветы
мне на голову пал бы груз,
И, с соперниками борясь.
побежденным порой я был...

Степи, горы я бы прошел
ради встречи одной с тобой,
У дверей твоих жизнь отдав,
тебе верен душой я был!

1943

РОДИНА

Чуть глянул на мир я, как той же порой
Всем сердцем постиг и запомнил навек:
О родина, счастлив и жив человек
Лишь в полном предельном слиянье с тобой!

Частицей твоей ощутил себя я
В долинах родных, что, ликуя, цвели...
Желанней, чем дождь для иссохшей земли,
Мне стала высокая слава твоя.

Тому не скажу я: «Мне спугником будь»,—
Кто жало гайть под улыбкой привык,
В ком жив только лживый, бесчестный язык,
А сердце — мертво и безжизненна грудь.

С тобой, чьи за правду священны бои,
Я буду — лишь кликни — всегда и везде,
И в грозных сраженьях, и в мирном труде,
И глаз не сомкну я, как реки твои!

1937

ХВАЛА ДОМБРЕ

Народному певцу Абдулле Шаиру

О дурном и о добром скажу я в стихах,
Вторит голосу сердца твой звук, о домбра!
Я прошел по вселенной с тобою в руках,
Свет очей моих, истинный друг, о домбра!

Что мне бедность и голод, только ты будь со мной.
Без тебя не расправлю я крыл за спиной,
А с тобою могуч я, как ветер степной,
Ты служила мне в рабстве среди мук, о домбра!

Нет другого в моем цветнике соловья
Чуть ты смолкнешь — душа затоскует моя,
Станет сердце, как полная кровью ладья,
Но врачуешь ты скорбь и недуг, о домбра!

Ты со мной — мне по силам любые труды,
Ты со мной — не страшусь ни нужды, ни беды.
Вот иду я в поля, в золотые сады,
Слава в землю вонзающим плуг, о домбра!

Никогда ни пред кем не склонял я главу.
Я с правдивой домброй неразлучно живу.
С песней ты, как Семург, меня мчала в Москву,
Оварявшая труд и досуг, о домбра!

С уваженьем тебя я в ладони беру,
Молодую звенеть заставляя домбру.
Ты — волшебница-пери, весной поугру
На цветущий слетевшая луи, о домбра!

Ты — прекрасной луной озаренная высь,
Ты — обильем плодов озаренная жизнь,
Ты — счастливо в колхозе найденная жизнь,
Ты — вояга поражающий лук, о домбра!

1937

СЧАСТЬЕ НАРОДА

Хоть своя у любого судьба,
Каждый к счастью по праву стремится.
Жажда жизни — в крови у раба
И у вольно летающей птицы.

Только многих, кого уже нет,
Пламя горестей испепелило.
Им мерещились небо и свет,
А досталась сырая могила.

С детства к солнцу тянулись они,
Но в потемках его не встречали.
И не в радости долгие дни
Проходили, а в горькой печали.

За глухими годами года
Шли, гася даже проблеск желаний.
Черным светом горела звезда
Над дорогою вечных скиганий.

У дверей стерегла нищета
И плелась по следам человека,

Каменела любая мечта
Под пятою урюмого века.

Счастьем жизнь не согреет ногих,
Если край наш не станет свободным,
Если рай создавать для других,
Самому ж оставаться голодным.

Славным племенем большевиков
Зановевана наша свобода.
Не о скорби минувших веков
Я пою, но о счастье народа.

Изобилием дышит мой край.
Жизни ключ в нем бурлит неусганно.
Новый мир, словно сказочный рай,
Вместо старого Узбекистана.

Распускаются хлопком поля.
Тополя шелестят надо мною.
И звенит родниками земля,
Озаренная вечной весною.

1937

КЛЮЧ К СЧАСТЬЮ

Я многих поэтов прочел —
Великих волшебников слова,
Прочел — и в тупик я зашел:
Печаль — их творений основа!

Стихи Физули — соловьи,
Чье пение — вопли Меджнунов.
Меня опалил Навои
Самумом госки своей дунув.

Мне Лермонтов сердце щемил,
Измучил Хафиз меня вскорее,
И Пушкин гоской истомил,
Поведав черкешенки горе.

Шекспира просил я: ответь! —
Ответил Хайям за Шекспира:
«Нас хлещет огчаянья плеть,
А скорбь есть владычица мира».

И гут-то махнул я рукой:
Не буду вам единоверцем!
И хлынула радость рекой
В мое истомленное сердце!

Она мне открыла секрет
Своей побеждающей власти, —
И счастья мне большего нет,
Чем петь человеку о счастье.

Да, так оно быть и должно
В свободной, счастливой огчизне,
Где горе навек сражено
Ликующей радостью жизни!

Поэтому радость — мой друг,
И, спину уныло не горбя,
Я счастлив, что счастье вокруг
Встречаю везде, а не скорби.

Эй, недруг! Надежд не питай —
Нам все твои козни известны.

Дан ключ мне народом чудесный
От всех заколдованных тайн.

1938

НА БЕРЕГАХ ЧИРЧИКА

Цветники долин я жадно созерцал
И, потоком дум объятый, онемел.
Над седой водой звездой сиял Чаткал,
Из-за гребней гор в глаза мои глядел.

Изумлен, стоял пред Чирчиком я,—
Тайну бытия в волнах я увидал.
Мне отсель видны Аму и Сырдарья,
Их слиянья шумный, неумный вал.

Вкруг меня сыны народа — мудрецы,
Первые в отчизне смельчаки:
Ведуны воды, грядущего творцы,
Лучшей из наук о счастье знатоки.

Жизнь пескам пустынь они несут в руках,
Струи новых рек, что потекли в песках.
И земля тучнеет волею труда,
И весна, весна бушует в ледниках.

Хлопок пышно зреет. А в тени садов
Медом тяжелеет урожай плодов.
А вдали — пустыни огненная синь,
Желтая гряда пылающих песков.

Старого Востока степь окрест легла.
Говорит: «О, дай мне воду Ферганы!
Я столетья жажду. Мощь моя ушла.
Дай испить чирчикской сладостной волны!

Где арыки те, что вырыл Навои?
Высохла, вода по руслу не идет.
О Чирчик! Когда б, как берега твои,
Зеленеть и мне у говорливых вод!»

Диво ль, что в степях рожденный человек,
Увидав плотины и кипенье вод,
Из суровых глаз, не знавших слез вовек,
Слезы умиления на землю прольет.

Я — поэт Востока. Помню огневой
День, когда те слезы бедняков-дехаки
Стали песней! Песня ж повела на бой,
Беды сотен лет смела, как ураган.

Миллионов песнь о Ленине была.
Эта песнь всегда на подвиги вела.
Эта песнь в боях победы нам дала.
Солнце бытия бессмертное зажгла.

Диво ль, что всю жизнь страдавший человек,
Увидав Чирчик, кипенье светлых вод,
Из суровых глаз, не знавших слез вовек,
Слезы умиления на землю прольет.

Ибо ей — воде—могущество дано
Исцелять недуги, мертвых оживлять.
В сердце у певца желанис одно.
Весь Восток, весь мир свободным увидаеь!

Ночью над Чирчиком гысячи огней.
Предо мною мир — прекрасней, чем весна.

Песнь о нем в душе рождается моей,
Как над гранью гор апрельская луна.

1938

СЫНУ, КОТОРЫЙ ЕЩЕ НЕ РОДИЛСЯ

Я вспомнил о тебе в краю далеком
И так затосковал, что нету сил!
Взглянуть хотя б разок, одним бы оком!
Пусть в мир еще ты не пришел, мой сын,—
Привет тебе, родимый мой, желанный,
Привет тебе, сыночек долгожданный!
От века так ведется: юность сменит
Усталых нас—и двинется вперед.
Был мальчик — стал отец да и младенец
Отцовства не избежит в свой черед.
...Шумело море. Вдруг мне показалось —
Полет твой на волнах я увидал!
Глаза мои зажглись, и сердце сжалось.
И я помчался — по твоим следам!
Привет весне, бутоны не раскрывшей!
Привет, сынок, любимый мой птенец!
Тобою покорен, тобою дышиг—
О, знал бы ты, как ждет тебя отец!
Привет тебе, родимый мой, желанный!
Привет тебе, сыночек долгожданный!

1937

СВЯТОЙ ОГОНЬ

ВОЗЬМИ ОРУЖЬЕ В РУКИ

В утреннем тумане жизнь кипит,
По дорогам слышен стук копыт.
Родина великая не спит,
Клич—«В поход!»—по всей стране родной,
Меч заветный свой
Точи на бой!

Если хочешь ты, чтоб лютый град
Не побил твой хлеб и виноград,
Если хочешь ты, чтоб младший брат
Не лишился жизни молодой,
Меч заветный свой
Точи на бой!

Если хочешь человеком быть,
Если хочешь на свободе жить,
Если ты не хочешь цепь влачить,
Словно раб, покорный и немой,
Меч заветный свой
Точи на бой!

Если кровь в тебе, а не вода,
Если дороги тебе всегда
Честь твоя, плод твоего труда,
Юноша ты иль старик седой,
Меч заветный свой
Точи на бой!

Если ты не хочешь, чтобы враг
Стал охотиться в твоих горах,
Раздави его, сотри во прах,
Грянь грозой над черною ордой!

Меч заветный свой
Точи на бой!

1941

ОТПРАВКА БОЙЦОВ НА ФРОНТ

Стоят у поезда бойцы,
Спешат родных своих обнять...
Вот сына своего на фронт,
Целуя, провожает мать.

«Счастливым путь, прощай, сынок,
Зеница ока моего!
Знай, что мужчину узнают
В бою по храбрости его

Растила зубы я гвои.
Чтоб смог ты, сын, кусать врага.

Тебе дала я две руки,
Чтоб наземь мог бросать врага.

Тебе—чтоб мог ты в бой идти—
Дала я пару крепких ног,
Два глаза я тебе дала,
Чтоб ты врага увидеть мог.

Отвагу в грудь вдохнула я,
Чтоб храбро дрался ты с врагом.
Тебе я холила коня,
Чтоб в битву мчался ты верхом.

И вот великий твой народ
Тебя призвал для славных дел:
Дракон, разинув жадно пасть,
Ворвался в наш родной предел.

Он выскочит из-под земли—
Его ты саблей обезглавь,
Он с неба спустится, злодей,—
Без ног лежать его оставь.

В атаку если он пойдет—
Его ты танком раздави:
Пускай он на чужой земле
В своей же плавает крови...

Но если возвратишься ты,
Не сладив с дерзостным врагом,
Напрасно, значит, я тебя
Своим вскормила молоком.

Знай, что мужчину узнают
В боях по подвигам его.
Счастливый путь! Прощай, сынок,
Зеница ока моего!..»

Клянется матери джигит,
В руке винтовку крепко сжав...
Гудит пронзительный гудок,
Отходит воинский сослав.

И долго мать ему вослед
Глядит, не в силах отойти,
И тихо-тихо говорит:
«Сынок, счастливого пути!»

1941

ПИСЬМО

Я не забуду слов твоих,
Трех слов, зажегших нас,
Я не забуду глаз твоих,
Горящих гневом глаз.

Сказав: «Умри иль победи!»—
Ты мне вручила меч.
Я с именем твоим в груди
Бросаюсь в бурю сеч.

Я крепну в яростных боях
С фашистскою ордой.
Найдет могилу враг в полях
Земли моей родной!

Я ночью не поддамся сну.
Лес темен, недвижим;

Я вслушиваюсь в тишину
Всем существом моим.

Чу! — шорох: как за волком волк,
Тревогою гоним,
Проходит чаще вражий полк
По просекам ночным.

Ну что ж, злодей, погибнешь ты,
Коль жизнь не дорога,—
Я, словно беркут с высоты,
Нагряну на врага.

Ударом молнии ему
Я сердце расколю,
Как море — волны подыму
И, хлынув, затоплю.

Кровавые потоки вброд
Не перейти врагу,
Он гибель черную найдет
На нашем берегу!

Он миру, как чума, грозит,
Как вор, ползет в наш дом.
Но в ужасе он побежит
Перед моим штыком.

О мать, не бойся за меня,
Приободришь и жди.
Несокрушимее кремня
Сердца у нас в груди.

Сквозь море пламени пройдет
Твой сын — и не сгорит,
Его и пуля не возьмет,
И сабля не сразит!

И сын твой званьем удальца
Тогда лишь станет горд,
Когда фашизм навек с лица
Земного будет стерт.

Сказав: «Умри иль победи!»—
Ты мне вручила меч.
Я с именем твоим в груди
Бросаюсь в бурю сеч.

1941

ЛЮБОВЬ

Пришла смущенная—с букетом роз.
«На память сохрани»,— сказала ты
В моих глазах застыл немой вопрос,
Мне руку обожгли твои цветы.

«Сегодня молодость—слуга войне,
Судьбу любви решит судьба войны.
Проверить на свягом ее огне
Все чувства наши мы теперь должны.

А если не вернусь... Мгй милый друг...—
И влагой грусти взор твой налился.—
Ты не забудешь обо мне...» И вдруг
С твоих ресниц закапала роса.

Я удержать не смел тебя, не мог,
И в западне забилось сердце вмиг!

Мне в нежности твоей звучал упрек.
Я совести своей услышал крик.

Да, нам теперь пути другого нет,
Нельзя теперь шагать другой тропой.
Как солнце месяцу выходит вслед—
Я на войну ушел вслед за тобой.

Нас разлучила грозная война,
Но в сумке я твои цветы держу —
И родины, и милой имена,
Скача в атаку, с нежностью твержу.

Преследуя захватчиков, губя,
Жестоко мстя за родину свою,
С клинком в руках стремлюсь к тебе любя,—
Струна любви не молкнет и в бою.

Чем горячее бой, чем он грозней,
Чем яростней сражаюсь я клинком,
Тем поцелуй мой мысленный нежней,
К тебе летящий легким ветерком.

А может быть, скитальцами в веках
Стать нашим поцелуям суждено?
Но любящим сердцам, презревшим страх,
И в гибели бессмертие дано.

Нет, не исчезнут наши имена!
На празднестве победы — будет час!
С живыми наравне почитит страна,
Овеянных легендами, и нас!

Вновь Украины расцветет краса,
Позолотит она поля свои.
В зеленые российские леса
Слетятся петь нам славу соловьи.

И колосом пшеничным встану я,
И заискрыю горячей кровью вин,
И заиграет в розе кровь твоя,
Речную гальку превратит в рубин...

Нет, храбрых в жизни смерть не заберет,
Любовью смелых озарится мир.
Любимые, друзья! Родной народ
Победы ждет. Мы явимся на пир!

1942

ДЖИГИТ

Когда орел взмывает к тучам —
Вороны прочь летят.
Когда скакун бежит по кручам —
Ущелья вслед гремят.
Когда джигиты, ставши в стремя,
Вперед коней стремят —
Руби врага! Настало время.
Коси за рядом ряд!
Клокочет гневом сердце наше,
Так не щади врага!
Давно полна терпенья чаша,
Так не щади врага!
В боях отважен будь и страшен,
Вынослив будь, солдат!
Пусть наших рощ, лугов и пашен
Враги не осквернят!

В лесах, в степях, под высью звездной
Врага-гиену бей!
Пока враги не сгинут в бездне,
В огне геенны — бей!
Пока весь род их не исчезнет
С лица вселенной — бей!
Твои дела в нетленной песне
Потомки сохранят!
Ты наш, ты рос под ясным небом
Отчизны дорогой.
Все ждут тебя. Столь жданным не был.
Нигде никто другой.
Рази врага рукой героя,
Железною рукой!
Придешь ты — горы пред тобою
Седины преклонят.
Разбей скорее орды вражды —
Фашизма злой оплот!
Тебя с победою, отважный,
Страна Советов ждет,
Ждет из далекого похода.
Считая дни, народ.
Сады, склоняясь к журчащим водам,
Ждут, шелестят, не спят.

1942

ПРИВЕТ ГВАРДЕЙЦАМ

Вам, мужественным землякам, родным бойцам —
салам!

С наградой поздравляем вас, достойных храбрецов.
Мы шлем любимым сыновьям по точным адресам
Салам от ваших матерей, от братьев и отцов!

Для доблестных геройских дел вы были рождены.
Как соколы, через Памир вы мчались на конях.
Канал великий провели в долине Ферганы,
Золотоносный Зеравшан горит у вас в глазах.

И вот громите вы врага в огне жестоких сеч,
Бегут в смятении от вас фашистских полчищ тьмы.
Уложит тысячи врагов гвардейский грозный меч.
Встает победа, как заря, — и радуемся мы.

И громко славит наш народ дела богатырей.
Любовной гордостью сердца невест и жен полны.
И бьются горячей сердца отцов и матерей,
И ждут родные: в орденах вернутся их сыны.

Без промедления вперед! Победа нас зовёт!
Полки врага гоните прочь, сметайте в ночь и мрак,
Пускай рожденья своего он день и час клянет,
Удар узбекского клинка пускай узнает враг!

1942

ДРУГУ, ИДУЩЕМУ С ВОСТОКА НА ЗАПАД

Держи свой путь на запад, богатырь!
Твои друзья скорбят от горя злого,

Их города захвачены врагом —
У наших братьев нет угла родного

Ты солнце скорбной родины, мой друг,
Окровавленных нив освободитель.
За стон и слезы гитлеровских жертв
Идешь ты в бой, как беспощадный мститель.

От крови пьян, взбесился живодер,
Петля и нож милей всего злодею.
Еще надеясь, бледный, ждет тебя
Старик в петле, накинутой на шею.

В боях твой друг ослабил мощь врага
И пал, убитый, на твою дорогу.
И жены ждут прихода твоего,
Тая нетерпеливую тревогу.

И дети плачут, потеряв отца,
И ждут тебя бессонными ночами.
Благословляют матери тебя,
Мечтая расквитаться с палачами.

Держи свой путь на запад, богатырь!
Подобно солнцу, ты придешь с востока.
Освободишь друзей из черной тьмы,
Куда насильник ввергнул их жестоко.

Поля, врагом истоптанные, ждут,
В ожогах черных, в диком запустенье.
Спеши туда! Бесплодные сады,
Тоскуя, чахнут в горестном смятенье.

Пока ты здесь — на Украине тьма,
Там не тюльпаны, там лишь кровь краснеет.
Пока ты здесь — там солнце не блеснет,
Пустых полей крестьянин не засеет.

Спеши туда, освободитель, друг!
Казни врага, у смерти вырви брата.
Где ты прошел — в сердцах народов скорбь,
Как снег под солнцем, тает без возврата.

Ответь таким ударом на удар,
Чтобы враги в беспамятстве бежали.
Держи свой путь на запад, богатырь,
Рассей в сердцах народа тьму печали.

Ночную тьму избавь от волчьих стай,
День золотой избавь от чужевластья!
На каждый холм, отбитый у врага,
Внеси багряный стяг труда и счастья.

1942

ОЖИДАНИЕ

(Бойцу)

Семя, брошенное в землю,
Так не ждет весенних дней,
Так не ждет влюбленный страстно
Встреч с возлюбленной своей,

Как во вражеской неволе
Унижение терпя,
Люди, черные от горя,
С нетерпеньем ждут тебя.

Ждут тебя твои родные,
Ждет тебя родимый дом,
Родина, тебе доверься,
Ждет победы над врагом.

Дрогнешь ты — и не иссякнет
В реках кровь...
Изранен, сир,
Лишь тебя, отважный воин,
С нетерпением ждет весь мир.

1943

РОССИЯ

О Россия! Россия! Могучая родина,
Беспредельно огромная, как небосвод
Даже солнце, пока полпути им не пройдено,
Тебя сразу лучом своим не обоймет.

Поезда в многодневном пути задыхаются
Пробежав от закатной черты на восход
Птицы с неба не раз отдохнуть опускаются,
Совершая над ширью твоей перелет

Сокрушит твоя сила все злые напасты.
Землю солнце любви твоей светом залвет
Ты воздвигла твердыню свободы и счастья,
Где семья твоих братьев-народов живет

Честь великая — дней своих встретить начало
В колыбели твоей, под напевы твои.
В каждом доме, где Пушкина имя звучало,
Дышит, свято хранима, и речь Навои.

О, какую громадою дум обняла меня
Моя память у дальних твоих берегов!..
И увидел я меч твой карающий в пламени,
Под Москвой опрокинувший орды врагов.

И когда в эти лютые зимние стужи
Птицы падают замертво в снег на леду,
Твои дети, могучие, храбрые мужи,
Гонят вражьи полки, как заря темноту.

Под лучами любви твоей солнце светлеет,
Под лучами любви твоей гают снега
Но под гневом священным твоим цепенеет
И во прах сокрушается сила врага.

О Россия! Россия! Твой сын, а не гость я.
Ты — родная земля моя, отчий мой кров.
Я — твой сын, плоть от плоти твоей, кость
от кости,—
И пролить свою кровь за тебя я готов!

1943

ШИНЕЛЬ

Цвет твой — серой пыли цвет.
Ах, шинель моя, мой свет!

В дни, когда я шел к желанной,
Был я иначе одет.

Был к лицу мне, спору нет,
Шелковый узоротканый
Бекасам из Маргилана
В пору юношеских лет.

Но забота из забот.
Словно буря, налетела,
И в шинель меня одела,
И отправила в поход —

Прямо в край далекий гот:
Где жестокий бой идет,
Прочь от милого предела,
Где отцовский сад цветет,

Стан затягивает мой
Жесткий пояс боевой.
В битве будет не у дела
Поясной платок цветной.

А в ладонях у меня
Блещет вместо кетменя
Ствол, заряженный грозюю
Смертоносного огня.

Как подушки пух, мягка
На ночлеге ты была мне
И в болоте, и на камне
Грела лучше тюфяка,

Ты мой спутник навсегда.
Если я убит не буду,
Я тебя не позабуду,
Не заброшу никогда.

На почетном месте впрямь
Дома будешь ты висеть.
Шелк на праздник надевая,
С уважением на тебя я
Не забуду посмотреть...

1943

ДЕНЬ ТВОЕГО РОЖДЕНИЯ

Сегодня день рожденья твоего.
Сегодня дом, как луг весенний, ярко,
Цветы кругом... И я лишь ничего
Не принесу возлюбленной в подарок.

Тебе сегодня девятнадцать лет,
С тобой — весны счастливые соцветья.
А я в бою встречаю свой рассвет,
Справляю праздник совершеннолетия

В окопе дымно. Только в щель видны
Две-три звезды над гучкой голубою,
И небом родины глаза мои полны,
И вся душа моя полна тобою.

О, выйди в сад! Взгляни на небо ты,
Прислушайся к нему на ми! единый,
И, может быть, из дальней высоты
Тебя напев коснется соловьиный.

Пусть будут нынче веселы друзья,
Красноречивы будут поздравленья,
Но пусть никто не слышит соловья,
Не замечает твоего волненья.

Пусть пьют друзья сегодня допьяна,
Пусть будет много и вина и хлеба,
И только ты, красавица, одна
Подняв бокал, взгляни опять на небо.

Тебе сегодня девятнадцать лет,
И нет поры для молодости краше,
Но дашь ли ты торжественный обет,
Любовь моя, не становиться старше?

Не говори ни слова мне в ответ,
И не шути над выдумкою друга,
Не уходи за девятнадцать лет,
Не покидай весны моя подруга!

О, не спеши, красавица, постой!
О, удержи в груди своей дыханье,
Чтоб расцвести девичьей красотой,
Тогда, в минуту нашего свиданья.

Пусть будет только девятнадцать ей,
Любви твоей, и больше — ни мгновенья.
Невесты ждать должны богатырей,
Когда идут великие сраженья.

А мы, обычай верности храня,
Идем к победе в пламени и дыме,
И если я погибну средь огня,
Шепну твое коротенькое имя.

Ну, вот и все... На небе вспыхнул свет
И стали залпы раздаваться часто.

Тебе сегодня девятнадцать лет,
Мое далекое, большое счастье.

1943

КОГДА УХОДИЛИ НА ВОСТОК

(Из цикла «Эвакуация»)

Под воем бомб, под смертоносным градом
Из городов горящих люди шли,
Из мирных сел, внезапно ставших адом,
Осыпанные комьями земли.

Шли люди, стоном небо содрогая,
Кровь застывала в колеях дорог.
Шли пахари, свой хлеб в полях сжигая,
Безвестный путь был страшен и далек.

«...Обычай мира верно мы хранили.
Ты, враг, его нарушил в черный час!
Будь проклят! Спать с тобою в одной могиле —
Позор и нестерпимый стыд для нас!

...Будь проклят, зверь, виновник лиховетья!
Будь проклят, черный изверг и палач!»
Шли старики, старухи, жены, дети
С мычаньем стад мешался стон и плач.

Спаленные степною жаждой горла,
Растерянность, безумие и тьма,

Такая тьма, как будто распростерла
Над миром крылья древняя чума.

Глаза, засыпанные пылью, плача,
Не различают неба и земли.
Пыль над землей встает стеной горячей,
И броды рек — в удушливой пыли.

...Что им, в бесчувствии упавшим, снится,
Что ждет нагих, беспомощных, больных?
От пыли тяжелы их глаз ресницы,
Как лес, что преградил дорогу их.

Тот, потеряв ребенка, обезумел,
Тот вдруг лишился всей семьи своей.
И кто из них предполагал, кто думал
Кто ждал беды внезапней и грозней?

Шли толпами. Шли, как морские воды
Не ведая, куда они идут,
И где предел их страшного похода,
И где они приют себе найдут.

Лишившись крова, без воды и хлеба,
Шли люди, как гонимый ветром дым.
И утром кровью обливалось небо
И плакало от состраданья к ним.

С заката на восток, — не как когда-то,
Не от востока, — тек людской поток,
Как будто реки крови шли с заката,
Как будто кровью шар земной истек.

«Куда? — Леса шумели по дороге. —
Куда, родной? Куда от нас ушел?»
Земля хваталась за босые ноги,
Несжатый хлеб цеплялся за подол.

«Куда вы?» — плакал дождик на рассвете.
«Останьтесь!» — грохотала им гроза.
И беглецы не знали, что ответить.
«Куда? Идем, куда глядят глаза.

Нам все равно, где дни влачить на свете.
Где спрятаться от холода ночей.
Нам все равно, лишь только б наши дети
Не видели фашистских палачей.

Хоть, может быть, без крова и без пищи
Придется видеть нам своих детей,
Хоть, может быть, не сыщется жилища
Принять такое множество гостей. —

Мы все снесем, любые муки в мире
Мы выдержим, и в дальних землях нам
Любые подойдут весы и гири,
Но мы не покоримся палачам!»

1944

Баллады

*Рассвет развеял мглу, как сон,
И мир меняет одеянье:
Он золотом лучей пронзен
И тонет в солнечном сиянье.*

ШАХИМАРДАН

1

Прохладный ветерок,
По склону пролетая,
Пылающий флажок
Несет навстречу мне.
Здесь кровь кипевшая, за счастье пролитая,
В могиле каменной уснула в тишине.
Той кровью окроплен флажок, и неустанно
Трепещет на крутой горе Шахимардана...

Картины прошлого передо мной стоят —
Род умирающий спасенья ищет в мести.
Вот бай, мулла, кулак, собравшиеся вместе.
На языке их — мед, а в сердце — черный яд.
Ревнителю чалмы, поборники Корана
Смеются злобно на горе Шахимардана...
Круг жизни завершен — тебя уж больше нет.

Здесь ты родился, здесь и умер ты, поэт!
Картины прошлого стоят передо мной:
Плетутся лошади по тропке каменистой.
Скрипят колеса арб над самой грузинской.
Клубится пыль тропы над пылью водянистой.
Поток, могуч и скор,
С крутых сбегает гор —
Поток стремительный, поток Шахимардана,
Шумя, ворочающий камни непрерывно.

Картины прошлого стоят передо мной:
Живя среди красот, под синим сводом неба,
Среди хрустальных вод, среди листвы сквозной,
Несчастный человек, куска лишенный хлеба,
Отчаявшись, пошел против судьбы войной.
Вдоль тальника струясь, поющие арыки
Поили не его прохладною волнсь.
В его судьбе зима дышала и весной,
Несчастный человек и мученик великий,
Отчаявшись, пошел против судьбы войной.

Картины прошлого стоят передо мной:
С природой райскою Шахимардан гористый
Был баем превращен в постылый ад земной,
В обитель ужаса, в паучий дом нечистый.
Жестокий бай душил дехкан, шепча: «Аллах!»
Он грязною душой окутал страхом души
Людей, чья жизнь прошла в нужде, в голодных днях,
В арбах с чужим добром, в слезах, во тьме и стуже.
Прожившие всю жизнь с отчаяньем в сердцах,
Искали бедняки от бедствий избавленья,
Флажки святые с волосками на концах
Повесив на ветвях и плача в исступленья.
Часами кланяясь, молилась нищего
В местах безрадостных, где и не пахло богом.
«Благодарю, аллах... жизнь наша — суета...»
И вновь склонялись лбы к земле в смиренье строгом.
Как листья осени, унылы и желты,
Они светильник над могилой защищали.
Мечты о счастье — непрерывные мечты —
К порогу байскому их за землей толкали —
Как будто горсть земли от байского порога
Способна счастье дать, умиловить бога...

Так жизнь кончается у бедняка —
Раба, поденщика в чапане рваном,

Раба, что черствого лишен куска,
Раба, что и воды лишен глотка, —
Раба, родившегося под Кейваном.
Чужой себе и дому своему,
В своем углу, в жилище темном,
Живет он нищим и бездомным,
Растоптанным, поверженным во тьму...
Поэт, что красоту творит и ею дышит,
Поет свою газель, — но сам ее не слышит:
Он слышит стон рабов, и свист плетей,
И плач голодных маленьких детей...

2

Еще одна стоит картина предо мной:
Поют, журчат ручьи, играют с легким всплеском.
Вверху звезда горит над горной вышиной
И освещает все своим далеким блеском —
И горы, и ручьи — и весь простор земной.
И здесь поэт стоит.
Места, что мглой объаты,
Он хочет осветить, как яркая звезда,
Сердца, которые сосет паук-проклятый,
Избавить хочет он от боли навсегда.

И завтра:
Тот, кто был задавлен байской властью,
Батрак — войдет в колхоз, в могучий коллектив,
Ему не поднесут ведь на ладони счастье —
Он сам его возьмет, всех баев победив.

И завтра:
Не боясь ужасного колодца¹,
Сарви произнесет:

¹ Женщин, нарушивших адат (мусульманский закон), фацатики, муллы и бай бросали в колодец.

«Пусть кровь моя прольется,
Пусть смерть моя придет,
Но я не задрожу.
Я сброшу черную, как тучу, паранджу!
Начну другую жизнь!
И чтоб ей быть счастливой —
Пусть пропадет навек закон корана лживый,
Аллах на небесах и в преисподней дивы!..»

И завтра:

Пионер придет сюда веселый
И выбросит навек флажки святые вон.
И знамя красное над клубом и над школой
Он утвердит — как счастья нашего закон.
И скажет:

«Праздник мы устроим на вершине
В честь пламенных сердец, не знающих преград.

Мы жизнь дадим степям, безрадостной пусгине —
Их мертвенный песок потоки оживят!..»

Почувяв смерть, дрожат мулла и бай свирепый:
Пришли богатыри, чтоб им за все воздать.
Их сила велика: не только рабства цепи —
Громады вечных гор им сокрушить под стать.
Шипят враги и днем, и в черный час вечерний,
Пылает ненависть, навет ползет, как вор.
Во тьме таившиеся, выползают черви,
Клубком коварных змей свернулся заговор.

Хамза Хаким-заде,

Любимый всем народом,

Их пламя черное ты погасить решил,
Ты за народ пошел на бой с проклятым сбродом.
Поэт! Против тебя — вся злоба темных сил!
За то, что ты восстал на скря и на сутяг,
Продать готовых край, народ свой — за пятак,
Они тебе, поэт, смертельно мстить готовы:
Беснуются, шипят и злобно жаждут крови...

Сверкает над горами жаркий день,
 Среди скал и круч звенит строка газели —
 С вершин легко, как молодой олень,
 Спускается Хаким-заде в ущелье.
 Горячий день. Чуть дует ветерок.
 А он поет, жары не замечает,
 Меж тем поэта банда окружает —
 И каждый выступ, каждый бугорок
 Поэту лютой смертью угрожает...
 С злорадным криком, предвкушая торжество,
 Один бросается, как ястреб, на него,
 Другой веревкой вяжет руки... «Прочь с дороги!» —
 Им голос времени приказывает строгий.
 Но смерть уж близится...
 Земля в глаза летит...
 Сознание молнией внезапно бороздит
 Горящий мозг...
 И вот,
 Как бы лишившись крыльев,
 Поэт, что сладко здесь о будущем мечтал,
 На окровавленные камни, обессилен,
 Как дерево подрубленное, пал...

Хамза Хаким-заде, струится кровь твоя —
 Сокровище бесценнейшее жизни.
 Взгляни на свой кишлак, на горные края —
 В последний раз, поэт, пошли привет отчизне!
 Но поздно... ты лежишь...твой взор уже погас,
 В твоей груди уж сердце еле бьется...
 Хамза Хаким-заде, настал твой смертный час —
 Дыхание с тобою расстается...

У темных сил сегодня торжество.
 Кичатся:
 «Видели? Еще мы живы!...».

Но обмануть не смогут никого
Улыбка палача и байский голос лживый.
Вас, баи, окрылил кровавый ваш успех.
Хотите дни свои продлить, убив поэта.
Но знайте же, что вас переживет он всех
И не спасетесь вы, свершив злодейство это!..

4

Поток, могуч и скор,
Шумя, сбегает с гор —
Стремительный поток Шахимардана.
Вода его чиста,
Как светлая мечта
Людей, творящих счастье неустанно.
Навек рассеяв мрак,
Свободным стал батрак —
Нет больше баев ни в домах, ни в поле.
Мужая с каждым днем,
Шагает он путем
Зажиточности, радости и воли.

И слышится в горах поэта гневный голос,
И вместе с ним народ свободный говорит:
«Земля на два враждебных мира раскололась
Один — почти мертвец, другой — живет, творит».
Так скажем гневно умирающему миру:
«Конец твой близится — наш приговор суров!
Всю жизнь, подобно жадному вампиру,
Безжалостно сосал ты нашу кровь!..»

Не умолкает гнев убитого поэта:
«О старый мир, взгляни на пышный сад земли,
Взгляни на те поля зеленые вдали,
Взгляни на вьющийся в горах арык —
Все это
Мы сами создали, взрастили, провели.
Ты слышишь, старый мир, как падая с нагорья,

Потоки пенные поют среди камней
О наших прошлых днях, о безграничном горе
И о слезах, что чище горных всех ключей
Все на костях на наших выросло,
А сами были мы приравнены к скоту.
Как лошадей, и нас камча хлестала,
Нам было и дышать неумоготу.
И на родных лугах,
Что столько благ таят,
Враги вкушали мед,
А нам давали яд!..»

Не умолкает гнев убитого поэта:
«О старый мир, весь век ты нашим жил трудом,
С утра до темноты и снова до рассвета
Зерно, как муравьи, мы в твой таскали дом.
Весь день голодные, под солнцем раскаленным,
В изнеможении мы падали без сил,
Но старый мир, склонясь над телом утомленным,
«Ты умер или жив?» — ни разу не спросил.

«О старый мир, весь век ты прожил, лицемеря,
Слезой и словом был ты каждому родня,
Но ты на смерть раба взирал глазами зверя,
Корову ж павшую оплакивал три дня...»

Не умолкает гнев убитого поэта:
«О старый мир, тебе спасенья не найти!
Мы выполним слова великого завета:
Разрушим старый мир — другого нет пути!
Нет места вам у нас, насилие и лживость.
Исчезни, старый мир, — чудовище, дракон:
Вот нашей жизни цель, вот наша справедливость.
Вот счастья нашего ликующий закон!..»

Прохладный ветерок,
По склону пролетая,

Пылающий флажок
Несет навстречу мне.
Здесь кровь кипевшая, за счастье пролитая,
В могиле тихой спит на горной крутизне.
Поет Шахимардан — как прежде и не пели —
На утренней заре и в полуночный час.
И в песне вод его, и в горной колыбели
Так много красоты, родившейся для нас
И день и ночь поет река, не устывая,
Вот так и наша жизнь колхозная поет.

Величье дней и счастье создавая,
Народные сердца она к себе влечет.
И этим счастьем враг хотел владеть навечно.
Но с кровью у врага мы вырвали его,
И в этом — наша мощь, и наша человечность,
И наша истина, и наше торжество.
Ушли навеки дни муллы, ишана, бая,
Настало время хлопкороба и ткача.
То время новое, как солнце, улыбаясь.
Нам светит в лампочках чудесных Ильича.

...С вершины громкий голос раздается —
И вторит все ему на тысячи ладов.
Он в каждом вольном сердце остается,
Он в шуме ветерков и в шелесте садов.
То — голос воина-певца, чье сердце было
Гранита тверже и нежнее роз,
Чья песенная закипела сила,
Чье имя носит с гордостью колхоз,
Кто в наших песнях жив, и в детских взорах,
И в заплескавшей в степи воде,
И в тех делах, которыми везде
На богатых солнечных просторах
Прославился колхоз «Хаким-заде».

1932

МАСТЕРСТВО

1

Сверкая, пламенея, день встает,
Ушедшей ночи поступь так легка.
Дыханье утреннего холодка,
Листовою шелестя, меня зовет,
Любви и жизни голос подаст.

Не звук азана разбудил меня,
Не бай угрозой понудил меня.
Расчесывая волосы полей,
Осенний день зовет: «Иди скорей!»
Листва над головой шумит: «Пора!
Спешите в поле, хлопка мастера!»
И радостно мы ото сна встаем
И, бодрые, в поля свои идем.

2

И вот — родное поле,
хлопок, хлеб...
Здесь родился я, вырос и окреп.

И много поколений здесь до нас
Рождалось и встречало смертный час.

Смерть, как колючка в пятке, как репей,
Дорогой прицепившийся к поле,
Была обычным делом для людей,
Изнемогавших в байской кабале.
Равно и юноши, и старики
Здесь гибли от безжалостной руки,
Здесь миллионов жизней молодых —
Весенние растоптаны ростки
Был их удел — нужда и кабала
Рубля на саван не было у них,
И это был народ! Он погибал.
Так, оседая, падает стена,
Подмытая разливом бурных рек.
Не смерть, а жизнь отцов была страшна.

Рабом тогда рождался человек,
Ничем не защищенный от обид.
На самой тощей и сухой земле
Таскал омач и сеял он чигит.
Весь урожай бай забирал себе.

Когда ж народ оружие подымал,
Отчаявшийся в божье и в судьбе,
Его каратель бешеный топтал,
И кровь по рассеченным лбам текла.
Жизнь бедняка зависимой была
Лишь от того — успеет он или нет
Снять урожай, пока не выпал снег.

3

Теперь по всей республике моей
Мы славим знатных мастеров полей.

Собравших небывалый урожай.
Обогадивших свой колхоз, свой край
О мой народ!
Счастливая моя,
Родная
Большевицкая семья.
Моя отчизна, мой Узбекистан!
Со склонов снежных величавых гор,
От рек, чьи поймы не охватит взор,
За неизведанный степной простор
Ты золотые поля распростер.
Как пущенная с тетивы стрела,
Как сильный сокол, распавнув крыла.
Ты поднялся в великий перелет.
Тот путь не проходила и звезда,
Не пролетала птица никогда.

Как будто снегом убелен простор,
Раскрылся хлопок. Вся страна — на сбор!
Теперь богатство это — наше, друи!
Богатство это — дело наших рук.
Гордитесь урожаем, мастера!
Нужда, беда остались во вчера,
Как по пустыне тяжкий переход.
Теперь хозяин жизни — сам народ.
Природу победил свободный труд
И новые поля вокруг цветут.

В грядущее высокий строим мост,
У нас в глазах сиянье новых звезд
Эпохой нам задание дано
В сознании людей стереть пятно,
Родимое позорное пятно,
Капитализма черное пятно,
Так, чтобы стал отныне и человек
Свободным, сильным каждый человек.

Путь вперед велик,
но ни на час
Энергия не ослабнет в нас.
Необходимым всем вооружен,
Наш конь в поход, как птица, устремлен
На труд великий, на последний бой
За овладенье главной высотой,
С которой беспредельная видна
Ширь коммунизма,
вечная весна.

1933

ЖИЗНЬ СТАРИКА

«Жаль, что жизнь прошла, — вздыхает старик, —
Жаль, что мало мне остается жить,
Я уже на краю могилы стою,
Дней моих остаток — короткая нить —
На исходе, и горестно мне, что нельзя
На вершок хотя бы ее удлинить...»

Взором пристальным он следит за тем,
Как, выращивая на лугах цветы,
Неустанным трудом прекрасный ковер
Ткет красавица жизнь.

«Все свои мечты,
Все богатства свои, — говорит старик, —
В дар подруге-весне, жизнь, приносишь ты!»

Как волшебен и красочен жизни узор!
Рядом с девушкой, чьи щеки цветут,
Словно розы, и седовласый старик,
Словно юноша сильный, трудится тут
Со старухой, в чьей памяти, словно во сне,
Дни загубленной в рабстве весны живут.

Дружно трудятся все, и радостный труд
Молодит сединой убеленных людей,
Возвращает им свежесть весенних дней.
Да, весна труда, как цветущий луг,
Где цветы и травы подобны мечте —
Столько прелести в яркой их пестроте,
И невольно, только глянешь вокруг,
Позавидуешь сердцем их красоте.

Стариковское сердце сжигает тоска,
Воекликает он, губы кусая: «Товба! —
Рвет халата ворот. — Ужель не судьба
Мне увидеть побольше радостных дней!
Жаль, что жизнь прошла», — вновь вздыхает он
И скорбит в глубине души своей.

И старик —
В Мулькабаде его старей
Ни единого нет человека, —

старик,

Чья спина в подневольном согнулась труде,
Нищий, жалкий батрак, раб, что в прошлом

привык

Только к голоду, муке, горю, нужде,
Ожил, жизни впервые увидев свет,
Яркий свет, разлившийся в эти дни.
Долго жил старик...

Девяносто лет —

Срок немалый... И на своем вкусу
Многих дел он свидетелем был.

Жизнь его —

Словно длинная повесть, и старику
Стоит только начать рассказ о былом
И слова, точно реки с гор, потекут.
Сколько раз сыпучие эти пески

Ветер с места на место перегонял
И как эти барханы, что высятся туг,
Долго старый по этим местам кочевал,
Здесь на баев работал он, здесь голодал,
Здесь, бывало, не раз приходилось ему
Понапрасну стучаться в чужую дверь.
Так он здесь и состарился, и теперь
В Мулькабаде знают,

его старей

Не найдется во всей округе людей,
Но впервые, на склоне долгих лет,
Жизни радостной он увидел свет.

* * *

В Мулькабаде шел великий спор,
Испытанье грозное сердец.
И барханы, и полей простор,
Все равнины из конца в конец,
Все, кто в рабстве жил до этих пор,
В горе жил, потупя в землю взор,
Ждали, чем решится этот спор.

Как бороться с правдою лжецу,
Как ее осилить может вор?
С баем встретиться лицом к лицу
Раб его недавний — чайрикер,
И друг друга угольями глаз
Каждый был готов на месте сжечь,
Бая не могли спасти сейчас
Ни обман, ни вкрадчивая речь.

Козни бая и его друзей,
Все, что здесь исподтишка злодей
Замышлял, чтоб власть свою вернуть,
Чтоб закрыть дехканам к счастью путь.

Их дела, что полночи черней,
Смело пред судом раскрыл старик.
Мстителем бесстрашным был старик,
Он обман и зло изобличил,
Жала острого змею лишил.
Как проклятый ни юлил, ни лгал, —
Правый суд злодея покарал.

Так закончился великий спор.
Сбросил тяжкое ярмо узбек.
Кишлаки избавились с тех пор
От отребья подлого навек.

Вместо жалких узеньких полос,
Что сдавали баи нам внаймы,
Всей землей теперь владеем мы,
И растет и крепнет наш колхоз.
Славится на весь родимый край
Наш колхоз «Дзержинец».

Что ни год,

То богаче хлопка урожай
Он отчизне-матери дает.

* * *

За весной весна идет вослед,
Тал к ручью шумливому приник,
И, как будто скинув бремя лет,
Вновь увидел молодость старик.

Все вокруг — свободный труд дехкан.
Трактор, утром выходящий в путь, —
Распрямляет сгробившийся стан,
Наполняет новой силой грудь.

Недлегко ему еще порой
Разумом все новое объять,

Но вперед стремится он душой:
«Ведь нельзя от жизни отставать!»

Он на склоне долгих лет постиг
Лицемерье и продажность мулл,
От мечети взоры отвернул
Правды свет увидевший старик.

С гулом мчится времени река,
Волны светлые о берег бьют,
Сыновья и дочки старика
Новой жизнью радостно живут.

Сколько внуков у него... На них,
Боевых, веселых, молодых,
День-деньской не наглядится он:
Ясным солнцем путь их озарен.

* * *

Вспоминает порой старик о былом:
«Знайте, внуки, рабыней у бая была
Ваша бабка, а я был его рабом,
Ни жилья не имел своего, ни угла.

Наркузы, твой отец, не мог для детей
Серой бязи хоть пол-аршина купить.
Мать зато мастерицей слыла среди людей
На заплату снова заплату лепить».

Вел он речь о царе, что народ угнетал,
О жестокости баев, их черных делах,
То, внезапно смолкнув, только вздыхал,
Вспоминая с болью о тех временах.
Помолчит он, очнется — и видит: вокруг
Уж затеялись игры, в разгаре спор —

Младший внук, похваляясь силою рук.

С каждым рвался скорей заключить договор:

«Знаю, готовитесь все вы сейчас

К сбору хлопка...» — «Да, он уже не

за горой...» —

«Так пусть же тогда любой из вас

Соревнуется в этом деле со мной!»

А старик улыбался и говорил:

«Лезть в петлю лишь только барану

под статью,

Но все ж, хоть я стар, а хватит сил

И двоих таких, как ты, обогнать!»

* * *

Что ж, хотя наступил уже

Вечер жизни для старика,

Не сидится на месте ему —

Вновь по улицам кишлака,

По выгону и по полям,

Опершись на посох, идет,

Словно хочется оглядеть

Напоследок все, что цветет,

Чудеса творятся кругом,

Как прекрасно, как солнечно тут!

И у старого по щекам

Слезы радости светлой текут.

«Не увидишь горя нигде

И не встретишь былой нужды.

«Ты хозяин наш!» — говорят

Мне все эти поля и сады.

Одного мне жаль, что нельзя

Снова юным и сильным стать,

Чтобы сызнова счет годам

С этой светлой поры начать».

«Как печально, — думает он, —
Что подходит к концу мой путь
В дни, когда наконец могу
Счастье полным ковшом зачерпнуть,
Мне годами горя и бед
За него пришлось заплатить.
Тяжело расставаться с ним,
Право, хочется жить и жить».
А в былом — он смерть призывал
И, стеля для себя кошму,
Думал он, что лучше всего
Вечным сном уснуть бы ему.

А теперь, на старости лет,
Он большого счастья достиг.
«Так легко ли расстаться с ним?» —
Вновь и вновь вздыхает старик.

Горько думать: последний почет
Скоро люди ему воздадут —
Весь кишлак придет проводить
В путь печальный его табут.

* * *

И снова старый жизнь свою
Перебирает день за днем.
Немало войн, убийств, смертей
Он видел на веку своем.

Набеги вражьи, кровь, резня
Ушли в былое, словно сны,
Но ярко в памяти встают
События одной весны.
Был радостен ее приход.

Как заждалась ее земля,
Как пили вешнее тепло
Позеленевшие поля!

Бурлила, клочотала жизнь,
Но не весна избытком сил —
Народа богатырский труд
Пески пустынь животворил;

Дыханье жизни не она
Дарила высохшим пескам,
А сила, что дехкан вела
К победам, к ясным светлым дням.

Мы всей колхозною семьей
В полях трудились... Ни души
Не оставалось в кишлаке.
Построив наспех шалаши,
Мы спать ложились на часок —
И вновь за труд...
Заветный срок
Был близок... Праздник наступал,
Победы знамя расправляя
Над всей страной Первوماй,
И наш счастливый вольный край
Своим успехом трудовым
Стремился праздник увенчать,
Как сына наряжает мать,
Готовясь к праздничному дню,
Так нарядилось все кругом.
Уже был праздника канун,
И мысли светлые о нем
Владели сердцем старика.
Он по полю спешил домой,
Чтоб встретить праздник всей семьей,
Как вдруг еще издалека
Он увидал — средь кишлака

Толпился и шумел народ.
Какая же стряслась беда,
Когда и воздух напоен
Дыханьем праздника труда?..
И ускоряет он шаги:
«Чей слышен плач, что там орут?
Чье тело четверо дехкан,
Согнувшись, сумрачно несут
К его порогу?» — Он туда,
Не понимая ничего,
И вдруг, увидев мертвеца,
Узнал в нем сына своего.
Дыханье счастья, цвет надежд.
Все, что любил он, было в нем.
Старик на тело сына пал,
Как дуб, сраженный топором.
Померкло солнце, свет погас!
Отчаянье сдавило грудь,
И старый сына обнимал,
Стараясь жизнь в него вдохнуть.

И люди в горести над ним
Склонились... Замерли слова,
И слышно было, как вокруг
Шуршала жухлая трава.
Вдруг чей-то голос прошептал:
«Бежал сегодня Кадыр-бай
И напоследок осквернить
Решил злодейством светлый май.

В мечети часто по ночам
Он собирал тайком друзей,
Должно быть, свой творя намаз,
О мести помышлял злодей.

Недалеко от кишлака,
Где начинается овраг,

Успел свой замысел свершить
• Перед побегом подлый враг.

Я говорю не для того,
Чтоб слезы брызнули из глаз,
Хоть лучшего среди нас змея
Ужалить в свой предсмертный час

Успела... Пламя гнева пусть
Пробудится в сердцах дехкан!
И распрявил старик отец
Свой сгорбленный годами стан.

И, гнев и горе затая,
В молчанье люди к телу шли,
И думал каждый: «На борьбу
За свет и счастье для земли»

Пойдем мы дружную семьей.
И ты, старик, не одинок:
Мы вместе встретим светлый день,
Победы полной близок срок!»

* * *

По улицам родного кишлака
Идет старик, и ясен взор его.
Куда ни глянешь — радостно душе:
Везде, во всем народа твое жество.

Ведь что ни день — то радостная весель,
И дням таким ни края, ни конца.
Как люди выросли, как вольный труд
Преобразил их лица, их сердца!

Ему не спится В мыслях по ночам
Он с посохом идет землей родной,

Он видит жизнь и радуется ей,
И на душе и счастье, и покой.

Когда же он достигнет наконец
Предела жизни и померкнет взор,
Он не оставит нищими детей, —
Не разгорится подле гроба спор,

Позорный спор, как в давние года,
Когда дороже, чем сестра, чем брат,
Была одна каса, одно ведро, —
Все то, чем был бедняк в те дни богат.

Нет, иначе на свете повелось —
Сын не спешит похоронить отца.
Все трудятся, все радостно живут,
И озаряет счастья свет сердца.

Достигнет он предела жизни... Что ж,
Покроет саван бороду его,
Но счастья будет шириться река,
И вечным будет жизни торжество.

1934

ПОВЕСТИ ДВУХ ДЕВУШЕК

В тот час, когда закатно рдея,
Уходит солнце на покой,
Пришли две девушки на берег,
На камень сели вековой.

На чистой глади вод прозрачных
Их красота отражена.
Горят две пары глаз девичьих
На ложе мраморного дна.

Одна вплетает розу в кудри,
Другая сбросила платок,
И волны кос ее душистых
Расчесывает ветерок.

Над ними облака белеют
И отражаются в реке.
Рассказывают две подруги
Две повести о Чирчике.

Первая повесть

На берегу реки когда то
Жила красавица одна.
Совсем одна. Дружили с нею
Лишь небо, ветер да волна.

Однажды юноша приехал
Из чужедальной стороны.
Расспрашивал о ней повсюду —
У птиц, у ветра, у волны.

Но даже друг ее заветный —
Весна ответила: «Поверь,
Я и сама скорблю и плачу,
Не зная, где она теперь».

Ища ее, чтоб отразиться
В чудесных девичьих очах,
Река неслась, рвалась, кипела,
Вселяя в души смертный страх.

Ярьсь, посевы затопляла,
О берег билась, ошалев;
На всем живом, на всем цветущем.
Безумный вымещая гнев.

И небо одевало траур,
И слезы лили облака,
Но не стихала — клочкотала,
Вольнолюбивая река.

Ковры парчовые раскинув,
Устлав цветами все вокруг,
Весна томилась, ожидая
Прекраснейшую из подруг.

В горах тюльпаны расцветали,
Снег оседал, текли ручьи,
Удручены разлукой с нею,
Стонали в рощах соловьи.

Везде краса, и лишь прелестной —
Как не было, и след исчез.
От огорченья даже звезды,
Срываясь, падали с небес.

Могуч был юноша. Он гору,
Ударив, мог рассыпать в прах.
Летучих облаков касался
Железных рук его размах.

Но сердце юноши сжигала
Неугасимая любовь.
Скорбя, он приходил на берег
И днем, и ночью, вновь и вновь.

Он говорил: «Скажи, волна, мне,
Как звать ее? Скажи, волна!»
Он и скалу просил, тоскуя:
«Скала, скажи мне, где она?»

Скала ответа не давала,
Спала безмолвно день и ночь.
Река бессонная вскипала
И уносила волны прочь.

Безмолвна, как скала, бессонна,
Как с гор сбегаящий поток,
Танлась девушка. Неведом,
Невидим был ее чертог.

А юноша не знал покоя...
Сменялась за зарей заря,

Листва алела, опадала,
В пожаре осени горя.

И вновь весна своих узоров
Плела расцвеченную нить...
А той все нет, к ногам которой
Он море слез готов пролигь.

Лежал в ущельях снег алмазный,
Сверкая вечной белизной.
Лежал неизбежно, не тая
Ни жарким летом, ни зимой.

Над гучами, над облаками,
Как стража мира, как дозор,
Жемчужно-белыми чалмами
Касались неба гребни гор.

И юноша всходил на горы.
Что ему буря? Что обвал?
Он шел и шел, одолевая
За перевалом перевал.

Спал на снегу, вставал с рассветом
И снова, снова — в пугь, как в бой,
Давя снега, как будто львиной,
Тяжелой каменной стопой

В долинах шел, в степях скитался
Ни день, ни месяц — много лет
И вновь на берег возвращался,
А девушки все нет и нет.

Но где ж она? И где сивасенье
От этой огненной госки?
Решил он гору опроркнуть
На грудь стремительной реки

Он, запрудив горою реку,
Похвастать силою хотел.
Он дерзостью такой безумной
Сквитаться с милою хотел.

И схватка началась. Ревела
В бессильной ярости река,
Гора гудела и трещала
В руках железных смельчака.

И он сломал ее и бросил
С размаху в реку, и река
Взлетела тысячами молний,
Пронзая в небе облака.

И тут вот девушка возникла
Подобно солнцу. И тогда
В реке затихшей отразились
Долины, горы, города...

А дерзкий вновь огромным камнем
Хотел взмахнуть, но в этот миг
Глаза красавицы сверкнули,
И он, затрепетав, поник,

За грудь схватился, зашатался
И, потеряв остаток сил,
С расколотым на части сердцем
Упал и камень уронил.

Окончила рассказ подруга,
Сказав: «Тому уж много дней».
И вдруг взглянула изумленно
На камень, что лежал под ней.

«Смотри! Вот он, тот самый камень,
Что выпал из могучих рук!»

И по реке вечерней тихо
Разлился нежный смех подруг.

«Да,— молвит девушка другая,—
Тот камень стал скамьей для нас.
Теперь послушай, дорогая,
Другой о Чирчике рассказ».

Вторая повесть

Течет, бурлит река шальная,
Течет, бушует, сотни лет.
В ее груди сказаньям древним
И древним тайнам счета нет.

Рожденная в снегах нетленных,
Навеки в сердце лед храня,
Она торопит с гор в долины
Алмазногривого коня.

О чем шумит, что хочет эта
Необычайная река?
Ее такую сотворили
Чье озаренье, чья рука?

Где человек, раскрывший тайны
Ее мятущейся волны,
Где тот, кому ее загадки,
Ее стремления ясны?

Не раз, не два пытались люди
Смирить ее мятежный нрав,
Но низко головы склоняли,
Свое бессилие признав.

И не одна душа навечно
В ее волнах погребена.
Вот почему рыдания, стоны
Доносятся с речного дна.

А ей ничто! Ломая скалы,
Она бежит вперед, вперед.
Бежит кипящая, как лава,
И все ж холодная, как лед.

Но в ней и благо: В каждой капле
Она несет горячий гок
Порою даже гальке влажной
Дарует жизнь ее поток.

И долго тайну этой силы
Не мог постигнуть человек.
Река дарила и губила
Из года в год, из века в век.

Но не напрасно за свободу
Боролся в Октябре народ.
Раскрепощенная наука
Пошла стремительно вперед.

И вот недавно к нам в долину
Приехал мудрый инженер.
Как воду, впитывая знания,
Проник он в тайны многих сфер.

Всю жизнь свою отдав наукам,
Служеньем родине горя,
Он изучил все реки мира,
Озера все и все моря.

Приехав, о своей задаче
Поведал этот человек —

Сказал собравшимся, что знает,
Как реку усмирить навек.

Сказал, что ныне для науки
Неодолимых нет преград,
Что даже нашу реку можно
Взнуздать и повернуть назад.

В работе показал машины,
Раскрыл нам смысл полезных книг,
Сказал нам, что, учась, мы сможем
Достичь всего, что он достиг.

Тогда к нему, как ливень хлынув,
Потек народ со всех сторон,
И с лучшими из многих тысяч
Большую стройку начал он.

Заполнилась людьми долина.
Потом почетный старожил
Для стройки первый ящик глины
Сам накопал и замесил.

С тех пор упорно, неустанно
В долине трудится народ,
Чтоб умножалось наше счастье
День ото дня, из года в год.

Тут нет ленивых. Днем и ночью
В гранит вгрызается кирка,
Чтоб новое родила солнце
Неугомонная река.

Растет могучая плотина
И заграждает путь волне,
Вздымая бешеную реку
С горой крутою наравне.

А после с высоты нагорной
Вниз упадет река. Тогда
Мильоном новых солнц заблещут
Все кишлаки и города.

Не будет яростных разливов,
И успокоится народ.
Не будет множества несчастных,
Погибших в дикой пляске вод.

«Быть может, утонул мой мальчик», —
Ища сына, не скажет мать;
Тревожась, не придет на берег,
Не станет реку проклинать.

Тогда в долинах изумрудных,
В цветущих бархатных полях
Жизнь станет райскою. Исчезнут
Слова «несчастье», «горе», «страх».

Дома просторные построив,
Забудут люди чад лачуг,
И солнце в ночи их навечно
Войдет, как верный добрый друг.

И все заветные желанья
Тогда окажутся просты
И человек, века страдавший,
Перешагнет порог мечты

Рекою будет литься радость.
Сверкать алмазным родником,
Во всей стране, в селенье каждом
Не будет горести ни в ком.

Встречая соловьев приветом,
В долинах розы расцветут,

И соловьи в жемчужных трелях
Прославят вдохновенный труд.

И назовут долиной счастья
Холмы и доли Чирчика...
Вот эту тайну, эту силу
Веками прятала река...

Тогда тот инженер ученый
Всех местных пригласит на гой —
На многодневный праздник счастья,
На праздник славы трудовой.

Он будет сорок суток длиться
И дни и ночи напролет.
И вместе с нами вся природа
О нашем счастье запоет.

И скажет инженер народу:
«Друзья, ответьте мне сейчас —
С несбывшимся большим желаньем
Остался кто-нибудь из вас?»

И все ответят инженеру:
«Несбывшихся желаний нет».
И подойдут, и поцелуют,
И пожелают долгих лет.

Эпилог

Тут девушка легко вздохнула,
С улыбкой косы заплела,
Смеясь, взглянула на подругу
И речь такую повела:

«А как ты думаешь, подружка,
Что, если вешнею порой,
Не тратя время по-пустому,
Пойдем туда и мы с тобой?»

Того ученого увидим,
Работать будем вместе с ним.
И, может, знающими станем
Под стать строителям другим».

Задумалась ее подруга
И в воду бросила цветок;
В ее сознание мысль за мыслью
Стремилась, как речной поток.

Как будто въяве, возникали
Картины дружного труда...
И вот она решилась: «Ладно!
С утра и мы пойдем туда».

Смеркалось. Шли домой подружки,
Их цель была светла, ясна...
И в двери их вошла, ликуя,
Большая яркая весна.

А бурная река ревела,
Крошила берега свои.
Со всех сторон гудели ветры,
И в рощах пели соловьи.

1935—1937

САМАРКАНД, 21 ЯНВАРЯ 1924 ГОДА

Тот день не позабудется вовек,
В воображенье оживает он.
Как стаи аистов, кружился снег,
Весь мир был белым снегом занесен.
В густом снегу все ветки и кусты,
В снегу, запахиваясь на бегу,
На площадь торопились старики
И дети пробирались сквозь пургу
Между садов из дальних кишлаков,
И женщины бежали, все в снегу,
Отбрасывая паранджи покров.

В волнении великом вся страна,
Огромная печаль у всех одна —
Печаль утраты горше всех утрат.
Кто ж в том всеобщем горе виноват?
Какая весть сердца живых прожгла,
Как огненная грозная стрела?
И в изумлении старик один
Спросил в толпе у сына своего:
«Кто был тот человек, скажи мне, сын.

Что провожает весь народ его?
И ведь не в Самарканде умер он,
И даже не жил в наших он краях!
Так почему ж печаль во всех глазах,
И тьмы людей пришли со всех сторон?»
«Сегодня умер Ленин! — сын в ответ, —
Таких, как он, еще не видел свет!
Стара вселенная, и много в ней
Рождалось мудрецов, богатырей.
Но Ленин всех великих превзошел.
Всю книгу жизни мира он прочел,
В ночи кромешной, в заточенье он
Голодных миллионов слышал стон.

Свой гнев он на тиранов устремил
И тиранию в пепел превратил.
В твердыню мрака рухнули врата,
Исчезла вечной ночи темнота!
Сквозь ураган провел он караван
Опустошенных, разоренных стран
И вывел страны на великий путь,
Где светит солнце, вольно дышит грудь!
Он хлеб голодным, кров бездомным дал,
Он беднякам навечно землю дал.
Будь жив сейчас могучий Прометей,
Огонь небес добывший для людей,
Увидев Ленина, он на вершинах гор
Порвал бы цепи, вышел на простор!
И вот кого смерть нынче унесла!
И вот чья смерть скорбь эту навлекла!
Все будет мало — сколько ни скорбим.
Не хватит в мире слез — рыдать
над ним!»

Печаль в глазах народа моего,
Печаль и скорбь в душе большой его.
Как море, дышит площади жерло.

Как море, толпы дышат тяжело.
И души-волны мчатся без конца,
И бьются, как морской прибой, сердца...
И снег валял. Косматый, талый снег,
Как хлопок белый, небывалый снег.
И облаков, тот снег несущих, мгла
Тяжелой тенью по земле легла,
И тени той, казалось, не отвести...
И в сумерках все гуще падал снег.
В воображенье оживает весь
Тот день, незабываемый навек.

1938

БАЛЛАДА О БОЙЦЕ ТУРСУНЕ

Бой над речною переправой,
Тяжелый, многодневный бой,
Глядит Турсун на бой кровавый,
Горюя над своей судьбой.

Жестокость первого сраженья
Его невольно потрясла,
И в душу, полную смятенья,
Мысль о побеге заползла.

Ему тревога сердце гложет:
«Как в бурю плод, что не созрел,
Сегодня я паду, быть может...»
Но убежать он не успел.

Уходит рота в наступленье
Вослед ушедших в бой колонн.
Письмо в последнее мгновенье
Принес Турсуну почтальон.

Увидел он знакомый почерк
И, словно лист, затрепетал,
Писала мать:
«Вестей, сыночек,
Ждала я, ты ж не писал.

Был трусом бледным и личиной
Джигита трусость прикрывал?

Львы-деды в битвах, хмуря брови,
Смерть презирая, шли вперед!
А у тебя нет ложки крови.
Чтобы пролить за свой народ?

Так до какой же ты решился
Последней отступить черты?
Иль той земли, где ты родился,
Совсем лишиться хочешь ты?

Ну, а попом тебя куда же
Глухая занесет судьба?
Тогда сам бог не сыщет даже
Скитающегося раба!

В чужбине дни влачить уныло
Средь унижений в море тьмы,
Хоть землю для своей могилы
Надеясь получить взаимы?..

Нет, сын! Придет пора иная,
Всех наших бед согрется след,
Но внуки, труса вспоминая,
Стыдиться будут сотни лет.

А я утешусь только вестью,
Что милый сын мой храбр в бою,
Мне лучше, чтоб он умер с честью,
Чем бегством спас бы жизнь свою!

Вперед, мой сын! Назад — ни взгляда!
Пусть шаг твой в прах врага согрет.
И если ранен будешь — падай,
Идя вперед! Лицом вперед!

Ты выбери из чуждых страху
Джигитов друга на войне.
Окровавленную рубаху
Твою он пусть пришлет ко мне.

Как знак священный искупленья,
Надену я ее тогда,
Я в ней пройду через селенья,
Через большие города.

«Вот,—скажут все, где ни пройду я,—
Мать истинного хабреца.
Он умер за страну родную,
Был верен клятве до конца!..»

Безмолвно, твердо и сурово
Встает Турсун в ряду бойцов.
Нет! В мире не родилось слово
Сильнее материнских слов.

Он стиснул яростней и крепче
В руках оружие свое.
И слово матери он шепчет,
И видит пред собой ее.

И в грозном смутном гуле боя
Он слышит голос матери!
В песке, хрустящем под ногою,
Он слышит голос матери!

Он слышит в непрерывном вое
Снарядов — стоны матери.
Во взрывах бомб над головою—
Крик исступленный матери!

Река померкшею струею
Течет, как слезы матери..

Склонились ветлы над рекою,
Подобно скорбной матери.

Мать чем-то огорченной
И строгой сыну кажется,
И ей в глаза взглянуть смущенный
Не может сын отважиться...

Но гневный, яростный, бесстрашный,
Прыжками мчится он вперед,
В жестокой схватке рукопашной
Ударом каждый шаг берет.

Враги бегут, оставя поле,
Скрываясь за прибрежный склон
Грудь у него в крови, но боли
Не чувствует, не слышит он.

«Теперь ни ран, ни смерти даже
Я не боюсь!» — он говорит
«Пролью хоть море крови вражьей —
Я не упыюсь!» — он говорит.

И мать встает над мглой степною,
Как пристально глядит она!
«Вперед, мой сын! Вперед, за мною!» —
Как будто говорит она.

И гучи с гор, очеловечась,
«Спешите! — из-за полей гремят, —
Без жалости всю эту нечисть
Крошите!» — все веселей гремят...

И он неудержимо колет
Врага бегущего штыком,
Не чуя ран, не слыша боли,
Одежда вся в крови на нем

Как пуля звонкая, он мчится,
И вдруг осколком поражен,
Как влет подстреленная птица,
С размаху наземь рухнул он.

Кровь хлещет из глубокой раны
Ключом на вытоптаный луг,
Опершись на локоть, туманно
Он озирается вокруг.

Вся степь, покуда глаз хватает,
Покрыта трупами врагов,
Темнеет, запад угасает,
Клубится мгла между холмов.

А где друзья? Вот, — их колонна
Вброд перешла через реку,
И уж наводит мост понтонный
Вослед идущему полку.

И облегченно и глубоко
Вздохнув, джигит смежает взгляд.
Похож на тихий, на широко
В полях разлившийся закат.

На свежем беспредельном ложе
Уснул он или умер он?
Но смерть его на сон похожа,
На смерть его походит сон.

Под мглою ласковой, усталый
Лежит он средь родных полей,
Лежит он, как ребенок малый,
В объятьях матери своей

1942

СЛЕЗЫ РОКСАНЫ

Как ветер, закруживший прах,
По гемным тропам Шахрихана
Плутая, кружится Роксана
Со свертком малым на руках.

Молчаньем скован скорбный рог.
Она бродяжкой бесприютной
То в узких улочках мелькнет,
То в степь умчится тенью смутной.

То удаляется она,
То исчезает вдруг из вида,
Как будто бы нанесена
Душе смертельная обида.

Постой, молодка, погоди.
Поведай: что с тобой случилось?
Что прижимаешь ты к груди?
Зачем ты ночью всполошилась?

Кого ты ищешь над рекой,
На улицах безлюдных, в поле?
Какой гонима ты тоской?
Куда спасаешься от боли?

Напрасны были бы слова —
Роксана ничего не слышит
И, различая путь едва,
Бежит, бежит, надсадно дышит.

Со свертком мечется своим...
Его ли хочет спрятать где-то
Иль хочет вихрем кочевым
Носиться до скончанья света?

Одна, на всей земле одна,
Окутанная черной ночью.
Никто не знает, где она,
И некому помочь ей...

* * *

Передрассветная пора.
Все спит вокруг самозабвенно
Но вздрагивает вдруг Сара
И просыпается мгновенно.

Встает, вздыхает тяжело,
Идет во двор, глядит: как странно!
Еще и солнце не взошло,
А двери в горницу Роксаны

Открыты настежь и постель
Пуста... Сара похолодела,
Развевая сна последний хмель,
Страх душу ей сковал и тело;

— Какая тут стряслась беда
С приезжей гостьей? Ведь ни крика
Не слышно было! И куда
Она бежала, горемыка?

Быть может, бродит у реки
Или в степи пустынной, темной?
Края родные далеки,
Родни здесь нету у бездомной

Иль ненароком, не со зла
Ей рану словом нанесла я,
И, гордая, от нас ушла,
Простить обиду не желая?

Иль полюбившуюся нам
Сестру из Украины точит
Тоска по милым ей местам,
И к ним она вернуться хочет?

Тревогу подняла Сара.
И вот уже в рассвет туманный
Выходят люди со двора
На поиски Роксаны.

Роксана и сама, спеша,
Все ищет что-то, с плачем бродит,
Как дудочка, ее душа
Напев тоскующий выводит.

Она идет через арык,
Дувал минует молчаливый
И отдыхает,—лишь на миг
Припав к стволу плакучей ивы.

Она не знает, что Сара,
Ее судьбой беспокоясь,
Еще задолго до утра
Соседей подняла на поиск.

Она не слышит голосов,
Ее зовущих издалека,

Ей кажется, что мир суров —
В нем страшно так и одиноко.

И сверток на руках... Душа
О нем одном болит и ност:
Пред этой ношей — и гроша
Богатства всей земли не стоят!

Роксана бродит где пришлось,
Полужива, полуодета,
На прядях спутанных волос!
Поблескивает луч рассвета.

А взгляд тяжел. Увлажнены —
Слезами иль росой? — ресницы,
И брови скорбно заметены
Крылами обреченной птицы.

Что ждет скиталицу в пути?
То, что она, ища защиты,
Прижала бережно к груди—
От солнца даже скрыто...

Роксана бедная! В какой
Из книг судеб — тебе сурово
Скитаться суждено одной
Далеко от родного крова?

Ужели горести одни
Тебе здесь выпали на долю?
Что прячешь ты, гаясь в тени
От света, блещущего в поле?

Ужели в ужасе слепом
Ты прячешь ношу дорогую

От глаз людских и добрый дом
Покинула, в степи кочуя?

И неужели никому
Доверить тайну не могла ты,
И друга нет, чтобы ему
Поведать боль утраты?!

* * *

Вот чей-то слабый зов глухой
До слуха долетел как будто,
Иль в чьем-то сердце струнный строй
Тревожно загудел как будто.

По незнакомым кишлакам
Роксана ходит как хмельная,
Прозрачен взор ее и прям:
Ей видится земля иная —

Едва лишь вспомнится она —
И сердце сразу бьется чаще
С какой-то нежностью щемящей,
Как будто грудь ему тесна.

Когда в их дом ворвался враг,—
Ища спасения, Роксана
Оставила родной очаг,
А муж подался в паргизаны.

Как ей забыть село в дыму,
Пожаров пламенные жала,
Когда она в ночную тьму
С Володей на руках бежала?!

— Земля моя, ты всех милей!
Хоть стань золою—не в тебе ли

Могила матери моей,
Не мне ль была ты колыбелью?

О милая моя земля!
Когда глазенки голубые
Мой сын на мир открыл впервые,
Твой увидел он поля.

Я бы могла издалека
К тебе, родная, возвратиться,
Будь я, как сказочная птица,
И быстрокрыла и легка.

Но не вернуться мне домой!
Весь мир со мною обезумел.
Сегодня ночью... Боже мой!
Сынок... Володя... Умер...

Роксану ищет сельский люд:
Сара с соседями своими
То знак друг другу подают,
То громко выкликают имя.

В белесой мгле, за пядью пядь,
Они прочесывают местность.
И правду страшно им узнать,
И тягостна им неизвестность.

Одно их мучает: «Куда
Запропастилась наша гостья?»
Нигде не видно и следа,
Напрасно все, хоть плачь от злости!

Но воля у Сары крепка:
— Нет, не устану, не отстану,
Не знать покоя мне, пока
Не разыщу Роксану!

Роксана воспаленных глаз
Со свертка своего не сводит
И плачет, плачет, с ног валясь.
И к небу стон ее восходит.

И слышится на берегу:
— Как я земле тебя доверю?
Мертва при жизни, как смогу
Дышать я, пережив потерю?

В потоке быстрая вода
О камень бьется головою.
В Роксане мыслей череда
Несется бурей грозовой.

Так мало сил, а страх велик...
Как всплеск на пепелище,
Отчаянный взметнулся крик:
— Где христианское кладбище?

Сыночка примут ли в свою
Святую землю мусульмане?
Судьба! За что в чужом краю
Обречена я на страданье?

Куда ты занесла меня? —
На сердце горе тяжким гнетом...
Роксана шла, судьбу кляня,
К кладбищенским всоротам.

Почтенный старец к ней из мглы
Выходит, медленно ступая;
И брови у него белы,
И борода — по грудь — седая.

Как перед встречей роковой,
Роксана молча задрожала
И только крепче сверток свой
К груди измученной прижала.

— Мир тебе, доченька!—Старик
С поклоном ей сказал негромко
И тотчас головой поник:
Он видит—в горе незнакомка.

— Отец! Мое дитя предай
Святой земле, приюту смерти.
Я потеряла отчий край,
Прошу тебя о милосердьи!

Была бедняжка так жалка,—
Едва душа держалась в геле,—
Что на глазах у старика
Невольню слезы заблестели:

— Я сына потерял в бою,
Твоя земля его укрыла;
Теперь в твоём родном краю
Есть и родная мне могила.

Все судьбы сблизила война,
Всех мучают одни печали,
Одни страданья, боль одна,
И общими могилы стали.

Ты землю эту — мне поверь—
Чужой не назовешь отныне,
Как не чужая мне теперь
Земля далекой Украины.

Он сверток бережно берет,
Обернутый простынкой тонкой,

И слезы горестные льет,
Целуя мертвого ребенка.

Небесная светлеет синь,
И старца жаркая молитва
Кончается: «Да минет битва!
Да сгинет враг! Аминь».

* * *

Всю ночь напрасно пробродив,
Сара с большой толпой народа
Дорогою садов и нив
Пришла к кладбищенскому входу.

Какая общая тоска
Соединила на погосте
Рыдающего старика
С ее исчезнувшею гостьей?

А это тельце... Вне себя
Сара бросается к Роксане,
И слезы брызнули, слепя,
Из сердца вырвалось стenanье.

Лежит младенец, ничего
Не слышит. Крепко сжаты губки.
Пусть личико его мертво,
Он как цветок, прекрасный, хрупкий

Нет, не цветок веселый он,
Что солнцем вешним приголублен,
А нераскрывшийся бутон,
Который стужей зла поублен

Лежит он. Лоб его широк, —
Знак долголетия и счастья, —
Покой на веках тенью лег,
Недвижны белые запястья,

Молчит безгрешное дитя,
Что лепетало без умолку,
И легкий ветерок, грустя,
Ему расчесывает челку.

Боль матери — всего больней,
На сетованья нет ответа,
И птицы певчие рассвета
Печально кружатся над ней.

Малыш уже землю взят,
Рождая в людях скорбь и жалость,
А в небе голуби летят,
В слезах Роксаны отражаясь.

Краса-Роксана, дочь тоски!
О, как судьба тебя пытала!
Ты азиатские пески
Слезами щедро напичкала.

Не диво, если расцветут
Цветы в песках бывшей пустыни
И если птицы счастья тут,
Жизнь возвестят отныне...

Рассвет развеял мглу, как сон,
И мир меняет одеянье:
Он золотом лучей пронзен
И тонет в солнечном сиянье.

И люди, вспомнив про дела,
Домой торопятся—как будто
Спокойной эта ночь была
И было тихим утро.

1944

ПОЭМЫ

*Мчится мира крылатый конь,
Высекая из гор огонь.
Совершая над бездной круг,
Птица счастья летит, Семурі!*

ЗАЙНАБ И АМАН

Я не знавал светлей повествований,
Чем о Зайнаб и преданном Амане.

Послушайте и вы, как в двух сердцах
Зажглась любовь, испепеляя страх.

Что верность оба сохраняли строго,
Узнаете вы из правдивых слов.

О двух влюбленных говорилось много,
Однако же рассказ мой будет нов:

Ни злоязычие, ни яд, ни меч
Не смогут жизни юные пресечь.

Поскольку время лучшее настанет.
Зайнаб, как лист осенний, не увянет.

Аман, хотя ему придется туго,
Все ж избежит печального конца...

Увидите, — они найдут друг друга,
Навек соединятся их сердца.

Часть первая

1

Беспечно, вольно, как цветок весной,
Росла Зайнаб в семье своей родной.
Безгорестно щебечущие птицы
Могли б веселью у нее учиться.

Доверчива, приветлива, смела,
Зайнаб еще не испытала зла.

Ни разу даже легкой тенью боли
Девический не омрачился взор,
И под ноги ей подстилало поле
Зелено-красный бархатный ковер.

Когда Зайнаб вставала на заре,
Тюльпаны, расцветая на горе,
Вослед ей посылали поцелуи,
А Зеравшан¹, перебирая струи,
И вправду чистым золотом блестя,
Принетствовал прелестное дитя.

И отражалось у Зайнаб в глазах
Все это ликование земное.
Зайнаб не знала, что такое страх,
Она дышала счастьем и весною.

2

Шаля, играя, подросла Зайнаб.
В чудесном крае расцвела Зайнаб.

¹ Зеравшан — в переводе означает «Золотая река».

Казалось, тут от века жизнь сладка.
Заметивший тот край издалика,
Усталый путник ликовал заране
И предвкушал свершенья всех желаний.

Здесь воздух был как перевозданно-чист.
Меж трав арык струился говорливый,
И за листом роняли узкий лист
В его прохладу трепетные ивы.

Разбрызгивал алмазы водопад.
Соперничал озер лазурный взгляд

С голубизною неба и фиалок.
Луг походил на пестрый полушалок,

И строгое величье снежных гор
Лишь оттеняло красочный узор.

Из-под скалы источник бил целебный
Когда ж всплывала по ночам луна,
Была округа в синеве волшебной
До камушка мельчайшего видна.

А поутру джида слагала сказки
И обещала, расточая ласки,

Что сбудется заветная мечта.
...Такая нега всюду раянита,

В лугах, в садах — такое изобилье!..
Вот-вот взлетит любовь, расправив крылья.

Не зря уроки страсти небывалой
Дает цветам влюбленный соловей!
...Вот где Зайнаб росла и достигала
Расцвета нежной прелести своей.

Любовь... С тех пор, как создан род людской,
 Любовь смущает наш ночной покой.
 Все люди любят, нам нельзя иначе:
 С холодным сердцем не достичь удачи.

Но в старину царил такой закон:
 Кто любит истинно — тот обречен.
 Любовь... Жестоким было это бремя
 Во всех краях, во всех концах Земли...

Как беспощадно растоптало Время
 Надежды нежно-преданной Лейли!
 Был век подобно деспоту—жесток:
 Меджнун блуждал по свету — одинок.

Эпоха—счастью древняя преграда,—
 Лишила милой родины Фархада...
 Неужто проклята любовь от века
 И неизбежен роковой исход?..

Нет, это — плод бесправья человека,
 Погибнет ядовитый этот плод!..

Мы видим, до иных дожив времен,
 Что человек любовью окрылен.

Подобно вдохновляющему чуду,
 Любовь ему сопутствует повсюду.

Любовь — мятежный, яростный поток
 И нежный, чуть раскрывшийся цветок

Оставшись неизменной загадкой,
 Она в просторы намечает путь:
 Девичью грудь взволнует тайной сладкой,
 У юноши расправит гордо грудь

В душе Зайнаб, не ведавшей печали.
Казалось, что-то дрогнуло вначале.

Как будто завязь вешнего цветка
Возникла,—чуть заметная пока,

Растет — неуследимо и несмело...
Зайнаб внезапно так похорошела,

Что думал, глядя на нее любой:
Ресницы-стрелы, и косички-змеи,
И родинка-малюжка над губой
Земных сокровищ во сто раз ценнее...

Крылами ласточки — разлет бровей...
Все девушки другие перед ней —

Как звезды — пред луной прекрасной...
В нежном чайном любви великой
Зайнаб мятежа: то — бежит домой,
То — вновь из дома, не найдя покоя...

Смеется, плачет... Странно ей самой—
Да что же с ней содеялось такое?!
Что ждет ее?.. Веселье? Торжество?..
Беда?.. Не зная в жизни ничего,

Зайнаб не верит в горе и препоны
Ей кажется: довольно быть влюбленной,
Довериться любимому во всем.
И будешь век счастливой с ним вдвоем!..

Откуда жизнь познать она могла б?!
Но в некий час неведомая сила,

Как буря, ворвалась в судьбу Зайнаб,
Сместила все.

И разум разбудила.

5

Не счесть цветов на яблонях весенних,
А юных смельчаков — у нас в селеньях.

Так что ж Зайнаб вздыхает об одном,
О том, кого считали чужаком?..

Так почему она так неуслабно
Желает видеть лишь его — Аман?..

Напрасно ей рассудок говорит:
Другой, он — тоже чести не уронит,
В огне, как говорится, не сгорит,
В воде, когда случится, не потонет.

Он тоже может ослепить отвагой,
Пустыню напоить живою влагой

Любой другой в труде горяч и смел,
Достиг бы славы, если захотел,

В сраженьях мог бы превзойти Рустама..
Так что ж Аман?.. Неужто лучший самый?

«Ну почему Аман мне всех дороже,
А на других не хочется смотреть?!

Он стал моим избранником.. За что же?
Скорее, сердце глупое, ответ!»

Но разве может сердце дать ответ,
Ведь сердцу только девятнадцать лет!

Подобно розе, угодившей в пламя,
Оно лепечет что-то лепестками,
Дрожит, бессильно корчится в огне...
Аман!.. «Да что о нем известно мне?..

Хорош он впрямь? Иль только показалось?
На счастье эта встреча? На беду?»
Порой страшит Зайнаб любая малость,
Тоскует сердце... Мечется в чаду ..

А иногда — в душе светло и ясно.
«Молва молчит о нем? Ну и прекрасно!

У слуха злостного проворный бег,
А ни один досужий человек
Ни здесь, у нас, ни в кишлаках соседних —
Не поминал его, Амана, в сплетнях.

Никто из кумушек худого слова
И мимоходом не сказал о нем!..»
И, просветлев, Зайнаб смеется снова
И дивно хорошеет с каждым днем.

6

Ночь наступила... Зеравшан—в тумане.
Кишлак закутан в призрачные ткани.
Над спящими садами—лунный свет,
Весь мир дрожащим серебром одет.

Но почему Зайнаб опять не спится?
Глаза ее мерцают сквозь ресницы...

С постели поднялась. За столик села,
Взяла перо — взволнованна, бледна...
На столике — листок бумаги белой,
На нем играет полная луна.

Зайнаб писала:

«Сон бежит от глаз...

Аман! Аман! Беда со мной стряслась,
Мне совладать с собою не под силу,
Аман! Аман!.. Тебя я полюбила.
А ты... Ты—равнодушен и жесток...»
Перечитала. Порвала листок.

И пишет вновь, вздыхая глубоко,—
В который раз! — все—снова, — все сначала:

«Ты думаешь, признаться мне легко?
Клянусь, любимый!.. Я бы промолчала,
Когда б ты сам со мной заговорил.
Но ты молчишь!.. Таиться нету сил,

И за письмо к тебе я села ночью...»
Читает... Снова рвет бумагу в клочья.
А сердце замирает и болит...
Терзают бедную сомненья, стыд...

«Нет, первую писать ему не буду,
Я все же гордость сохранить должна...
Пойду на улицу...»

Безлюдно всюду.

Над спящим кишлаком плывет луна.

7

Как ночью все таинственно и строго!
По Зеравшану лунная дорога
Бежит и зыблется средь черноты.
О чем-то глухо шепчутся кусты,

Лишь кое-где облитые луною,
«Они как будто недовольны мною...»

А в чем я перед ними виновата?..
И лунный путь, и черная вода,

И берега зовут меня куда-то.
Велят бежать отсюда... Но—куда?!

Но в этот миг ее горящих щек
Коснулся сердобольный ветерок,
И на душе как будто легче стало.
Зайнаб в себя пришла мало-помалу.

«Да, нелегко любить!. Но все равно
Любовью все кругом просветлено!..»

...И словно бы глаза ее прозрели,
И перед ними расступилась мгла...
...Зайнаб вернулась. Подошла к постели...
Поправила подушечку. Легла...

8

Но спать не удается ей никак...
В ее душе опять сгустился мрак,

В уме возникли новые сомненья:
«Что, если пред Аманом, без стеснения,

Во всем признаться, вслух сказать, как есть?!
Неужто это запятнает честь?..

Мол, так и так... Я избрала тебя.
И, если я твоей душе угодна,
Твоей женою стану я, любя...
Нет! Нет... Такая смелость мне несродна!

Да повернется ль у меня язык,—
Ведь он к таким признаньям не привык!..

А если он, Аман.. Подумать тяжко!..
Вдруг засмеется?!»

Мучится бедняжка.

Пылает... Руки холодны как лед.
Да как же так — она к нему придет?!

«Аман!.. Каким заклятьем ты достиг,
Что ты в моих мечтаньях — каждый миг?!
Из памяти уйди! Души не мучай!
В моей груди пылает уголь жгучий.

Зачем тебя я встретила, Аман?!
Жила бы я беспечно и привольно
Не знала бы душевных, тяжких ран!..
Как стыдно мне, любимый! Как мне больно!

Ох, если бы тебя я не встречала!..
А сердце чует: это—лишь начало

Жестоких бед... Из-за тебя (прости!)
Придется столько мук перенести,

Такая тяжесть плечи мне придавит,
Что буду я бродить, едва дыша.

Все надсмеются. Все меня оставяг.
Да разве это вынесет душа?!»

...Всю ночь Зайнаб взывала без ответа,
В слезах стонала и ждала рассвета.

9

И наконец оконца просветлели..
Зайнаб встряхнулась, спрыгнула с постели,

В лицо, плеснула ледяной воды.
Скорей к подругам — в поле!.. За труды

...А в поле грусть как будто ветром смыло.
Работа девушке вернула силы,

Приободрил веселый смех друзей..
Подружки—розы, парни озорные
Так улыбались, так шутили с ней,
Что горести рассеялись нечные.

И опасений словно не бывало..
Спокойно и светло на сердце стало,
И флейты радости в ушах поют..
Простор полей, кипучий общий труд,

И вешний ветерок, и помощь друга —
Не лучшее ли средство от недуга?!

И вновь Зайнаб уверенна, смела,
Душа, как птица, вырвалась из плена,
Рванулась к небу, развернув крыла:
«Нет, счастье будет, будет — непременно!

Любовь — не прегрешенье, не порок,
Любовь—великой радости исток.

Пусть молва потом меня осудит.
Но я права, а дальше будь что будет!»

10

Садится солнце. Завершился труд,
Чредою девушки домой идут.
Плывет их песня надо всей округой..
Зайнаб идет с Хури — своей подругой.

Адаль — с певуньей звонкой Рухсорой,
Асаль — с плясуньей — тонкою Сарой.
Сурма идет, за ней Суксур, Анар,
Вослед Гульнар, которой мил дузар.

Смеются все, работа им — отрада.
Во всей красе, как звездная плеяда,
Идет чредой прекрасный строй сестер,
И над землей плывет их дружный хор.

На улочке, что издавна знакома,
Зайнаб неспешно повернула к дому.

Помедлила... Жаль покидать подруг!..
И, на пороге став, глядит вокруг.

Смеясь, болтая, оживленно споря,
Колхозники идут сегодня так,

Как будто возвращаются с нагорий,
Где было козлодрание — улак.

Так весело на улице сегодня.
Ну точно в славный праздник новогодний!..

Сдается, что никто и не устал,
Все так довольны нынче — стар и мал,—

Ну словно бы — не с поля, а с гулянья
Веселый возвращается народ...
Зайнаб стоит и смотрит в ожиданье:
— А вдруг Аман среди других мелькнет?..

...Но кто — Аман?.. Отец его и мать?
Об этом даже слыхом не слышать.
И так и сяк Зайнаб разузнавала,
Да от расспросов толку было мало.

Никто не знал — откуда он пришел,
В каком гнезде он подрастал, орел?..

Никто не виделся с его родными.
Где жил он, что он делал до сих пор?..
«Что, если у него — дурное имя?!

Тогда падет на голову позор!

Тогда с презреньем скажет кто угодно,
Что приглянулся девушке безродный
Пришлец, бродяга жалкий — без корней...
Тогда проклятий не избежать ей.

Все назовут беспутною, дурною.
Подруги повернутся к ней спиною...

Тогда придется бесприютной тенью
Бродить ей по родимой стороне...»

...Вот почему Зайнаб молчит в смятенье
И тайну сердца бережет вдвойне

Часть вторая

1

Зайнаб и не предвидела тогда,
Что к ней другая близится беда.
Что гучи надвигаются и вскоре
Над самой головой нависнет горе,

Жестокою грозой разразясь,
Что прошлое, — жесточе урагана —
Ворвется вдруг, затопчет чувства в грязь
И отодвинет от нее Амана.

Зайнаб не знала, что вчерашний день
Способен бросить на «сегодня» тень,
Хотя — как рассудить! — совсем недавно,
Влачась во тьме покорно и бесправно,

Жил человек в оковах — точно раб...
О том забыла юная Зайнаб.

Не думала она, что может кто-то —
По простоте души, а не со зла,
Как будто даже проявив заботу, —
Стянуть концы проклятого узла,

Что дух Былого — тягостный и жуткий —
Царит еще и в сердце, и в рассудке
У множества старух и стариков.
Что он живуч и цепок, дух веков,

И под предлогом ласки и участия
Угрозой станет молодому счастью...
Но чтоб об этом голком рассказать
Мы повернем повествованье вспять

2

В судьбе Зайнаб проклятый узел бедствий
Затянут был еще в далеком детстве.

Ей было от роду лишь два-три дня,
Когда в их доме собралась родня.

Все нарядились будто бы для пира,
С собой ребенка принесли — Сабира.

— Вот он — для вашей девочки — жених!.. —
И преломили над столом лепешку.

Так накрепко связали их двонх:
Малютку-жениха, невесту-крошку,
Короткую молитву прочитав.

Сабира отличал спокойный нрав.
И он игрой был поглощен всецело.
От голода невеста заревела,
И был истошным криком завершен
Обряд, столь роковой для многих жен.

Казалось, все о том забыли позже
В чередованье радостей и бед...
Но мы увидим, что обычай все же
На девичьей судьбе оставил след.

3

Шли годы унижений и нужды.
Осыпались, как с дерева плоды,
Родные разбрелись куда попало...
Отца и матери Зайнаб не стало.

И вот сиротка в кишлаке одна.
Кому она, бездомная, нужна?!

Нет у бедняжки ни угла, ни кровя,
Нет матери, и нет отца родного,
И друга нет, кто б в горе пожалел...
Печален обездоленных удел!..

Легко ль чужие обивать пороги?..
Бредет Зайнаб-сиротка по дороге.

Вон дом богатых — ладен и высок.
Зайнаб рукою оттирает слезы.
Дрожмя дрожит, как слабенький росток,
Когда в него ударили морозы.

Приюта робко просит сирота,
Но дверь в богатом доме заперта,
Зайнаб напрасно молит об ответе...

...Однако не без добрых душ на свете!
Нашла Зайнаб гостеприимный дом
И приютилась под его крылом.

Домишко этот — неприметный, скромный—
Был неухожен, был убог и стар..
Сиротка стала дочерью приемной
Незлой, но шумной тетушки Анар.

В те годы тетушка была бедна..
Зайнаб в делах — с рассвета догемна:

Встает с зарей и тут же—за уборку,
Пылиночку и ту заметит ворко..
Так прибран дом, что любо поглядеть!
...Зимой сиротке нечего надеть,

Дрожит, бывало, в драной одежонке,
Но твердо помнит: жаловаться — стыд,
И только голосок — дрожащий, тонкий —
О потаенном горе говорит.

4

Луна и черной ночью свет зажжет.
Растопит солнце самый толстый лед.

Те времена лихие миновали,
Хотя сотрутся в памяти едва ли

Царапины и шрамы прошлых лет:
Нет-нет, да обнаружится их след...

Но все слышнее поступь жизни новой.
И будущее — рядом, за дверьми
Минувших дней прогнившие основы
Навеки уничтожены актами.

Привольней беднякам живется ныне,
Колхозы стали строиться в долине,

В них записалось множество семей.
Среди них — Анар, Зайнаб, конечно, с ней!
И пред глазами девичьими скоро
Открылись необъятные просторы

Зайнаб узнала, что, как все, она
На уважение имеет право.

Что новые настали времена
И перед нею — трудовая слава.

Опять Зайнаб, как в детстве, — весела,
В колхозе ценят все ее дела:

Терпенье, трудолюбие, умелость,
Пожить ей по-иному захотелось,

Не так, как жили бабушка и мать, —
Своей судьбы хозяйкой полной стать

Глаза ее, искристые, живые,
Глядят на мир, не опуская век
Зайнаб всем сердцем чувствует впервые,
Что ведь она и вправду человек

Судьба к сиротке проявила милость,
Тогда и чувство в сердце пробудилось,

Преображая все, как свет зари.

Зайнаб решила: «Хватит мне скрываться!»

И в тот же день к ней подвела Хури

Амана...

Мы о том расскажем вкратце.

5

Свершилось то, что было неизбежно.

Он смотрит на нее тепло и нежно,

Он покраснел... («А ведь пожалуй, он
Уже с давнишних пор в меня влюблен?..

Как я, быть может, с первого же взгляда?..
О сердце, сердце!.. Нет с тобою сладу!..»)

Но о любви не заводил он речи
(«Иль чувство проверяет он сперва?»)
Нечасты были первые их встречи,
Робки Амана первые слова.

Как будто что-то он сказать не может,
Как будто мысль какая-то тревожит

Джигита втайне... («Или, может быть,
Меня боится речью оскорбить?»)
А может, посерьезней есть причины?
Поди пойми, что в сердце у мужчины!»)

Но час настал В июньский вечер лунный,
Когда звенел и щелкал соловей,
В душе Амана задрожали струны
И наконец-то он признался ей.

И слушала Зайнаб, опьянена,
Слова любви, забыв о целом мире,
Забыв о всех сомнениях сполна
И уж совсем не вспомнив о Сабире...

К тому же в кишлаке Сабира нет.
Уехал, ходит в университет
И с головою погружен в ученье...
Жених?! Да кто же придает значенье.
Тому, что начудили старики?!

Но, времени и смыслу вопреки,
Родня Сабира помнит это свято,
И мать его готовит пир богатый:

«Как только сын мой ступит на порог—
По мне, так лучше и не уезжать бы! —
Исполним то, что повелел пророк
И выберем счастливый день для свадьбы!»

6

Зайнаб о том не знает ничего,
В ее душе восторг и торжество.
Она о радости своей огромной
Поведать хочет матери приемной.

Но как начать?.. Зайнаб мешает стыд.
За смелую Хури она бежит...

Весь путь они проводят в жарких голках —
Как поучтивей подготовишь мать?
Пришли. Анар сама как на иголках
И разговор сама спешит начать:

— Зайнаб, ты знаешь, что спокон веков
Удел узбекской женщины таков:

Стать мужу своему женой примерной,
Богобоязненной, до гроба верной,

И послушаньем заслужить свой хлеб.
Так велено и Книгою Судеб.

Все ищут пару—молодой и старый,
И птицы разбиваются на пары.

Жить по двое все в мире норовит...
Хороший муж—от всех напастей щит.

На одиночку валятся все беды,
Горит и мучится ее душа.
Недаром за пророка Мухаммеда
Пошла девятилетняя Айша...

7

Кому отец твой прочил дочь свою?
Зайнаб, он тешился мечтой одною,
Чтоб ты вошла в Сабинову семью,
Чтобы Сабиру стала ты женою!

Так завещал пред смертью твой отец...
Счастливица! Жених твой молодец!

Ученый он, умелец в каждом деле,
А ты — его невеста с колыбели:

С молитвою лепешку преломив,
Соединили вас навеки вместе.
Сабир учтив, разумен и красив
Все позавидуют его невесте!

Так, торжествуя, говорит Анар,
И за ударом падает удар

На сердце девушки, как лист, дрожащей.
Зайнаб молчит, но дышит чаще, чаще
И в страхе слышит:

— Подошла пора.
О сроках говорили мы вчера.

Когда Сабир — жених твой золотой,—
Закончив курс, из города приедет,
Сыграем свадьбу, справим славный той...

...Зайнаб — ни слова..

Может статься, бредит
Она, Зайнаб?.. Все — точно злой кошмар!
Нет, наяву ей говорит Анар:

— Да, вот еще... По просьбе всей родни
И ради соблюдения приличий
Наденешь паранджу на эти дни —
Как нам велит старинный наш обычай!

9

Зайнаб сидит, как будто онемев.
Обида, возмущение и гнев

Кипят в груди — глубоко и подспудно.
Словами высказать ей это трудно.
Сидит, как ночь беззвездная,—глуха.
Ужасна боль, когда она тиха.

С негодованьем слившись воедино,
Она герзает, мучит изнутри...

Тут, как река, ломающая льдины,
Внезапно речью прорвалась Хури.

10

— Апа, простите мне прямое слово:
Но вы нас к рабству возвратили снова

От вашего решения Зайнаб
В былые годы умереть могла б,
То, что зовете вы богобоязною,
Могло бы обернуться лютой казнью.

«Зайнаб обещана была когда-то!..»
Но изменилось все житье-бытье.
И если к девушке приходят сваты,
Как не спросить согласия у нее?!

Считать ее невестой — просто бред!
С тех пор прошло почти что двадцать лет!..

А может быть, Зайнаб за это время
Сама кого-то избрала меж всеми?..

Решенье, может статься, приняла
И обещание сама дала...

Так как же ей свое нарушить слово?!
Апа, решайте сами — где исход...
Зайнаб не может выйти за другого!
Она, как лист, засохнет и умрет!..

11

Анар вскочила. Щеки у Анар
Дрожали и пылали, как пожар,

В течение всей строптивой этой речи.
Тяжелым грузом ей легло на плечи

Все, что сказала горячо Хури...
— Девчонка! Что ты там ни говори,

Закон нельзя нарушить! И к тому же...
Да обойди Зайнаб весь белый свет,
Где, где она отыщет лучше мужа?!
Умней, достойнее Сабира нет!

Сабир — мечта красивейших невест.
Как солнечный восход — его приезд.

Тебе, Зайнаб, завидует любая!..
Сабир умножит хлопок в нашем крае,

И хлынет золото к нему в хирман!..
Да можно ли, решившись на обман,

Вдруг отказать Сабиру?! Дико это!..
А что тебе, Зайнаб, велел отец?!
Отцов и дедов мудрые заветы
Кто смеет нарушать?! Какой подлец?!

12

Зайнаб молчит, в себя погружена.
И разговор ведет Хури одна,
Теперь помягче, просто и сердечно:
— Я понимаю вас, апа!.. Конечно,

И вам, апа, нерадостно сейчас.
Зайнаб хотела б выполнить наказ
И сделать так, чтоб всем приятно было.
Сдержатъ обет, хоть он не ею дан...

Но ведь она Амана полюбила
Ее избранник — молодой Аман...

Он объяснился... В этом нет греха!
Не надо ей другого жениха!..

По счастью, злые годы миновали,
Когда насильно замуж выдавали!

Аман— ее любовь, ее судьба...
Нет, женщина сегодня не раба,

Не вещь бездушная, и не забава,
И не служанка мужа, наконец!..
Кто у Зайнаб теперь отнимет право
На счастье, на любовь?! Какой подлец?!

13

Слова Хури звучали гордо, смело,
Глаза метали огненные стрелы
В противницу... А та — горит огнем,
Она готова в бешенстве своем
Избить Зайнаб, Хури... Чернее тучи
Вскочила, и поток упреков жгучий
Обрушился на голову Зайнаб:
— Выходит, вот она — твоя работа!..
Бесстыжая! Ох, знала я когда б!..
Хотя б намеком надоумил кто-то!..

Твердила мне о деле, а пока
Нашла себе сердечного дружка

И, с подлою подружкой условясь,
Гуляла с ним, забыв и честь, и совесть!..
Вот где твои колхозные дела!..

Все не могла Анар уговориться,
К Зайнаб она вплотную подошла
И крикнула:—Бесстыдница! Блудница!..

14

И, словно молнией обожжена,
Зайнаб качнулась... Вся дрожит она,

Однако оскорбительнице прямо
Глядит в глаза:

— Остановитесь, мама!..

Прошу, не торопитесь оскорблять!
Ведь вы мне были как родная мать!

Когда б вы поняли, как мне обидно!..
Смирите свой несправедливый гнев!

Увидите, вам гоже будет стыдно,
Когда увяну, чуть зазеленев...

Не будьте так жестоки, как упрямы...
Спокойно выслушайте правду, мама!

— Да, да, всю правду! — крикнула Анар. —
Всю правду! Как тащила на базар

И красоту свою, и стыд девичий!
О чем ты думала, презрев обычай?!

Какой наглец тобой руководил,
Толкая на презренную дорогу!
Какой хитрец с пути прямого сбил?
Да, да, скажи всю правду ради бога!
С кем ты слюбилась?! С чертом, с сатаной —
Ты, что могла быть честною женой!..

Меня в пример хотя бы взять могла б...
Достойной жизнью я жила, Зайнаб,

Шестнадцатый всего пошел мне год,
Когда на свадьбу повадил народ

Сказали, что приданое готово,
Но больше мать не проронила слова,

Кто мой жених—о том не говоря...
Красивый, помню, был на мне наряд,

Дрожала я от страха и стыда...
День показался бесконечно долг.

А кто мой муж, узнала я тогда,
Когда передо мной открыли полог...

Родителей за то я не кляла...
И что дурного?.. Я не умерла.

Здоровьем — видишь—с молодой поспорю.
От мужа мало я видала горя,

Хоть и счастливого не знала дня
Жила, как все другие до меня,

Как жили согни бабушек и дедов
За много лет до нынешних времен,
Хваля аллаха, злобы не изведав
И соблюдая мудрый наш закон...

А ты, блудница, вздумала ропгать.
И все, что нам священо, в грязь втоптать,

Все уничтожить за одно мгновенье,
О кротости забыв и о терпенье!..

Пронзительные крики сердце жгут,
И слезы непрерывные бегут.

По бледным щечкам денушки несчастной.
Хури молчит...

Внезапно с мукой страстной
Зайнаб сказала, голову подняв:
— Как черен ваш обычай! Как неправ!
Поймите! И по вашему рассказу
Его жестокость очевидна сразу.

На свадьбе мужа увидеть впервой!
Да это ж гибель для души живой,
Источник всех обид и унижений!
Пускай не испытали вы лишений,

Но—сами согласились вы сейчас,—
Что счастье тоже обходило вас!..

Все' годы — в беспросветной кабале,
Без радостей любви брести устало...
Нет, изо всех неправных на земле
Бесправней наших женщин не бывало!

Защитника вы в муже обрели?!
Но кем был муж?.. И он лежал в пыли,

И муж, и вы в течение поколений
Склоняли пред богатыми колени!

Для вас — хоть вы не сознаёте в том! —
Богаство было высшим божеством.

Рабом был муж... Рабой вдвойне—жена!
Тьма, униженья в тысяче обличий!..

Нет, мне такая участь не нужна!
Будь проклят он — священный ваш обычай!

16

Да, да, вы прожили немалый век
Но как вы жили?: Так, как человек?..

Сначала были дочерью послушной.
Потом женою стали равнодушной

И уступали мужу, не любя...
Как страшно обокрали вы себя,

Смирясь и покорившись без усилий!
Иль вы не поняли — хотя б теперь:
Те, что на свадьбе полог приоткрыли
Пред вами — к радости закрыли дверь,

В тот миг на вас обрушилось несчастье,
Вас обрекли на вечное ненастье,
А вы в смиренье пагубном своем
Считать его хотите ясным днем!..

Неужто, если б вас лишили зренья,
Вы и тогда бы, копошась впотьмах,
Не потеряли рабского терпенья
И повторяли:—Так велит аллах!

Я порвала с терпеньем. И не каюсь!
От вашего закона о рекаюсь.

Да, я хочу и счастья, и любви
И сердцу говорю: — Люби! Живи!

Рвануться к небесам я захотела,
Мечтанья воплотила наяву

И ту судьбу, что вы считали белой,
По праву черною теперь зову.
Ко мне теперь пришла весна в цветах.
Очнулась я. Я победила страх,

И в каждой жилке заиграла смелость.
В груди большое пламя разгорелось,

Как будто неподвластное уму,
И вот я устремилась к одному,

Заметила его меж остальными,
Хоть, может быть, он даже нехорош...
Но чуть заслышу дорогое имя,
Тотчас по телу пробегает дрожь,

Огонь в груди, в глазах моих туман...
Как сладостно зовут его—Аман!

О мама! Я честна перед тобою.
Аман, Аман! Он стал моей судьбою!

Один Аман желанен и любим!
О мама! Я неразделима с ним!

Неужто преступленье я свершила,
Что на людей смотря без паранджи,
Нашла такого, чье лицо мне мило!..
В чем виновата я,—сама скажи!

17

Я слишком долго говорила, мать.
Все для того, чтоб вы могли понять,

Чтобы меня вы отпустили с миром...
О мама! Не терзай меня Сабиром,

Не раскаляй на медленном огне!
Пусть он хорош, он все же не по мне

Пусть он ученый, пусть он — самый лучший.
Но сердце не способно на обман.

Словами гневными меня не мучай
Что мне Сабир?! Мне нужен мой Аман!

Сабир прекрасен, это всем известно,
Так пусть с любовью девушкой прелестной

Идет он подобию и поздорову...
А мне оставьте моего дурного

И неученого — какого есть!
В любви Амана — жизнь моя и честь!..

Когда я с ним, душа моя спокойна...
О мать! Я сожаления достойна!
Вы были доброю ко мне всегда,
Так не лишайте и сейчас участия.
Поймите вы: Сабир—моя беда.
Аман — мое единственное счастье!

18

В глазах Анар горит все та же злоба...
— «Аман...», «Аман...» Противны мне вы оба!..

Так, значит, за Сабира не пойдешь?
— О мама!.. В сердце не вонзай ее нож!

Я все вам рассказала не тая.
— Тогда решай: любовник или я?..

Я иль Аман?..

— Аман мне всех дороже!

— Ох, слышагь не могу о нем без дрожи!

Да кто он — подлый этот негодяй?

Откуда родом?.. Слышишь?.. Отвечай!

— Кто он?.. Об этом я не дознавалась.

Сама я в нем сначала сомневалась,

А нынче верю. Верю навсегда.

И этой верою душа горда.

Меня он любит... Разве мало это?!

Анар невзидала от злости света:

— Прочь! Убирайся с глаз моих долой!

Уйди, змея! Чьей хочешь, будь женой,

Себе, отцу покойному на горе!

Околевай в презрении, в позоре!

Тебе я много сделала добра!

Другое подыщи себе жилище!

Ох, вспомнишь обо мне!

Придет пора,

Тебя он бросит... И бездомной, нищей—

Поймешь тогда, как ты была слепа!

— Не нужно проклинать меня, апа!

Не причиняйте сердцу лишней боли

И не жалеете вы о хлебе-соли,

О том, что дали девочке уют...

Проклятья ваши, точно плеткой, бьют.

Все ж прежней доброты я не забуду,
И больно мне, что я, уйдя отсюда,

Свои долги с лихвой не отдала...
Когда в себя придете вы от зла.

Того, что мысли вам сейчас туманит,
Увидите, вам тоже горько станет,

А я пойду, покинув этот дом,
Дурным ли, добрым, но своим путем!

И слезы льются у Зайнаб опять,
И тихо плача, стала собирать
Она свои нехитрые вещицы,
Все то, что оставалось в ичкари...

А старая не думала смириться.
Браня Зайнаб, а вместе с ней Хури.

Кляня свои убытки и потери,
Пока не вышли девушки за двери.
Старуха, распаясь, вопила так.
Что говорил в тот вечер весь кишлак

О ссоре, о Зайнаб и об Амане...

...А поутру, когда в рассветной рани
Сверкнуло небо розовой каймой,
Сабир вернулся к матери домой.

Часть третья

1

Как только над селеньем тьма сгустилась,
Зайнаб в уже знакомый путь пустилась.

Шаги ее пугливы и легки...
Пришла... Стоит у Зеравшан-реки

Заводит с ней загадочные речи
Свидетель первый — черная вода
Второй свидетель тайной этой встречи —
Над Зеравшаном горная звезда.

Свидетели такие не опасны.
Они к прелестной девушке пристрастны

Обет молчанья всей природой дан.
Кусты, шурша, раздвинулись.. Аман.

Волненья полон, полон ожиданья —
Торопится к любимой на свиданье.

Но что случилось?.. Кто ее обидел?
Лицо возлюбленной бледней луны.

Столь грустною Аман ее не видел:
Слезами очи звездные полны.

2

Дрожа, Зайнаб шепнула еле внятно:
— Аман!.. Должна молчать я, вероятно.

Но, милый, сердце у меня болит...
Недавно я... ох, даже вспомнить стыд!..

Я поступила недругам в угоду:
И не сказала — из какого рода

Ты, мой любимый, где твой отчий кров,
К нам ты явился из каких краев?

Кто твой отец? Кто мать твоя родная?..
Ведь ничего я о тебе не знаю!

Поведай мне: в каком достойном месте
Тебя растили родичи твои!.

Все расскажи подробно, честь по чести,
И ничего — прошу! — не утай.

Я и сейчас, Аман, горжусь тобою.
И — верь, мой друг! — гордиться буду вдвое,

Простой, правдивый выслушав рассказ...
Что ты молчишь, любимый?..

Свет погас
В глазах Амана. Щеки побледнели.
— Ты рассердился, милый?! Неужели,

Спросив тебя, я совершила грех?..
Аман молчал. Он был далек от всех

И от Зайнаб... Путь совершал он длинный,
Взбирался на пригорки, шел долиной,
Селенья посещал и города...
Он погрузился мыслью в те года.
Когда судьбы чуть намечалась завязь...

И наконец с волнением жгучим справясь
И глядя в нежные глаза Зайнаб,
Он речь повел о бедах, о печали,
Был голос у джигита тих и слаб.
Как шум травы, слова его звучали.

3

— Ты мне велишь все рассказать!.. Изволь
Но твой вопрос разжег такую боль!..

Едва дышу от муки нестерпимой...
Как все мне объяснить моей любимой?

Клянусь, не повинуется язык!..
Печальны главы повести унылой.

И хоть мужчина плакать не привык,
Но удержать рыдания не под силу!

Что мне известно о себе—Амане?
Воспоминанья?.. Нет воспоминаний!

Какое имя я ни назову,
Ни в сокровенных снах, ни наяву

Оно не будет связано с чертами
Родимой матери или отца!..
Как тяжело мне!.. Меня сжигает пламя.
Но все же слушай... Слушай до конца!..

4

Ты знаешь, чем подлунный мир живет?
Его опора, светоч и оплот,

И противостоянье вероломству —
Любовь и нежность матери к потомству.

Весь мир согрет любовью и теплом.
Он материнским осенен крылом.

Над всем живущим сень оно простерло...
И если смерть хватает мать за горло,

То, прежде чем оцепенел взгляд,
Пока еще он стынет понемногу,
Следит он за ребенком говорят,—
Не надо ль оказать ему подмогу?

Безгранна эта нежность и крепка.
Собака вост, потеряв щенка.

Над малыми птенцами светится,
Питает их неутомимо птица.

Везде, Зайнаб,—ты погляди вокруг,—
Любовь родимой.. Даже мама-жук.

На черного жучонка глядя нежно,
Жужжит тихонько: — Ах, мой белоснежный!

Все, даже змеи, даже скорпионы,
Что, как известно, ядовито-злы,
На чад своих любясь умиленно,
Бормочут:—До чего они милы!..

5

Благоухают по весне сады,
Под осень наливаются плоды.

А в сердце материнском круглый год
Любви и нежности сияет плод.

Какая мать ребенка не голубит?
Какой ребенок мать свою не любит?..

Дитя — цветок, а мать — цветущий сад.
Цветы, пестрея, сад благодарят.

И только я — угрюмый, нелюдимый,
Один брожу по свегу с детских дней,
Грустя о матери своей родимой
И ничего не ведая о ней.

Лишь я тоскую, плача и стенаю,
О песенке, которой я не знаю,

О той, что до меня и не дошла,
Той, что лучами света и тепла,

Что звуками своими золотыми,
Как ручеек, журчала над другими.

Журчанию такого ручейка,
Бывало, я внимал издалека.

Бывало, чуть на улицу я выйду,
Услышу, как ребенка кличет мать.
Такую чую зависть и обиду,
Что не могу тебе и описать!

6

Мне было девять в горьком том году,
Когда узнал я про свою беду

И навсегда утратил бодрость духа.
В тот самый год согбенная старуха,

В язем бедном доме я мальчишкой рос,
Сказала, не удерживая слез:

—Узнай, всю правду-истину, сынок,
Ты, как листок последний, одинок.

Истории твоей скрывать не стану
И больше притворяться не могу.

Однажды подошла я к Зеравшану
И там нашла тебя на берегу.

Нет ни сестрицы у тебя, ни брата,
Нет женщины, что приняла когда-то

Тебя, склонясь над матерью твоей.
Нет у тебя ни близких, ни друзей:

Нет никого на целом белом свете,
Кто б за тебя, несчастный, был в ответе!

Тебя я возрастила, как могла,
Но доля престарелых тяжела,

Слаба я, видишь... Иссекак-т силы.
И мне тебя не прокормить... Просги!

Покинь мой дом! Ступай в дорогу, милый!
Да сохранит аллах тебя в пути!

За эти годы поутихли войны.
Наш край родной теперь живет спокойно.

И
Быть может, там, куда направишь путь,
Родных своих ты сыщешь где-нибудь.

Мне жаль тебя, я безутешно плачу!
Но, может быть, судьба пошлет удачу

И Зеравшан подаст сиротке знак.
И ты узнаешь свой родной очаг...

Старуха замолчала и с тоскою
На небо устремила тусклый взгляд...

Я понял все. Я встал, махнул рукою
И зашагал — куда глаза глядят.

7

Я шел вдоль Зеравшана. Но, однако,
Река нигде не подавала знака:

Вот, мол, твой дом!.. Стучись и заходи!..
Меня хлестали ветры и дожди,

Жара томила, с ног сбивали грозы.
Глаза кровавые струили слезы.

Я всюду был бродягой из бродяг
Пришелец жалкий, робкий и безмолвный,
Я речку заклинал: «Яви мне знак!»
Но равнодушные звенели волны.

Бывало, дом завизжу за холмом —
Взбегу на холм, спешу с надеждой в дом...

Выходят мне хозяева навстречу.
Случается, приветливы их речи:

— Садись, мол, путник! Отдохни в тени!—
Но ни один не знал моей родни.

Никто из жителей окрестных стран
Не слышал, чтоб ребенка потеряли...
Я продолжал свой путь...

И Зеравшан

О берег бился, устремляясь в дали.

8

И, как река меж гор, среди долин
Я шел все дальше... Шел один, один,

Расспросами всех встреченных тревожа,
Но слышалось в ответ одно и то же:
— Нет, не знавали мы твоих родных!
Да что искать?! Их, верно, нет в живых.

Несчастья нашу землю посетили.
И люди гибли жертвами насилий,

От голода и от иного зла..
Бесчисленны жестокие потери!..
Творилась в мире страшные дела.
Брось поиски!..—
Но, никому не веря,

Я шел все дальше. Я менял места
И плакал, как ягненок-сирота,

А надо мною щебетали птицы:
—Не мучься попусту! Пора смириться!

Шептали мне тенистые сады:
—Смирись!.. Напрасны все твои труды!

Но шел я дальше — через перевалы.
И видел — жизнь повсюду расцветала.

Живет в довольстве, в радости народ.
Забыв о злополучье, о несчастье.

И лишь меня все та же боль сосет.
Непоправимо лишь мое несчастье!..

Дурной вопрос ты задала Аману,
Ты старую разбередила рану.

Невольно на нее насыпав соль!
За что, Зайнаб, ты причинила боль

Тому, чье сердце издавна разбито?
Вновь поднесла ты кубок ядовитый

К губам, сухим от жажды с юных лет!..
Кто я, Зайнаб?! Что мне сказать в ответ?!

Ты разбудила сонмище смятений,
Ты пламя гнева разожгла во мне!..
Зайнаб, я сохну, словно лист осенний,
Зайнаб, я гибну в медленном огне!

Откуда я?.. Спроси у Зеравшана,—
Что земли омывает неустанно,

Кто мать моя? И сам я — кто таков?
Спроси у седовласых стариков,

Спроси у горлиц, что на ветках ивы
Стенают жалостно и сиротливо,

Спроси у ветра, что летит в поля,
Спроси у ветки белой миндаля,

Кто — твой Аман, твой друг — кого, тираня,
Ты ввергла в жесточайшее из зол?..

Они тебе расскажут об Амани — ..
Кто я таков, откуда я пришел...

9

Ох, сколько утекло воды с тех пор,
Как начал я — среди пустынь и гор—

Искать свое родное пепелище,
Родителей или хотя б кладбище,

Где упокоился их бедный прах...
Нигде о них я не слышал ни слова.
И Зеравшан, волнуясь в берегах,
Не подавал мне знака никакого,

Где родина моя, моя семья...
Зайнаб! Я к вам пришел, в твой край,

От горя пожелтевший, как солома,
И встал усталый на пороге дома,

Смотря на лица через сетку слез...
И стал мне отчим домом ваш колхоз.

Здесь я нашел себя, покой и честь
Среди друзей моих в работе славной.

Я стал самим собой, каков я есть.
Я — человек, я между равных — равный.

10

Здесь я обиды позабыл свои
Я здесь у вас — в кругу родной семьи.

И не унижен, и не обездолен,
И, наконец, своей судьбой доволен.

Я честно зарабатываю хлеб,
И понял я, что жалок был и слеп,

Не видя радостей, сокрытых в мире,
Не видя красоты его и шири,

И в заигравшей радостно крови,
В душе моей, очнувшейся впервые,
Возникла жажда счастья и любви,
Любви, которой дышат все живые.

11

Зайнаб! К тебе я простираю руки,
А с ними сердце, где тоска и муки

Преобразились в нежные цветы,
И это чудо совершила ты!

В твоей любви нашел я обновление,
Забвенье всех моих минувших бед.
Ты, как заря, блеснула в отдаленье,
И над землею разгорелся свет,

Степь расцвела. Зашелестели травы.
О милая! Ты мне вернула право

На жизнь и радость... Где найду слова
Для той, чьей нежностью душа жива?

Не мучь меня за то, что я измладу
Отвержен был — не по своей вине.

Не изгоняй из благодного сада
Твоей любви, что навсегда — во мне!

12

Все это высказав, умолк Аман,
Рассеялись сомненья, как туман,

В душе Зайнаб... Глаза ее сияли
Глубоким светом нежности, печали,

Всепониманья, высшей доброты...
Еще милее сделались черты,

Освободясь от тени недоверья.
И ощутил Аман, что он в преддверье
Большого счастья. Пламенем сердец
Окрестный мир был озарен, казалось.

Все осияли — из конца в конец —
Взаимная любовь, доверье, жалость.

В ночи струился Зеравшан шумя,
Двумя глазами, звездами двумя

Был освещен благоуханный воздух.
И влажно трепегали в этих звездах

Еще не высказанные слова...
Был берег тих, не двигалась трава,

Но в ветках трепетали ветра струи,
И листья посылали поцелуи

Друг другу — рядом и влюбленным — вниз.
Влюбленным, чьи сердца так сладко бились,
Чьи руки так доверчиво сплелись,
Чьи губы — наконец! — соединились...

13

...Как только посветлело за окном,
Зайнаб вскочила и с Хури вдвоем

По улице пошла походкой смелой...
Куда они?..

 Пред ними домик белый,
Чинары, длинный глиняный дувал...
Сабир-ака тут с детства проживал.

Семья пила неспешно чай зеленый,
Когда к ним двери приоткрыли вдруг.

Сабир привстал навстречу изумленный,
Приветствуя вошедших двух подруг.

Одна из них Зайнаб... Что приключилось?..
— Да, я к тебе, Сабир!.. Яви мне милость!

Сабир! Надежда только на тебя!
Мне тяжело. Сабир Я погибаю...
Разбили сердце у меня, дробя..
Виною — ты... Нет, нет, судьба слепая!

С младенчества связали нас двоих:
Я, мол, — твоя невеста, ты — жених.

Так старики считают и старухи,
Они к моим слезам и просьбам глухи,

И нет конца проклятьям и хуле!
А мне всего дороже на земле —
Аман мой милый, мой жених желанный.
Из всех других я избрала Амана...

Прости, Сабир!.. Не ты, не ты мне дорог!
Да, верно, и тебе не я нужна!..
Все это бредни бабок, у которых
В оковах разум и душа темна.

Мы оба связаны не нашей клятвой...
Проклятый узел разруби, о брат мой,

И мы освободимся — ты и я,
Мы — не супруги. Мы с тобой — друзья.

И мы с тобой, Сабир, совсем не пара.
О, помоги сломить обычай старый.

Любовь и счастье превративший в ложь!..
И ты, Сабир, любимую найдешь.

Которая во всем тебя достойна...
От нас обоих отстрани беду!..
Пусть будет сердце у меня — спокойно.
Освободи меня, Сабир!..

Я жду.

Пока звучали тихие слова,
Сабир молчанье сохранял едва,
Он морщился, как будто выпил яда,
И все ж, горящие бросая взгляды,

То на Зайнаб, то на отца и мать,
Не смел рассказа девушки прервать.

Когда ж Зайнаб замолкла, покраснев,
Он распрямился, он излил свой гнев

В негромкой речи, сказанной сурово.
Немногословен был его ответ,
Но каждое продуманное слово
Зачеркивало мудрость прошлых лет.

14

— Пусть злые старики уйдут с пути,
Пусть не мешают молодым идти,

Как нам велит душа и наше право,
Людские чувства — больше не забава

Для старших и не рыночный товар!
Мир — не темница больше, не базар,

Где женщину — и дух ее, и тело—
Друг дружке предлагают торгаши.
Мы сами избираем—гордо, смело
Тех, кто всего желанней для души!

15

Не мучься, милая! Люби Амана!
Кто-кто, а я тебе мешать не стану,

Я знаю цену подлинной любви.
Будь счастлива, сестра моя! Живи

В спокойствии и радости всегдашней!
Да синет он бесследно — день вчерашний!..

Забуть о нем давно пришла пора.
Ты — не моя невеста, ты — сестра,

И у меня есть девушка другая,
С которой разлучиться я б не смог!..
Будь счастлива с Аманом, дорогая!..
Да озаряет радость ваш порог!..

Ступай, Зайнаб!.. Ступай, сестричка,
с миром!..—

Зайнаб сияла. И перед Сабиром

Склонилась низко, чуть не до земли..
Вдвоем с Хури они домой пошли,

Сабира восхваляя неустанно.
Сейчас они порадуют Амана...

16

На крыльях добрая помчалась весть.
И в кишлаке все жители как есть

Слова Сабира громко повторяли,
Судили, и рядили, и гадали.

Что скажет мать Сабира и отец,
Что сделает Анар... И, наконец,

Решили в кишлаке единогласно:
Что, мол, Анар кричала понапрасну,
Что прежде забыто сваговство.

Что, мол, Зайнаб добилась своего
И что никто ей не желает зла.

Твердили молодые: жизнь пошла
Добрее, справедливей, чем когда-то.
И согласился дружно млад и стар,
Что скоро-скоро посреди рабата
Столы поставят и спуют яр-яр.

17

На пышный той собрался весь кишлак.
По-своему о свадьбе думал всяк:
Седым все это было не по нраву,
А тот, кто молод, пел невесте славу

За то, что смелый проявила дух,
Не убоившись стариков, старух
И древнего жестокого закона.
Кто горестно смотрел, кто — восхищенно.

Все пожилые проявляли страх,
И все ж иная женщина в годах
Нет-нет, да и вздыхала поневоле
О юности своей, о горькой доле,

О девичьей загубленной красе,
Завря увядшей, точно лист в ненастье
А молодые радовались все,
Аману и Зайнаб желая счастья.

18

И в этот день чудесный, говорят,
Битком набит колхозный был рабат.

Народ сюда стремился отовсюду—
Из мест соседних шлн, издалека.

Храпели кони, горбились верблюды...
Из самого глухого кишлака

Спешила молодежь — не опоздать бы!
Народ стремился, как весенний сель.
Хотелось всем поспеть на праздник свадьбы
Еще невиданной у нас дочель

19

На этом пире отыскалось место
И тем, кто раньше осуждал невесту.
Кто сгоряча желал влюбленным зла...
Хоть грустно было, все ж сюда пришла

Анар притихшая, с погасшим взглядом,
Со старой матерью Сабира рядом

Она забилась в дальний уголок,
Чтобы никто к ней подойти не мог.

Зато Хури смеялась, ликовала,
В девичьем звонком хоре запевала.

Она, хваля подругу, как всегда,
Счастливейший ей обещала жребий.

Хури была сегодня, как звезда,
Светлее, ярче всех сестер на небе.

Рубаб и чанг звенят. Цветной ковер
Великолепный раввернул узор.

На пестром фоне, как большие птицы,
Порхают и кружатся танцовщицы.

Напевы слышатся со всех сторон,
Поет Халимахон, Назирахон...
Подобно облакам, кружатся пары.
Все веселятся — молодой и старый...

Сменяет пляску буйная игра.
Сегодня не затихнут до утра...

И только двое — лишь молодожены —
Как будто от веселья в стороне,
Но радость в них сияет потаенно.
Как отблеск звезд в полночной глубине.

20

Вот так друг друга наконец нашли
Зайнаб с Аманом — детища земли,

Взломав оковы древнего завета...
Немного оставалось до рассвета.
Когда подруги, обступив кольцом,
Молодоженов проводили в дом.
Где жизнь свою они начнут сначала
И песнь яр-яр, как никогда, звучала,

Все обещало счастье им двоим.
Был этот давний миг неповторим

Вставало солнце. Зераяшан-река--
В лучах зари — и вправду! — золотая —
Струилась, освежая берега
И новое сознание пробуждая.

1938

СЕМУРГ

Глава первая

1

Много ль, мало ли лет назад
На земле жила Паризад.
Дочка хана. Была она
Хороша, как в саду весна.
Кипарису подобный стан,
Черным блеском кос осиян.
Как нарциссы, глаза нежны,
Стрелы гнутых ресниц длинны.
Ее брови на белом лбу
Меж собою вели борьбу.
Восхищенные красогой
Круглой родинки золотой.
На коралловых губ изгиб
Кто засмотрится — тот погиб.
Чтоб такой красоты гроза
Не слепила людей глаза.
Обнесен был стеною сад
Ханской дочери Паризад.

2

Шла молва об ее красе,
Словно ветер по полосе;

Рассыпала кругом молва
Золотые свои слова.
И джигиты теряли сон —
Каждый был в Паризад влюблен.
Каждый плакал, как соловей,
У закрытых ее дверей
Был в разгаре большой базар —
Всем по вкусу такой товар,
Все спешили средь суеты
К заповеднику красоты.
Нагружали своих ослов,
Посылали седых послов.
Скакуны их туда несли.
Их верблюды туда везли.
Женихи устремлялись в сад
Ханской дочери Паризад.

3

Но, собою опьянена,
Равнодушна была она,
Что ей розы, что соловьи,
Что ей муки чужой любви?
Занималась только собой,
Любьвалась только собой.
Об ограду ее дворца
Разбивались не раз сердца.
И сгорали они дотла,
Оставалась одна зола
И шумела кругом молва:
«Дочь-то ханская какова!
У красавицы, погляди.—
Сердце каменное в груди.
Червоточинка скрыта в нем,
В этом яблоке золотом»
Этой славы дурной слова

Разносила кругом молва,
Закрывая дороги в сад.
К ханской дочери Паризад

4

И услышал про это хан.
И не спал до рассвета хан.
На рассвете с постели встал
И к себе Паризад позвал.
Не скрывая тоски своей,
Он воскликнул навстречу ей:
«Слушай, роза моих услад,
Слушай, дочь моя Паризад!
Я не спал напролет всю ночь,—
Не могу тоски превозмочь.
Ты свела старика с ума,
Что мне делать, скажи сама,
Коль в народе идет молва:
«Вот у хана дочь какова!
У красавицы, погляди,—
Сердце каменное в груди.
Никогда ей любви не знать,
Старой девою вековать.
Червоточинка скрыта в нем,
В ханском яблоке золотом».
Червоточинка!.. Слышишь ты?
Иль от гнева не дышишь ты?
Я от этих слов поседел
Больше, чем от военных дел.
Я не знаю, как быть с тобой,
Со своею большой бедой...»
И прекрасная Паризад
Опустила горящий взгляд,
Загорелся лик кумачом,
Побледнела она потом

И сказала, едва дыша.
«Слава всякая короша...
Ладно! Пусть богатырь любой
Хоть сегодня придет за мной.
Выйду замуж я за него,
Но условие таково:
Там, где конный шумит базар,
Исполинский стоит чинар,
Оплетает ветвями он
Весь лазоревый небосклон.
Много силы в его корнях,
В чернобурых седых ветвях.
Он столетьями в землю ерыт,
Тайны вещице он хранит.
Тот джигит будет мужем мне,
Кто на резвом своем коне
На столетний чинар взлечит,
Вырвет с корнем и сокрушит.
Знайте, сердце мое тогда
Станет пламенем вместо льда.
Знайте, стану его женой!
Пусть придет джигит за мной...»

Хан улыбкою просиял
И придворных своих созвал,
Приказал разгласить тотчас
Высочайший такой указ:
«Эй, джигиты моей страны!
Вы в походах закалены.
Вам сверкает сквозь мрак времен
Красным золотом ханский трон,
Эй, скачите во весь опор!
Эй, летите на ханский двор!
Будет пир изо всех пиров,
Состязание удальцов.
И достанется сверх награда

Победителю Паризад,
Будет верной женой его,
А условие таково:
Там, где конный шумит базар,
Исполинский стоит чинар.
Корни в толщу земли вросли,
Ветви небо все оплели.
Пусть разгонит коня джигит,
Пусть на древний чинар влетит,
Свалит дерево на скаку,—
И достанется смельчаку
Дочка ханская сверх наград,
Луноликая Паризад.
Эй, скачите во весь опор
Все джигиты на ханский двор!»

5

Эту весть разнесли в ночи
Быстроногие карнайчи.
Вдоль базара летит она,
У мазара гудит она.
Ой, как пыль по полям пылит,
Сбруи звон по ветрам летит!
То не солнце в огне лучей,
То сверканье кривых мечей —
Едут, едут богатыри
От зари до другой зари,
Бьют нагайками на скаку
По узорному чепраку.
Едут мимо солоңчаков,
Едут мимо пышных лугов,
Горяча молодых коней,
Джигитовкой гордясь своей,
От зари до другой зари
Едут, едут богатыри.

Над землею взошла заря,
 Как цветущий гранат горя.
 Алокрылые лепестки
 Осыпают все чепраки.
 В блеске их, как большой пожар,
 Чернобурый горит чинар
 Тяжко ветви его скрипят,
 Грозно ветры в ветвях гудят,
 А под черною гущей ветвей,
 Оседлавши своих коней.
 Здесь и там женихи снуют,
 Скакуны удила грызут.
 И зевак любопытных круг
 Обсуждает красу подруг.
 И, величием осиян,
 В златотканом халате хан,
 И прекрасная Паризад
 Поднимает лукавый взгляд.

Вот над замершею голпой
 Первый ринулся вверх герой.
 Треск! И в корчах скакун хрипит,
 И, повержен, герой лежит.
 И, стрелой пролетев, второй
 Оземь грохнулся головой.

Третий, съевший кожу змен¹,
 Руки, ноги сломал свои.
 А четвертый легко взлетел,
 Спрыгнул вниз... а чинар-то цел!
 Недвижимо чинар стоит,
 Только ветер в листве шумит,

¹ Узбекская поговорка, означающая: выдавший виды, опытный человек.

Грозный рокот в седых ветвях,
Под ветвями — кровавый прах...
Семь бессонных ночей и дней
На дыбы вздымали коней.
С исполином вели борьбу
Те, кто верил в свою судьбу,
А другие, погупив взгляд,
Погоняли коней назад
Вот восьмая заря видна.
А задача не решена.

7

Косы шелковые свои
Омочив в пролитой крови.
Опустила надменный взгляд
Неподвижная Паризад
Хан на месте едва сидел,
За семь суток он поседел,
Слезы горя, давясь, глотал,
Трясся, охал — потом вскричал:
«Что же это? Иль будем мы
Так и жить средь позорной тьмы?
Или нет у коней подков,
Или нет в стране удальцов?
Эй, глашатаи, карнайчи!
Во всю глотку опять кричи!
Ищут пусть по земле его,
Зятя славного моего!
Если есть хоть один джигит,
Что, не слыша указа, спит,
Что на празднество опоздал
И своей судьбы не узнал,
Если есть хоть один в стране,—
Приведите его ко мне!»
Снова вскинули карнайчи

Трубы звонкие, как мечи,
По дорогам пошли опять
Волю ханскую выполнять.

8

Степь закатная широка,
В алом пламени облака.
Тихо так, что услышишь тут,
Как травинки в степи растут,
Как роняет степной тюльпан
Лепестки на седой курган,
Как звенят угольки в костре,
Догорающем на заре.
И сидит над костром пастух,
Горьковатый вдыхает дух,
Низко голову опустил,
Руки смуглые уронил.
Овцы сонные шерстяной
Окружили его стеной.
В красноватом костра огне
Овцы что-то жуют во сне.
Звезды выплыли на простор.
Дышат травы. Дымит костер.
Таает ночь... Напрягая слух,
Флейту в руки берет пастух,
И в напеве его слышны
Даже шепоты тишины
Только чьи-то шаги хрустят,
Чьи-то люди к нему спсшат.
«Что сидишь, словно в землю врыт?»
Поднимайся скорей, джигит,
Лучший свой надевай чапан —
Ко двору тебя просит хан».
И пошел по степной тропе
Он навстречу своей судьбе,

Бросив стадо и посох свой,
Только флейту забрал с собой.

9

Вот и конный шумит базар,
Вот и темный стоит чинар,
Оплетает ветвями он
Весь лазоревый небосклон.
Вот, величием осиян
В златотканом халате хан,
Рядом с ним, словно в звездах ночь,
Красотою сверкает дочь.
И поодааль от ханских слуг
Перед ними стоит пастух.
«Ты откуда и кто, герой?»
«Мудрый хан, я пастух степной».
«Твоему я приходу рад.
Как зовут тебя?»
«Я — Буньяд».
«Почему ж ты, Буньяд, проспал
И на скачки не прискакал?
Или ты, мой пастух, не рад
В жены высватать Паризад?
Или счастье нейдет к тебе
По заросшей степной тропе?»
И волшебница Паризад
К пастуху обратила взгляд,
И Буньяд на нее глядит...
Так звезда с высоты летит,
Золотую роняя пыль
На засохший степной ковыль,
И ковыль под ее лучом
Очарованным стал цветком,
Отраженным в речной воде.
Сам не веря своей звезде,

Опускает Буньяд свой взор,
Продолжает он разговор:
«Мудрый хан, я пастух простой,
Я живу в тишине степной
И не видел я никогда,
Чтоб легела ко мне звезда.
Счастье прячется от меня,
Чтоб найти его, нет коня.
Не по мне, видно, звездный свет,—
Нет коня, значит, крыльев нет!
Все богатство мое со мной —
В этой дудочке золотой
Хочешь, песню тебе спою
Про широкую степь мою?»
«Запоешь! — рассердился хан. —
Запоешь у меня, чурбан!..
Эй, ведите из табуна
Красногривого скакуна!
Если свалит чинар пастух,
Будь он на уха оба глух,
Будь он увальнем, дураком,
Прокаженным иль бедняком —
Я отдам ему в жены дочь,
Той отпраздную в эту ночь!
Нет терпения у меня...
Эй, ведите скорей коня!..»

10

Конь копытами землю бьет,
Гневно конь удила грызет.
Неотрывно глядит Буньяд
На красавицу Паризад,
А над ними чинар седой
Черно-бурой шумит листвою,
Грозный рокот в тугих ветвях,

Под ветвями — кровавый прах,
Конь копытами землю бьет,
Хан глядит, все глядят... и вот,
Иступленным огнем объят,
Скакуна осадил Буньяд.
Полоснул скакуна камчой
Так, что брызнула кровь струей.
Растоптал по пути траву
И, как молния, — в синеву!
Степь ли силу ему дала,
Буйный ветер — свои крыла.
Звезды ль дали над небом власть,
Чары ль ночи — к победе страсть,
Или это лукавый взгляд
Брови вскинувшей Паризад, —
Только гром в синеве растет,
Только шум по земле идет:
Загудел, как большой пожар,
Исполинский седой чинар.
Конь распластан во весь прыжок,
От передних до задних ног,
Богатырская мнет рука
Ветви, вздетые в облака.
И еще, и еще удар!
Пошатнулся седой чинар,
Корни вырвал он из земли—
В черных комьях, во мху, в пыли,—
Пошатнулся, вновь прямо встал
И на землю плашмя упал.
И с презрением наш герой
Попирает чинар ногой.
Сам прекрасен и невредим!
Все склоняются перед ним,
Но глядит он поверх людей,
Ищет очи звезды своей.

Где она?

Почему она,
 Как ненастная ночь, темна?..
 И спокойно Буньяд идет,
 Тихо руку ей подает,
 Но она от руки любви
 Отшатнулась, как от змеи.
 И, отмеривая слова,
 Процедила едва-едва:
 «Вижу, ты победил, герой.
 Что же, можешь своей рукой
 Ты холодную руку взять
 И женою меня назвать.
 Я согласна идти на той —
 Это право твое, герой.
 Только как бы ты был любим,
 Если б сердцем владел моим,
 Если б выслушал ты меня,
 Поднял меч и погнал коня
 Вон туда, на огонь зари...
 Как прикажешь ты?»

«Говори!

Говори!

— прошептал Буньяд, —
 Все, что хочешь, я сделать рад.
 Все дороги смогу пройти,
 Лишь бы сердце твое найти.
 Если сделать что не смогу,
 Если буду еще в долгу, —
 Откажись от меня тогда,
 Отвернись от меня, звезда
 Со склоненною головой
 Он услышал рассказ такой:

«В царстве ночи, где запад сед,
 Есть гора человеческих бед:
 Безобразна и высока,
 Зацепилась за облака,
 Черепами усыпан низ.
 Див чудовищный Ялмогыз
 У подножья горы сидит,
 Кости желтые сторожит.
 Кровь людская — его еда,
 Не насытится никогда
 Смерть несет его каждый взгляд.
 Из рта его брызжет яд,
 И от взмаха тяжелых рук
 Цепенеет вся жизнь вокруг.
 А вокруг до семи небес
 Возвышается мертвый лес,
 И безмолвно он стережет
 Злой пучины водоворот.
 У реки меж свинцовых глыб—
 Только груды гниющих рыб,
 За пучиной пески, пески,
 Бесконечны и широки
 Если эти пески пройдешь,
 И пучину переплывешь,
 И пробьешься сквозь мертвый лес
 Высотой до семи небес
 Если ты богатырь такой,
 Что сумеешь своей рукой
 Ялмогыза убить в бою —
 Поцелую руку гвою,
 Буду нежной тебе женой!
 Презжай, если ты герой!
 Знай: когда б ни пришел назад,
 Будет ждать тебя Паризад».

Удивленный народ роптал,
 Хан от ярости весь дрожал,
 Руки сжав, затаивши дух,
 Слушал страстную речь пастух.
 А потом поглядел сквозь пыль
 На волнистый степной ковыль,
 Богатырским повел плечом,
 Оглядел скакуна кругом
 И сказал: «По джигиту — честь,
 Был бы конь, а наездник есть.
 Чтобы счастье свое добыть,
 Мир не трудно объездить мне!
 Обещанье тебе даю:
 Ялмогыза убью в бою,
 Дайте меч по моей руке,
 Дайте горстку земли в платке
 И прощайте!» — и отдал он
 Чаровнице земной поклон.
 ...Непроглядна ночная ширь
 Едет к западу богатырь.

Глава вторая

1

Ночь за ночью и день за днем
 Едет всадник своим путем,
 Мимо ярких степных костров,
 Мимо глиняных кишлаков,
 Материнской любви полна,
 С ним прощается вся страна.
 Машут ветки седой джиды,
 Машут струйки речной воды.

Огоньки освещают тьму,
Смотрят женщины вслед ему..
Ночь за ночью и день за днем
Едет всадник своим путем

2

Ехал, ехал вперед, пока
Не легла на пути река.
Непроглядна речная ширь,
Стал у берега богатырь:
«Ой, река, ты куда бежишь?»
Ой, волна, ты куда летишь?»
Вырываясь из ледников.
Извиваясь среди холмов.
Рыжий пламень бежит сквозь тьму
К морю синему своему.
Не такую ль гоним судьбой,
Я покинул свой край родной
И приехал издалека
Побрататься с тобой, река!
Проплывем по волнам с конем
Иль погибнем на дне твоём.
Насмерть драться мне суждено,
К морю мчаться... Да где ж оно?»
И плывет на коне Буньяд
Меж крутых водяных громад.
Вот уж та сторона видна,
Но встает на пути волна,
Окатила она его
С головы и до ног всего,
Своем вырвала из седла,
По течению понесла.
Красногривый его скакун
Мертвым выброшен на валун,
А Буньяд по реке плывет,

Погружаясь в водоворот.
Без сознания богатырь...
Неоглядна речная ширь.

3

Полумесяц встал золотой
Над красавицею рекой,
И из пены жемчужных вод
Поднимается хоровод.
Это пери речной волны
Выплывают из глубины.
Лунный жемчуг в их волосах,
Лунный пламень горит в очах,
Звонок смех серебристых дев,
И загадочен их напев.
Вот веселой они толпой
На песок идут золотой
И, усевшись на бережку,
Вынимают по гребешку,
Моют волосы, чешут их,
Отражаясь в волнах речных.
И сказала из них одна:
«Кто-то тянет меня со дна.
Это рыба или змея —
Зацепилась косами я».
Встрепенулся веселый круг
Оживленных ее подруг,
Стали стайкой на дно нырять,
Косы черные отцеплять
«Нет, не рыба и не змея,
Нет, подруги, ошиблась я:
Богатырь в моих волосах,
В шелковистых моих сетях.
И красивый и молодой,
И как будто еще живой».

Пери вытащили его.
Платье высушили его.
И Буньяд (это был Буньяд)
Открывает смятенный взгляд.
«Ты откуда и кто, герой?»
«Я Буньяд, я пастух степной».
«Как же ты с боевым мечом
Оказался на дне речном?»
«Я оставил шалаш родной
И опасной пошел тропой.
В царство ночи мой путь лежит,
Там чудовищный див сидит.
Ялмогыза иду убить,
Свое счастье в бою добыть.
А река на пути легла,
И река коня отняла...
Что ж, пешком я пойду сейчас!»
«Не спеши, погости у нас.
Оставайся... Мы здесь вольны.
Под жемчужным лучом луны
Наши косы черным-черны,
Очи страстны и зелены.
Ил мы смоем с могучих плеч,
Богатырский наточим меч.
Мы попляшем и попоем,
На прощанье рукой махнем».
Улыбаясь, Буньяд привстал,
Флейту вымокшую достал,
Чтоб немного потешить их,
Луноликих подруг своих.
Только флейта грустным-грустна,
В путь-дорогу зовет она.
Оглянулся Буньяд кругом,
Богатырским повел плечом
И, подругам отдав поклон,
В путь свой пешим пустился он.

День и ночь он идет вперед,
 Может, месяц, а может, год.
 И встает на пути гора
 Вся из чистого серебра.
 По тропинке ее крутой
 Без боязни полез герой.
 То подтянется на руке,
 То повиснет на кушаке,
 А над самую головой
 Камень висится вековой,
 Загораживая пути.
 И нельзя его обойти.
 Поднял меч богатырь Буньяд
 И ударил пять раз подряд,
 Загремела в ответ гора.
 И открылась в горе нора,
 И в раскрытый пред ним пролет.
 Пригибаясь, Буньяд идет.
 Темнота. Не видать ни зги.
 По ступеням стучат шаги
 Слышен рокот подземных вод,
 Расступается черный свод.
 И навстречу, как светляки,
 Разноцветные огоньки
 Обступают его вокруг,
 Ослепляя, касаясь рук.
 Он за ними — они назад,
 Он от них, а они блестят.
 И не выдержал наш Буньяд,
 Стал рубить их за рядом ряд
 «Эй, отстаньте! Я не шучу,
 Вашу гору разворочу!
 Кто господствует над горой?
 Покажись! Выходи на бой!»

И опять загудела тьма,
Расступилась гора сама,
Загорелся свет золотой.
Карлик с рыжею бородой,
Хил, уродлив, но горделив,
Говорит: «Я великий див.
Я хранитель богатств земных.
Я властитель пространств своих,
Я господствую над горой!
Отвечай мне: кто ты такой,
Почему ты сюда пришел?
Сколько дать тебе, чтоб ушел?»
А за дивом кишмя кишат
Бородатые и пищаг:
«Почему ты сюда пришел?
Сколько дать тебе, чтоб ушел?»
Отвечает тогда герой:
«Горный див! Я пастух степной,
Я оставил родимый дом
И опасным пошел путем,
Чтобы счастье свое добыть,
Ялмогыза в бою убить.
Но река отняла коня,
Проглотила гора меня.
Нет, не нужно мне ничего
Из богатства из твоего.
Мне б дорогу в горе найти
И на запад скорей уйти!»
Усмехнулся подземный див:
«Видишь золота перелив?
Эта блестящая стена
Вся из золота сложена.
Там сапфиры горой лежат,
Там рубины зарей горят.
Посмотри сюда, посмотри:
Разгораются янтари.

Вот волшебный седой топаз,
Изумруд, как кошачий глаз.
Всей вселенной твоей краса,
Разноцветные чудеса
Пред тобою, в руках твоих.
Посмотри, богатырь, на них».
Дивы дружно кругом снуют,
Камни яркие подают.
Очарованный, наш герой
Флейту быстрой достал рукой,
Чтоб потешить немного их,
Бородатых друзей своих.
Только флейта грустным-грустна,
В путь-дорогу зовет она.
Дивам с флейтою сладу нет —
Отпустили его на свет.
Проводили, назад ушли,
Огоньками сгорев вдали.
И, отвесивши им поклоу
Вновь в дорогу пустился он

5

Вновь идет он своим путем,
И пустыня лежит кругом.
Ни травинки в ней не растет,
Ни былинки в ней не цветет.
А шуршат и ползут пески,
Неоглядны и высоки.
В красном зное идет Буньяд
Много дней и ночей подряд.
Вот уже ни куска еды,
Вот уже ни глотка воды,
Изнывают ступни от ран..
Опустился он на бархан,
А песчинки ползут, ползут,

И как будто они поют:
«Ой, песчинки! Куда, куда
Мы уносимся без следа?
Гонит нас над землею рок
Без разбора и без дорог,
Ветер знойный нас вдаль несет,
Вверх вздымает, крылами бьет.
Нам приюта нигде не знать,
Бесконечно нам кочевать...»
И песчинки ползут, ползут...
Эту ль песню они поют.

6 .

Открывает Буньяд глаза —
Неба светится бирюза,
Желтизною песок блестит,
На песке карагач стоит.
Потемневший, прогнивший ствол
Одичал, и угрюм, и гол,—
Видно, так с давних-давних пор
Он в небесный глядит простор,
На вершине держа своей
Несгибаемых пять ветвей.
Ветви те в вышине торчат,
Под тяжелым гнездом скрипят,
Свито, словно навек, оно
И птенцами полным-полно.
Неподвижно глядит Буньяд —
Изумлением он объят.
Вдруг шипенье, и свист, и вой
Раздаются над головой.
Огневой чешуей горя,
Ослепляя богатыря,
Страшный змей по песку ползет,
Страшный змей на хвосте встает.

Крепко дерева ствол обвив,
Пасть клокочущую открыв,
Страшный змей над гнездом шипит.
Беззащитным птенцам грозит.
Иступленно кричат птенцы,
Крик несется во все концы,
И звенит над пустыней всей,
Словно жалобный плач детей.
Этот жалобный птичий крик
Сжег усталость Буньяда вмиг.
Вот он рядом с карагачом,
Вот он змея разит мечом.
Черный дым в огневых клубах,
Фиолетовых молний взмах,—
Рухнул змей, устоять не мог,
И Буньяд упал на песок.
Он упал на песок пластом
И тяжелым забылся сном.

7

И тогда с бирюзовых круч
Пал на землю отвесный луч,
Загудела, запела высь,
Ветры пыльные поднялись.
Два распластанные крыла
Солнце в небе закрыли... Мгла,
Трубный клетот, песчаный пыл,
Трепетание тяжких крыл...
Мчится мира крылатый конь,
Высекая из гор огонь,
Совершая над бездной круг,
Птица счастья летит, Семург.

Кубок синих небес до дна
Осушает глотком она,

Солнце страстные, как гроза,
Пожирают ее глаза.
Пыль времен на ее крылах,
Кровь времен на кривых когтях,
Под крылом высота поет,
Смелых к солнцу она зовет.
Затаенной тоской веков
Полон этот гортанный зов...
Зачарованный мир молчит —
Птица счастья над ним парит.

8

Развернувши свои крыла,
Над пустыней Семург плыла,
Над заветным плыла гнездом.
Видит: кто-то лежит ничком;
Кто-то, дерзкий, пути нашел
В пустовавший веками дол.
Крылья дрогнули и взвились,
Птица камнем упала вниз,
Человека огнем разя,
Острым клювом ему грозя.
А птенцы увидели мать,
Стали жалобно умолять:
«Мама! Странника пожалей,
Острым клювом его не бей!
Это он, беззащитных, нас
От гремучего змея спас.
Если б не был он добр и смел,
Нас бы змей кровожадный съел
Мама, милая! Пожалей,
Гостя нашего не убей!»
И одумалась тут Семург,
Оглянулась она вокруг,—
Видит: в красной крови своей

Утопает гремучий змей.
В зное солнечном человек
Не поднимет усталых век.
И над ним, доброты полна,
Развернула крыла она,
И неделю глубоким сном
Спал Буньяд под ее крылом.

Полетела Семург к реке,
Опустилась на берегу,
Окунулася в глубину,
Зачерпнула крылом волну,
Отряхнувшись над смельчаком,
Окропила его дождем.
Потянулся Буньяд, привстал,
Говорит: «Хорошо поспал!
Тень вокруг, и водица есть,
Хорошо бы теперь поесть!»
Эту речь услышав, Семург
В небесах прочертила круг,
Воротилася второпях,
Льва живого неся в когтях.
Разрывает его, и вот
Печень львиную достает
И, поджаривши под лучом,
Человеческим языком
Говорит: «По джигиту честь!
Был бы гость, угощенье — есть!»

9

Изумленно Буньяд глядит —
Чудо мира пред ним сидит.
В синих ответах перья все
В шелковистой своей красе

Разгораются под лучом
То сапфиром, то серебром.
Из-под темных тяжелых век
Глаз ее животворный сверк,
Взгляд бездонный — сама любовь.
На изогнутом клюве — кровь,
Грива льва на когтях висиг...
Чудо мира пред ним сидит,
Говорит оно, наклонясь,
Над смятеньем его смеясь:
«Ты не бойся меня, мой друг,—
Я царица песков, Семург,
В сказках всяк обо мне слышал,
Но никто меня не видал,
Я живу испокон веков
В неоглядной стране песков.
Тут растения не растут,
Не летают и птицы тут.
Никогда за мой долгий век
Не встречался мне человек
В этом пекле, в краю пустом,
Под волшебным моим гнездом.
Ты прошел сквозь пожар песков,
Спас от смерти моих пленцов.
О, скажи, богатырь, какой
Отплачу я тебе ценой?
Что за дума тебя томит,
Плечи сильные тяготит?
Кто для этих могучих плеч
Отковал богатырский меч?
И какая злая беда
Привела тебя к нам сюда?
Мне желанье свое открой,
Помогу я тебе, герой!»
И в глазах ее все видней
Торжество золотых огней.

Неподвижно она сидит
И, прислушиваясь, молчит.

10

Отвечает Буньяд тогда:
«Может, это и впрямь беда,
Только я без беды такой
Так и спал бы в траве степной
Я пройду сквозь огонь и смерч,
Я в бою иступлю свой меч,
Если смог я сюда дойти
И в пустыне тебя найти!
Птицей счастья тебя зовут,
Песни все о тебе поют.
Мне тебя, сквозь огонь и кровь,
Показала моя любовь.
За песчинку с твоих следов
Я всю душу отдать готов.
За пушинку с широких крыл
Свой отдам богатырский пыл!
Если хочешь, узнай сейчас
О заботах моих рассказ:
Там, за далью седых громад,
Луноликая Паризад
Рассказала однажды мне,
Что в закатной чужой стране
Злобный див Ялмогыз живет,
Кровь людскую, как воду, пьет,
Давит землю горою бед.
Оскорбляет уродством свет.
Обещал я его убить,
Мир от мрака освободить.
И дорога моя трудна,
Но звезда впереди видна:
Осчастливорю народ родной,

Паризад назову женой!»
И сказала ему Семург:
«Ты обманут, мой бедный друг!
Никогда тебе не дойти
До конца твоего пути.
Бессердечная Паризад
Налила в твою чашу яд,—
Отравительница, она
С Ялмогызом давно дружна,
Посылает к нему гостей—
Тех, кто больше не нужен ей,—
Посылает на смерть к нему,
К другу страшному своему!
Див тебя загрызет живьем,
Ветер след заметет песком...
О, послушай меня, вернись,
От обманщицы откажись!
Если будешь здоров и жив,
Будешь ты и с другой счастлив».
Вещей птицы правдивый взгляд
Встретил мужественно Буньяд.
Долго-долго в него глядел,
Весь от горя он почернел.
Пересиливши боль свою,
Он промолвил: «Не отступлю!
Лев пустыни седой — и тот
По следам своим вспять нейдет,
И того осрамит молва,
Кто на ветер швырнет слова!
Лучше в битве убитым быть,
Чем позором себя покрыть...
Я пройду до конца пути,
Испытаю, что впереди!»

Неба спряталась бирюза,
Потемнела земля вокруг,—
Опустила глаза Семург.
«Вижу я — не отступишь ты!
В царство ночи и темноты
Пролетим мы с тобой вдвоем,
Ослепляя весь мир огнем.
Ты меж крыльев моих садись,
Ты за шею мою держись —
Отнесу я тебя туда,
Где закатная даль седа.
Об одном лишь прошу, герой:
Крепче очи свои закрой,
Чтоб кружение звёзд ночных
Не слепило очей твоих.
Полечу я вдвоем с тобой,
Посмотрю на кровавый бой.
Если див победит тебя,
Слезы буду я лить, скорбя,
Сказку новую для людей
Расскажу о судьбе твоей,
О тебе, богатырь Буньяд,
Что дороги не знал назад.
Если дива убьешь в бою,
Песню славы тебе спою!
Медлить нечего...

Решено...

Да свершится, что суждено!»

Обретенному другу рад,
Влез на крылья к Семург Буньяд
И зажмурил свои глаза...
Загремела кругом гроза,
Загудела ночная высь,
На закат они понеслись.

Глава третья

1

Пролетели они пески,
Обогнули матерки.
Небосвода лазурный круг
Разрубает плечом Семург,
Отряхая с кудрявых крыл
Серебристую пыль светил.
И герой полной грудью пьет
Сладкий ветер больших высот.

Вот восток под крылом у них
В золотистых садах своих,
Вот шафрановый пышный юг
Прошумел за спиной Семург,
Вот громады веленых льдов
Наползают до облаков,
Вот оранжевая черта,
А за ней — одна темнота.

Жадно солнце вдохнул Буньяд,
Обернулась Семург назад,
В луч последний, тоски полно,
Обмакнула крыло она
И помчалась на всем лету
В непроглядную темноту.
Царство ночи... Кругом оно
Липкой тьмою населено,
Безобразною серой тьмой,
Бугорчатою, вековой.
Тьма лежит под тобой ничком,
Тьма сидит на тебе верхом.
Тьма качается над тобой
Полосатою пеленой.

Тьмою скованный, недвижим,
Встал Буньяд. И ползет над ним
Страшных, мрачных теней поток —
Темноты шерстяной клубок.
И сказала Семург ему:
«Погляди в кромешную тьму:
Не проломишь ее плечом,
Не разрубишь ее мечом.
Чтобы справиться с липкой тьмой,
Извивайся, ползи змеей.
Все терпение собери,
Нету солнца — в себя смотри.
Хватит света в душе гвоей —
Не ослепнешь среди геней!
Близок сводчатый край небес,
Близок каменный, мертвый лес,
Там гора черепов стоит,
Там чудовищный див сидит.
Там — конец твоего пути,
Ты поклялся его пройти...
Силу всю испытай его.
Слова страшного своего,
Дальше путь продолжай один,
Слова смелого властелин...
Буду ждать я тебя. Иди!
Да свершится, что впереди!
Если я не дождусь тебя,
Буду слезы я лить, скорбя,
Кровью собственной захлебнусь,
Пылью по свету разлечусь».

Так Буньяду сказав, Семург
В глины ком обратилась вдруг,
И один зашагал Буньяд
В тьму кромешную наугад.

Вот и сводчатый край небес,
 Вот и каменный, мертвый лес,
 В нём несчитанные стволы
 Изувечены и голы,
 За стволами гора видна,
 В человеческих костях она.
 А навстречу огонь гудит—
 Это див Ялмогыз ворчит,
 Переваливаясь на ходу,
 Пережевывая еду,
 Как мохнатый мешок тяжел,
 Див навстречу Буньяду шел.
 Распрявился в свой полный рост,
 Перепончатый выгнул хвост.
 Прямо в гучу рога вонзив,
 Что-то сладкое проглотив,
 Говорит, изрыгнув смешок,
 Этот потный мясной мешок:
 «Мой бесценный сынок Буньяд,
 Как я рад тебе, как я рад!
 Как дела твои, гладкий мой?
 Как здоровьице, сладкий мой?
 На далекий мой огонек
 Что тебя привело, сынок?
 Уж не дружен ли впрямь ты с ней,
 С милой доченькою моей?
 Не она ли, моя звезда,
 И послала тебя сюда,
 Не прекрасная ль Паризад?»
 «Да, она! — отвечал Буньяд. —
 Но сынком не зови меня,
 Я чудовищу не родня,
 Я сразиться пришел с тобой —
 Выходи, Ялмогыз, на бой!»

Слушай ты, осквернитель снов,
Слушай, кладбище храбрецов,
Над землею нависший мрак,
Мерзость мира, проклятый враг!
Выходи! Я тебя убью,
Череп твой размозжу в бою!
Имя девушки ты сказал?
Милой дочкой ее назвал?
Пусть умрет она от тоски —
Раздроблю я тебя в куски,
Размозжу круглый череп твой!
Выходи, Ялмогыз, на бой!»

3

Замахнулся мечом Буньяд
И ударил! Зловонный чад,
Пламя желтое до небес
Обожгли, охватили лес.
Снова грянул мечом Буньяд —
Брызнул в небо зеленый яд.
Реки яда, шипя, текут,
Из разверстого рта бегут.

Меч гремит богатырский вновь.
Наводнением багровым кровь,
Дива кровь, потекла кругом,
Клокоча под кривым мечом.
Наконец извернулся див,
Над Буньядом взметнулся див,
Стопудовой своей рукой
Размахнувшись над головой,
Оглушил его кулаком...
И упал богатырь ничком.

Мертвый лес, как вулкан, дрожит,
В небесах ураган гудит.

Птичьи стаи с высот летят,
Звери к ним из лесов спешат —
Все явились и ждут гурьбой,
Чем окончится этот бой
Недвижим богатырь лежит,
А над ним Ялмогыз сидит.
Говорит себе Ялмогыз:
«Я бы горло ему прогрыз!
Вот сейчас отдохну часок,
Свежей крови глотну глоток,
Полежу еще, а потом
Проглочу я его живьем...»
И кряхтит он, и весь кипит,
И на горло врага глядит.

4

Стало тихо. Туман осел
Ветер издали прилетел,
Обнял юношу, словно сон,
Тронул черные кудри он,
Бросил флейте одну волну
И умчался в свою страну.
И Буньяд, задрожавший вдруг,
Слышит нежный, протяжный звук,
Словно кто-то зовет его,
Сына бедного своего
Нет, он жив еще! Будет жить
Будет землю свою любить!
Обратясь лицом на восток,
Вынимает он свой платок,
И к щепотке земли родной
Прижимается он щекой.
Запах родины услышал
И опять исполином стал.

«Нет, я жив еще! Буду жить,
Буду недруга злого бить!»

Дым клубится с широких плеч
Ярким пламенем пышет меч,
Искры мечет, как гром гремит.
Див горой на пути стоит.
Крякнул меч и, как сгнивший ствол,
Дива надвое расколол!
Онемевший Буньяд глядит:
Мертвый див перед ним лежит.
Мяса дикого косогор
Занял видимый весь простор,
Зацепились в лесу рога,
В поле высунута нога,
Ворон вьется над головой...
Так окончился этот бой.

5

И пахлынула синева,
Зашумела в лесу листва...
Словно вымытые грозой,
Засверкали кусты росой.
Яркой радуги луч упал,
Самоцветами засиял.
Словно месяцы в небесах,
На своих кружевных крылах
Птичьи стаи, в лучах горя,
Окружили богатыря.
Осенили крылами меч,
Отряхнули пылинки с плеч,
Освежили дыханьем грудь,
Проводили в обратный путь

Еле-эле Буньяд идет,
 Струйка крови за ним ползет.
 Изумленно глядит окрест
 И не видит знакомых мест:
 Вместо страшной горы крутой
 Блещет озеро синевой.
 Возле синих спокойных вод
 Чистит свой гребешок. удод.
 Там, где высился мертвый лес,
 Сад прекраснее всех чудес
 Вместо серой ползучей тьмы —
 Алых бархатных роз холмы...
 Осторожно Буньяд идет.
 Глины ком на пути встает.
 А из глины, как чудо, вдруг
 Появляется вновь Семург.
 В синих отсветах перья все
 В шелковистой своей красе
 Разгораются под лучом
 То сапфиром, то серебром;
 Очи радостны и нежны
 И к Буньяду обращены.
 К ней навстречу Буньяд бежит
 «Здравствуй, птица моя! — кричит. —
 Здравствуй, счастье! Окончен бой.
 Вновь увиделся я с тобой!»
 Смотрит птица в его глаза,
 Видит: в них глубоко — слеза
 Видит: кудри его седы
 И кровавы его следы
 Видит: меч его искривлен.
 Весь в зазубринах ржавых он.
 Пред героем склонилась ниц
 Птица счастья, царица птиц.

Приложилась к его следам,
Меч его поднесла к устам
И сказала: «Мой смелый друг,
Песню славы поет Семург,
Песня эта, как мы с тобой,
Полетит над родной землей.
Пусть победы твоей полет
К новым подвигам мир зовет.
К солнцу, к солнцу!..»
И, словно хор,
Вторил птице земной простор:
«К солнцу, к солнцу!..»
Шумела высь.
Над землею они неслись.

7

Там, где розовый цвел урюк,
Распрощался Вуньяд с Семург,
Он на камень дорожный сел,
Долго-долго ей вслед смотрел,
Как она в синеве плыла,
Как сверкали ее крыла.
«Это слава моя летит,
Это счастье мое блеснит,
Улетает крылатый конь...»
Вечерело. Мигнул огонь,
Потянуло дымком родным...
И пошел человек на дым.

Глава четвертая

1

Вот знакомый шумит базар,
Здесь когда-то стоял чинар...

Было это — а может, нет?..
Осыпается легкий цвет
С белых яблонь. Ручьи бегут,
Лепестки по воде плывут.
У арыка, людей полна,
Пестроцветная чайхана
Люди спорят, молчат, жуют.
Чай зеленый усердно пьют,
И гадалщик сидит слепой
В придорожной тени пустой
Свет заката в пустых глазах,
Горсть бобов — в восковых руках.
Вот Буньяд в чайхане сидит —
В пиалу крепкий чай налит, —
Исподлобья глядит вокруг:
Не найдется ль случайный друг,
Чтобы вместе чайку попить,
О событиях расспросить?
Важно люди кругом сидят,
На пришельца едва глядят:
И к чему богатеям злым
Оборванец с лицом худым.
Пышет пламенем самовар,
Заунывно звенит дутар,
В такт напеву трясет слепой
Глянцевитою головой.

Сел Буньяд рядом с ним в углу.
Протянул ему пиалу:
«Разделите, отец, со мной!
Этот скромный напиток мой!»
И слепец пиалу берет,
Чай зеленый степенно пьет,
Молвит юноше: «Мой джигит!
Ведь пословица нам велит
Людям кланяться сорок раз,

Что однажды пригрели нас.
Хочешь, вернышки разложу
И судьбу тебе предскажу?»

Улыбнулся в ответ Буньяд,—
Он не знал никаких преград,
Ялмогыза он победил,
Мир от мрака освободил.
«Нет, — сказал он,—молчи, отец!
Сам узнаю, какой конец,
Сам дойду до конца пути,
Испытаю, что впереди!..»

У дороги миндаль цветет,
По дороге Буньяд идет...

2

В золотистый закатный свет
Серый мрамор дворца одет.
Перед страшным пришельцем вдруг
Расступаются сотни слуг.
По текинским коврам герой
В бирюзовый идет покой.
Вот, величием осиян,
В златотканом халате хан.
И Буньяд говорит ему:
«По велению твоему
Обошел я весь белый свет,
Воротился держать ответ.
Через реки я переплыл,
Через горы перевалил,
Там, на самом краю небес,
Я прошел через мертвый лес.
Див чудовищный Ялмогыз
Подо мною каменья грыз.

Это чудище я убил,
Мир от мрака освободил!
Мне не надо иных наград —
Дай мне дочь твою Паризад,
Пери ласковую мою,
Завоеванную в бою!»
Весь кипел от волнения хан,
Багровел от смущенья хан.
Тряс тревожно своей седой,
Хною крашенной бородой
И окончившему рассказ
Отвечал, не поднявши глаз:
«Да, конечно... Ты прав, герой,
Был у нас договор такой.
Значит, див Ялмогыз убит?
За наградою ты, джигит?..»
Зашептался блестящий круг
Ханских родичей, ханских слуг:
«Ялмогыза убил герой,
За наградой пришел домой
За обещанной...» Хан привстал,
Хриплым голосом закричал:
«Дайте мой драгоценный меч,
Шубу красную с ханских плеч
Да в придачу мешок с казной!»
«Нет, не надо!—сказал герой.—
Унесите все это прочь!
Обещал ты в награду дочь.
Я за нею пришел, за той,
Что сказала: «Иди на бой,
И когда б ни пришел навад,
Будет ждать тебя Паризад...»
Выполняй свое слово, хан,
Не хочу я другого, хан!»
И теснее сомкнулся круг
Ханских родичей, ханских слуг:

«Отказался от всех наград!
В жены требует Паризад...»
Хан промолвил тогда: «Мой свет!
Сам ты мне подсказал ответ:
В бой не я тебя посылал
И не я обещанье дал.
Позовите сюда ее,
Чудо горестное мое.
Пусть скорее сюда идет,
С ним сама разговор ведет!»
В ожиданье Буньяд стоит,
На раскрытую дверь глядит.

3

А навстречу идет она,
Как апреля луна, полна,
Вся — лукавое торжество,
Чернокосое божество.
Косы черные распустив,
Белым жемчугом перевив,
Шла, не видя кругом людей,
В горделивой красе своей.
Что такое? Иль это сон?..
Сон чудовищный видит он:
Дочь в руках Паризал несет
И сына за собой ведет,
А за ними шумит голпой
Возбужденных придворных рой.
Им детей своих передав,
Перед хмурым Буньядом встав
И откинувшись вдруг назад,
Рассмеялася Паризад:
«А, пастух! Ты пришел за мной.
За смиренной своей женой»
О, лишь тот, кто родня ослам

Мог поверить таким словам!
Ха-ха-ха!.. До чего красив,
И отважен, и молчалив!
Посмотрите-ка на него,
Мужа нового моего!
Я тебя проводила в бой,
Чтоб разделаться так с тобой,
Прямо к диву послала в пасть,
Чтоб упряму в нее попасть.
Лучше вышла б за петуха,
Чем за дикого пастуха!
Будь ты лучшим из всех людей,
Мне в постели, пастух, твоей
(Даже если в шелках она)
Все солома была б слышна,
Все бы жесткой соломы клочок
В мой атласный впивался бок.
Ты уехал, и в ту же ночь
Свадьбу справила хана дочь.
И визирь наш стал мужем мне
В ту же ночь, при большой луне.
Что ж, пастух, вот и весь мой сказ!»
В хищном блеске раскосых глаз
Искры смеха еще дрожат...
В землю вросший, стоит Буньяд

4

Словно молнией поражен,
Задрожал, покачнулся он.
Захлестнула Буньяда страсть,
Потерял над собою власть,
Вырвал меч...
Заметался круг
Ханских родичей, ханских слуг:
«Тише, тише! Не то Буньяд

Может всех нас сразить подряд!
С Ялмогызом сразился он,
За наградой явился он.
Он и хана и дочь убьет,
Наше ханство себе возьмет.
Тише, тише!»
Стыдом объят,
Отшатнулся назад Буньяд,
Острый меч опустил в ножны,
Очи черные слез полны.
С удивлением и тоской
Говорит он, как сам с собой:
«Паризад! Светлый образ твой
В моем сердце—совсем иной.
Нет, красавица, не тебя
Убивать мне, в слезах скорбя!
Нет, ни гибель твоя, ни кровь
Не вернут мне мою любовь.
Ты—не та, для которой я
Все земные прошел края,
Видел реки, вершины гор,
Неоглядных песков простор,
Звал меня в богатырский бой
Ясный голос совсем не твой.
Не тебя я в душе носил
И совсем не тебя любил.
Если б ты была Паризад—
Слов своих не взяла б назад!»
И поблекла лицом она,
Опозорена и темна;
Растрепалися волоса,
Вдруг исчезла ее краса...
Смотрят все и отводят взгляд
Посмотрел на нее Буньяд,
Отвернулся и вышел вон.

В гьме сиреновой небосклон,
 Ветви, полные лепестков,
 Волны синие ручейков —
 Все навстречу спешит ему,
 Сыну верному своему.
 Травы, блещущие росой,
 Пробиваются под ногой,
 Расстилаются, как атлас,
 О герое ведут рассказ.
 И, услыша их шепоток,
 С гор дремучих летит поток,
 Рокотаньем алмазных вод
 Прославляет его приход.
 Звезды в руки ему летят,
 Розы в очи ему глядят,
 Просыпаются соловьи
 И поют о его любви.
 Жадно смотрит Буньяд кругом,
 Ловит воздух горячим ртом:
 «Нет, я жив еще! Буду жить,
 Буду счастье свое ловить!
 Выше горя моя любовь,
 Глубже смерти моя любовь!»
 И в омытый слезами взор
 Загляделся земной простор,
 Словно всей красоты весна
 В нем, бездонном, заключена.

Только кто-то к нему идет,
 Осторожно его зовет.
 Отодвинув рукой кусты.
 Старец вышел из темноты

И взволнованно говорит:
«Ну и спрятался ты, джигит!
Видишь ярких костров огни?
В честь твою зажжены они!
Весь народ собрался толпой,
Чтоб увидеть тебя, герой!
Чай заварен. Из всех котлов
Ароматный дымится плов.
В круглых чашах вино кипит...
Мы заждались тебя, джигит!
Уважение окажи,
Нам о подвигах расскажи!»

7

В трепетанье ночных костров
Краснотканый узор ковров;
Дышат шелковые цветы,
Выступая из темноты;
Тенью бархатный виноград
Обвивает просторный сад:
И, прекраснее всех огней,
Восхищенье в глазах людей
Все героя Буньяда ждут,
Все навстречу ему встают
Стало весело и светло,
Словно солнце в саду взошло

8

То не солнце — то человек,
Повернувший планеты бег,
Тот, что насмерть в бою стоял,
Чтобы недруг проклятый пал.
Что окончил кровавый бой
И победу привез домой

Шрам кривой на его плече,
Кровь врага на его мече,
Пыль дорог на седых кудрях,
Звёздный свет в молодых глазах
А над ним высота поет,
Смелых к солнцу она зовет.

9

Люди, люди к нему идут,
Ворох роз для него несут...
Руки нежные матерей
Поднимают к нему детей.
И красавицы, роз нежней,
Не спускают с него очей.
И джигиты целуют меч,
Закаленный в пожарах сеч
И слепца поводырь ведет:
Это старый гадалщик тот,
Запыхавшийся от ходьбы,
Пробирается средь толпы.
Он к Буньяду подсел. у ног,
Пыль собрал он с его сапог,
Пыль дорожную, как бальзам,
Он к незрячим прижал глазам,
К небу руки свои воздел,
Улыбнулся — и вдруг прозрел.
...Дышат травы. Цветут цветы.
Праздник блещет средь темноты
А когда тишина сошла,
Над горами луна взошла,
Оглянулся Буньяд вокруг
И движением гибких рук
Флейту, радость свою, достал,
По ладам ее пробежал.

Люди, головы наклонив,
Ловят песенный перелив.

Песня плачет, шумит, поет...
В ней — прибой голубых высот,
Неоглядная степь в огне,
Богатырь на своем коне,
И короткий прощальный взгляд
Брови вскинувшей Паризад,
И далекий-далекий путь,
И открытая ветру грудь,
И единственный в жизни миг,
Когда к горлу подступит крик,
Когда смерть с четырех сторон,
А в тебе огонек зажжен,
И щекочет ноздри твои
Теплый запах родной земли,—
Миг, в который проходит век,
И становится человек,
Незаметный, совсем простой,
Великаном земли родной...
Нет, не песня в саду гремит,
Это птица Семург летит.
В синих отсветах перья все
В несказанной своей красе
Разгораются под лучом
То сапфиром, то серебром.
Мчится мира крылатый конь,
Высекая из гор огонь.
Совершая над бездной круг,
Птица счастья летит, Семург

1939

СОДЕРЖАНИЕ

Стихотворения

Ленты дорог

Горная газель. Перевод С. Сомовой	4
Река Мизимта. Перевод Э. Тумановой	5
Смерть Эфелии. Перевод С. Сомовой	7
Река прозрачна, даль ясна. Перевод Р. Морача	10
Южной ночью. Перевод Р. Морана	11
В Чимгане. Перевод С. Сомовой	12
Ленты дорог. Перевод Э. Тумановой	13
У Черного моря. Перевод Р. Морана	15
«Красавица! За то, что в немоту...» Перевод Р. Морана	16
Юность. Перевод С. Сомовой	16
«У каждого сердца есть время расцвета...» Перевод Э. Тумановой	17
Детство. Перевод Л. Руст	18
На берегу Балтийского моря. Перевод М. Зима- ховской	20
Настроение. Перевод Р. Морана	21
Когда тоскуешь по весне. Перевод М. Замаховской	22
Воспоминания о Неве. Перевод Р. Морача	23
«В года цветущей юности моей...» Перевод С. Со- мовой	24
«Играет молодой травкою...» Перевод Р. Морана	25

Когда цветет урюк

Узбекистан. Перевод Л. Пеньковского	26
Молодая сила. Перевод М. Замаховской	28
Сняб. Перевод Л. Руст	29
Шарафат. Перевод Р. Морана	33
Обновленье. Перевод Т. Спендиаровой	34
Приди! Перевод Р. Морана	35
Дочь Азербайджана. Перевод М. Замаховской	36
Восток. Перевод П. Семынина	38
Сорванный лист. Перевод Р. Морана	41
В огне возмездия. Перевод А. Шпирга	42
Степи. Перевод П. Семынина	43
В Узбекистане. Перевод Л. Руст	44

Великий поход. Перевод В. Державина	48
Долина счастливых. Перевод Э. Тумановой	50
Весна. Перевод Л. Пеньковского	56
Бахри. Перевод П. Семьнина	58
Ночь у реки. Перевод В. Державина	60
Другу-сборщице. Перевод К. Арсеновой	62
Воображение певца. Перевод В. Державина	63
«Счастливы я...» Перевод М. Замаховской	66
«Если выжмет слезу беда...» Перевод Р. Морана	66
Пушкин. Перевод В. Любина	67
Хулькар. Перевод Э. Тумановой	68
Казахстан. Перевод А. Шпирта	69
Когда цветет урюк. Перевод Л. Пеньковского	71
«Сколько в веках уничтожено было...» Перевод Л. Пеньковского	72
Газель. Перевод Э. Тумановой	74
Родина. Перевод Л. Руст	75
Хвала домбре. Перевод В. Державина	76
Счастье народа. Перевод К. Арсеновой	77
Ключ к счастью. Перевод Л. Пеньковского	78
На берегах Чирчика. Перевод В. Державина	80
Сыну, который еще не родился. Перевод Э. Тума- новой	82

Святой огонь

Возьми оружие в руки. Перевод В. Державина	83
Отправка бойцов на фронт. Перевод А. Шпирта	84
Письмо. Перевод В. Державина	86
Любовь. Перевод Л. Пеньковского	88
Джигит. Перевод В. Державина	90
Привет гвардейцам. Перевод В. Державина	91
Другу, идущему с востока на запад. Перевод В. Левика	92
Ожидание Перевод Р. Морана	94
Россия. Перевод В. Державина	95
Шинель. Перевод В. Державина	96
День твоего рождения. Перевод С. Сомовой	98
Когда уходили на восток. Перевод В. Державина	100

Баллады

Шахимардан. Перевод А. Шпирта	104
Мастерство. Перевод В. Державина	112
Жизнь старика Перевод В. Державина	116

Повести двух девушек. Перевод В. Липко	127
Самарканд, 21 января 1924 года. Перевод В. Дер- жавина	138
Баллада о бойце Турсуне. Перевод В. Державина	141
Слезы Роксаны. Перевод Р. Морана	147

Поэмы

Зайнаб и Аман. Перевод Ю. Нейман	158
Семург. Перевод С. Сомовой	208

Хамид Алимджан

ВООБРАЖЕНИЕ ПЕВЦА

Стихотворения, баллады, поэмы

Перевод с узбекского

Редактор А. Липкина. Художник Б. Хайбуллин.
Художественный редактор А. Кива. Технический редактор
Е. Потапова. Корректор Л. Бейгул.

ИБ № 2694

Сдано в набор 16.02.84. Подписано в печать 31.08.84
Формат 70×90^{1/32}. Бумага типографская № 3. Академическая
гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 9,36+0,07 вкл. Усл.
кр.-оттисков 9,81. Уч.-изд. л. 10,09+0,06 вкл. Тираж 20 000.
Заказ № 1745/354. Цена 195 к.

Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма,
700129, Ташкент, ул. Навои, 30.

Отпечатано на Г.П.ТППО «Матбуот» Государственного коми-
тета УзССР по делам издательств, полиграфии и книжной
торговли. Ташкент-700129, ул. Навои, 30.

Набрано и отматрицировано в типографии издательства
«Таврида» Крымского обкома КП Украины, г. Симферополь,
ул. Генерала Васильева, 44.